

С. ГИИЦ
Б. НАЗАРОВСКИЙ

КАЖДИЙ
ТАЙДАР

НА УРАЛЕ

С. ГИНЦ.
Б. НАЗАРОВСКИЙ

АРКАДИЙ
ГАЙДАР

НА УРАЛЕ

ПЕРМСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1968

В 1925—1927 годах Аркадий Петрович Голиков — писатель Аркадий Гайдар жил и работал на Урале, сначала в Перми, а потом несколько месяцев в Свердловске. Это было время, когда он делал первые шаги по новому, литературному пути, формировался как журналист и писатель, время очень важное в жизни Аркадия Гайдара и потому представляющее общий, а не только местный интерес.

Книга эта — попытка воспроизвести уральский период жизни Гайдара. Авторы работали вместе с Гайдаром в пермской газете «Звезда», поэтому книга содержит некоторые личные воспоминания. Но в большей своей части она — результат изучения материалов и документов. Помощь авторам оказали Л. Л. Соломянская и Г. Н. Плеско. Они же предоставили значительную часть фотографий.

Первое издание этой книги вышло в 1965 году. Она была благожелательно встречена критикой и быстро разошлась. Для настоящего издания книга доработана: местами исправлена и сокращена, местами дополнена новым материалом, главным образом письмами Гайдара и его выступлениями в печати.

«Несколько вступительных слов», главы «На новом месте», «Цвет времени», «Фальстони́ст Гайдар», «Гайдар и Лбов», «Как жилось?» и «Несколько слов в заключение» написаны Б. Назаровским. Главы «Далекое и близкое», «Протест Гайдара», «В приключенческом жанре» написаны С. Гинцем. Он же составил библиографию.

НЕСКОЛЬКО ВСТУПИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Творчество Аркадия Гайдара выдержало большую и строгую проверку временем.

Прошло четверть века со дня гибели Аркадия Гайдара, а он живет с нами, живет в людях, испытавших его влияние, живет в книгах, зажигающих светом радостного возбуждения ребячьих глаза.

В послевоенные годы возникла обширная литература о Гайдаре, как человеке и писателе,— не только исследования, статьи и воспоминания, а и рассказы, повести, пьесы. В этой литературе много ценного. Но права Вера Смирнова, заметившая, что некоторые произведения о Гайдаре «не передают настоящего обаяния личности Гайдара, не раскрывают ее с достаточной полнотой», что «Гайдар выглядит в них примитивнее и мельче, то назидательнее, то эксцентричнее, чем в жизни, а иногда даже сусален, что уж совсем ему не пристало»*. В 1963 году сестра Аркадия Гайдара Наталья Петровна Полякова очень решительно протестовала против чрезмерно вольного обращения с образом Гайдара, его биографией, чертами его

* В е р а С м и р н о в а . Аркадий Гайдар. М., 1960, стр. 21.

характера*. Протест против искажения образа Аркадия Гайдара в биографической и мемуарной литературе, в инсценировках его произведений прозвучал на межвузовских гайдаровских конференциях в Арзамасе, проведенных в последние годы.

Все это не помогло. Правда, растет число серьезных работ, посвященных творчеству Гайдара, появляются новые содержательные и интересные сообщения и воспоминания, рассказы о Гайдаре, достоверно передающие его характер. Но поток литературы, содержащей досадные неточности, совершенно произвольные утверждения, несобоснованные домыслы, недопустимые упрощения, к сожалению, не ослабевает. Просто диву даешься, как это люди через десятки лет вспоминают все новые и новые реплики и целые монологи Гайдара, с какой легкостью они превращают Гайдара, хорошего и серьезного человека, то в шута горохового, то в самовлюбленного фанфарона.

Гайдар стал легендой. Произошло это закономерно. И это хорошая судьба для писателя. Но, во-первых, нельзя допускать дробления легенды, превращения ее в цепь анекдотов, к тому же не всегда удачных. И, во-вторых, следует позаботиться о том, чтобы сохранить облик Гайдара — Аркадия Петровича Голикова во всей жизненной конкретности.

Гайдар — большая духовная ценность нашего народа. Он заслуживает самого бережного отношения. У него могут учиться не только дети, а и взрослые, в частности молодежь, тянущаяся к литературе, пробующая в ней свои силы.

Пора, давно пора создать биографию Аркадия Гайдара. Для этого надо изучить все этапы его жизни. В частности, связанные с работой в газете.

А с газетой Гайдар был связан многие годы. Еще 14-летним подростком он работал короткое время в 1918 году в редакции арзамасской большевистской газеты «Молот», печатался в

* Н. Полякова. Каким был Гайдар. «Новый мир», 1963, № 3, стр. 277—282.

1920—1921 годах в арзамасской комсомольской газете «Авангард», работал в пермской «Звезде» (1925—1927 годы), в Свердловске, в газете «Уральский рабочий» (1927 год), сотрудничал в московском «Красном воине» и в центральной «Красной звезде» (1927 год), в профсоюзной газете текстильщиков «Голос текстилей» (1928 год), в архангельской «Волне», переименованной при нем в «Правду Севера» (1929 год), в «Рабочей газете», в ее издании по радио (1930 год), в хабаровской «Тихоокеанской звезде» (1932 год), наконец, в «Комсомольской правде» (1941 год). Печатался он и в других газетах.

Кое-что для изучения этой стороны жизни и литературной работы Гайдара сделано. Вышли книжки о его работе в газетах в Архангельске * и в Хабаровске **, выпущен сборник некоторых опубликованных в газетах рассказов, фельетонов и очерков Гайдара ***, появилась статья о его работе в «Красном воине» ****.

Эта книга — попытка характеризовать жизнь Аркадия Гайдара на Урале в 1925—1927 годах, его работу в газетах «Звезда» и «Уральский рабочий», заглянуть в процесс превращения бойца и командира Аркадия Голикова в писателя Аркадия Гайдара, именно процесс, ибо такое превращение не свершается и не может свершиться молниеносно.

* Шамиль Галимов. Аркадий Гайдар в Архангельске. Архангельск, 1962, 58 стр.; Александр Бурлов. Гайдар на Севере. Архангельск, 1965, 58 стр.

** Виктор Королев. Гайдар шагает впереди. Владивосток, 1967, 96 стр.

*** Арк. Гайдар. История о неуловимом билете. Рассказы. Очерки. Фельетоны. Составитель Н. Н. Орлова. М., 1965, 128 стр.

**** Е. И. Петряева. А. Гайдар — корреспондент газеты «Красный воин». Труды Одесского государственного университета, т. 152. Серия филологических наук, вып. 13, 1962, стр. 64—70. К сожалению, этой работе, как и другой того же автора (Публицистика А. П. Гайдара. Конспект лекций по спецкурсу для студентов-заочников, Одесский государственный университет, Одесса, 1964, 32 стр.), очень вредит незнание условий работы в газете, отвлечение от общественно-политической и литературной обстановки, в которой работал Гайдар.

Мы постараемся рассмотреть работу Гайдара в газете, учитывая конкретную обстановку, и просим читателя не сетовать, что будем говорить не только о Гайдаре, но и о его окружении и о некоторых деталях газетного дела и редакционного быта.

Личные воспоминания на таком большом расстоянии, разумеется, ненадежны. Но они помогли все же разобраться в материале — газетных комплектах, документах, письмах, на которых авторы стремились основывать свои суждения и выводы.

НА НОВОМ МЕСТЕ

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Аркадий Голиков появился в Перми осенью 1925 года. Он приехал сюда из Москвы в последних числах октября. Приехал налегке: с ним был вещевой мешок, главным (и по существу, и по физическому весу) содержанием которого служили книжки ленинградского альманаха «Ковш» с его первой повестью «В дни поражений и побед».

С вокзала он направился по указанному на рекомендательном письме адресу: улица Луначарского, 42.

В Пермь Аркадия Голикова привели давние, арзамасские связи. Здесь, в редакции газеты «Звезда», работали два его товарища по реальному училищу и комсомольской организации Арзамаса — Александр Плеско и Николай Кондратьев. Первый из них был в 1923—1925 годах заместителем редактора «Звезды» и душой редакционного коллектива. Он уехал из Перми в середине сентября, отозванный на работу в Москву. В Москве-то и встретились они с Аркадием Голиковым.

Прошло уже порядочно времени с осени

1922 года, когда Аркадий Голиков фактически перестал служить в Красной армии. Он трижды получал шестимесячный отпуск, потом был определен в резерв и, наконец, демобилизован *. В эти годы несколько раз побывал Аркадий Голиков на лечении в больницах — в Томске, Москве, Севастополе. Лечение не помогало. Аркадий занимался литературным трудом, были написаны и опубликованы первые произведения: «В дни поражений и побед» и «Р. В. С.». Несомненный успех. Но он не принес ни популярности, ни материальной обеспеченности. Голиков скитался в эти годы по стране: жил сначала в Красноярске, потом в Москве, в Ленинграде, снова в Москве, приезжал в Арзамас, ездил к больной матери в Крым, отдыхал в Гаграх, потом опять приехал в Москву. Проследить его путь в эти годы нам не удалось. Ясно одно: устойчивая жизнь не налаживалась. То появлялось много денег, то они начисто исчезали. Лишенный привычной армейской среды, предоставленный сам себе, Аркадий Голиков чувствовал себя одиноким.

Александр Плеско был житейски мудрым человеком. Способ помочь товарищу нашелся быстро: почему бы Аркадию не поехать в Пермь? Там есть где жить, там знакомый человек — Николай Кондратьев, там есть возможность работать в газете, в редакции которой дружный молодой коллектив.

Для Аркадия Голикова это было выходом. Долго собираться ему не пришлось: не было ни вещей, ни дел.

И вот он в Перми, на улице Луначарского **:.

* Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ), фонд 1672, опись 1, единица хранения 3, листы 1, 4, 5, 6; ед. хр. 11, л. 1; ед. хр. 57, л. 1 об.

** Изложенные здесь обстоятельства приезда А. Голикова-Гайдара в Пермь расходятся с тем, что писал Р. Фраерман в биографическом очерке «Наш Гайдар», публиковавшемся во всех трех изданиях книги «Жизнь и творчество А. П. Гайдара» (М., 1951, 1954 и 1964), и особенно сильно с тем, что пишет Борис Камов в биографии «Аркадий Гайдар» (Л., 1963). Ошибку допустили и мы в статье «Аркадий Гайдар в Перми» (альманах «Прикамье», № 16, 1952, Пермь). Она была исправлена в первом издании этой книги. Отъезд А. В. Плеско из Перми в середине сентября 1925 года с полной несомненностью подтверждается

В двухэтажном каменном доме № 42 на этой улице помещались когда-то редакция «Звезды» и отделение РОСТА. Отделение РОСТА ликвидировалось, редакция переехала в другое помещение, а дом удалось занять под квартиры журналистов. В шести комнатах второго этажа образовалось что-то вроде коммуны. Хозяйкой здесь была Галина, жена Александра Плеско, оставшаяся в Перми (квартиры в Москве не было) и также работавшая в «Звезде».

Дадим ей слово.

«В один из дней, в конце октября 1925 года, вошел к нам в комнату большой, широкоплечий человек в серой солдатской шинели, в серой кепке, высоких сапогах, с трубкой в зубах. И таким ясным было его широкое, чуть скуластое лицо с добрыми, с лукавинкой глазами, с детскими, чуть припухлыми губами, что сразу он стал своим, как бы давно знакомым товарищем и другом.

И мы приняли его сразу, как друга, в свои ряды. Через полчаса в туго перетянутой командирской портупеей гимнастерке, коротко подстриженный, чисто выбритый, весь как-то по-военному подтянутый и собранный, он уже сидел за общим столом в нашей комнате-столовой»*.

документами окружкома партии и издательства «Пермкнига», сохранившимися в партийном и государственном архивах Пермской области, а также письмами А. В. Плеско к Б. Н. Назаровскому. Неточно изложены обстоятельства приезда Гайдара в Пермь и в статье Б. Камова «Командир отдельного полка», опубликованной во втором томе альманаха «Прометей» (М., 1967, стр. 65—66). По статье получается, что Гайдар поехал в Пермь прямо из Ленинграда, сразу же после появления его первой повести в альманахе «Ковш», поехал опять же к Кондратьеву и Плеско, которые «прислали как-то ему письмо». Но письмо, которое имеет в виду Камов, помечено еще сентябрем 1924 года (см. ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. 2, ед. хр. 15, л. 1—2 об.), то есть за год с лишним до появления Гайдара в Перми, и не содержит приглашения в Пермь.

Мы вынуждены и дальше отмечать неточности и ошибки Б. Камова, потому что его книги и статьи о Гайдаре, в частности биография «Аркадий Гайдар», получили широкое распространение.

* Г. Пл е с к о. Наш товарищ Гайдар. «Звезда» (Пермь), 1964, 22 января.

Галина Плеско была в редакции секретарем отдела рабочей жизни. Она сразу привлекла Аркадия к правке рабкоровских заметок.

Этого Аркадию Голикову было, конечно, мало. Он же писатель. Он привез с собой уже опубликованную повесть. Читал ее вслух товарищам по коммуналке. И он должен здесь, на новом месте продолжать писательскую работу, показать себя с этой стороны.

Был канун восьмой годовщины Октября. «Звезда», как и все газеты, нуждалась в литературном материале. И Аркадий сел писать рассказ для праздничного номера. Это был «Угловой дом» — первое произведение Аркадия Голикова, опубликованное в пермской «Звезде», и, насколько нам известно, первое — подписанное им коротким, звонким, емким и хорошо запоминающимся псевдонимом «Гайдар»*. Рассказ писался с особенным старанием.

«Я наблюдала за тем, как писал этот рассказ Аркадий, — вспоминает Г. Н. Плеско. — Широким размашистым почерком заполнял он страницы буквами, отделенными друг от друга, перечеркивал страницу сверху донизу, снова писал, перечеркивал и писал снова.

— Ты послушай, — говорил он, — послушай. Так? Нет, не так! — сердился, зачеркивал и снова писал.

— Вот теперь так, — и читал мне утвержденный им самим после многих поисков кусок рассказа**.

Гайдару хотелось как-то выразить благодарность гостеприимно встретившей неожиданного пришельца хозяйке коммуналки, и героиню рассказа он назвал ее именем — Галина, Галька.

Он проводил почти все время в редакции, с товарищами. Больше всего в отделе рабочей жизни. Отсюда его и направили попробовать свои силы в очерке в Шлагинские мастерские — так коротко называли Главные мастерские Пермской железной дороги, носившие имя А. А. Шлагина, старого большевика, в прошлом

* Жизнь А. Голикова-Гайдара в 1923—1925 годах очень слабо изучена. Возможно, что он и до «Звезды» работал в газетах и пользовался псевдонимом «Гайдар». Нам он о таком сотрудничестве не рассказывал.

** Г. Пл е с к о. Наш товарищ Гайдар. «Звезда» (Пермь), 1964, 22 января.

рабочего этих мастерских. Пожалуй, первый раз побывал Аркадий Голиков на таком крупном, по тем временам, предприятии. Очерка не получилось. В газете появилось что-то более близкое к корреспонденции — «О Шпагинских мастерских и вообще».

Новинкой в редакции было радио. Только-только — 24 октября — начала работать приемная радиостанция «Звезды». Это было событием и для города. Антенну радиостанции, протянутую между двумя высокими мачтами на целый квартал, было видно издалека. В маленькую комнатку, где принимали радиogramмы, постоянно набивались редакционные работники. И Гайдар с любопытством рассматривал приемник, прислушивался к голосу, доносившемуся по эфиру. Радио казалось таинственным. «А все-таки здесь какая-то чертовщина», — заметил Аркадий, послушав передзучу в первый раз. Здесь, у радиоприемника, когда была получена телеграмма о назначении нового наркома обороны К. Е. Ворошилова, родился как-то совсем естественно, из разговора, рассказ «Две телеграммы».

Была глубокая осень, уже выпадал снежок, но Аркадий много бродил по городу, реже один, чаще с товарищами. Ходили, конечно, на берег Камы. В Перми с давних пор есть многочисленная категория людей — «камопоклонников», и все мы к ней принадлежали. В то время река была по-своему красивой, замерзавшая, уходящая на отдых река. И она полюбилась Аркадию. Очерк «Кама», появившийся в «Звезде», — первый, несомненно удачный его очерк.

Так же естественно родился и первый фельетон — «Адмотделу Пермского исполкома». Он возник просто, в веселом разговоре с товарищами по поводу присланной для заполнения анкеты.

Шаг за шагом втягивался Гайдар в редакционную работу. Он пробовал себя на разных участках достаточно широкого даже в небольшой газете фронта журналистики. Он еще не был зачислен в штат, получал только гонорар, как и некоторые другие постоянные сотрудники газеты. У редакции была возможность оплачивать гонораром всякую работу, даже правку заметок. Лишь в начале

1926 года Гайдар стал штатным сотрудником. Сохранившийся в делах издательства «Пермкнига» приказ гласил: «Литературного работника Аркадия Петровича Голикова, приглашенного на работу в редакцию газеты «Звезда» с 1-го февраля, зачислить на фикс по 1 разряду с указанного числа и в число сотрудников издательства»*. Первый разряд тарифной сетки — это 11 рублей 75 копеек в месяц, тогда как заведующий отделом редакции получал 98 рублей, секретарь редакции — 122 рубля. На такой скромной ставке Гайдар и работал в «Звезде» все время. Она была, собственно, условной оплатой, позволяющей считать человека штатным работником. Труд его фактически оплачивался гонораром, впрочем, тоже не щедрым.

В жизнь товарищей он вошел быстрее, чем втянулся в газетную работу, и ими был зачислен в свой штат раньше и с полной оплатой симпатией и доброжелательством.

РЕДАКЦИЯ И РЕДАКЦИОННЫЕ РЕБЯТА

На Октябрьские праздники в Пермь приехал Александр Плеско. Его призвали в армию и перед армией отпустили на побывку к семье.

Шурку Плеско все мы любили. Уверены, что любили его и многие другие журналисты, работавшие с ним позже в армейских и флотских газетах. Еще в Арзамасе, в комсомольские годы, стал он журналистом. В 1919—1920 годах (то есть шестнадцати-семнадцати лет) редактировал там молодежную газету «Авангард», в которой, кстати сказать, Аркадий печатал свои первые стихи. Выпустил брошюру «История Арзамасской городской организации

* Государственный архив Пермской области (в дальнейшем ГАПО), фонд 52-р, опись 1, дело 41, лист 127 оборот (Распоряжение по издательству «Пермкнига» № 14 от 1 февраля 1926 года).

РКСМ». Кончил КИЖ — Коммунистический институт журналистики в Москве. Поздней осенью 1922 года приехал в Пермь, стал членом редколлегии, а потом редактором комсомольской газеты «На смену». Издание ее перевели в Свердловск — там был создан Уральский обком РКСМ. Плеско же остался в Перми. Его назначили заместителем к Михаилу Павловичу Туркину — старому большевику, назначенному редактором «Звезды», но продолжавшему вести работу и непосредственно в окружке. М. П. Туркин относился к своему молодому заму с полным доверием, и тот вел все внутриредакционные дела.

Вокруг Плеско и сложился молодой коллектив редакции. Пожилых людей в редакции было только двое, оба — колоритные фигуры. Михаил Павлович Туркин, член большевистской партии с 1903 года, был в прошлом мотовилихинским рабочим. Подпольную революционную деятельность он начал с распространения листовок и первого периодического издания Пермского комитета РСДРП — «Рабочего бюллетеня». Его стараниями была создана первая в Перми подпольная большевистская типография. Он служил живым олицетворением революционных традиций и был предметом нашей гордости, хотя с сотрудниками редакции общался в те годы мало. Другим пожилым был старый репортер Сергей Николаевич Павлинов, обслуживавший информацией еще с последних лет XIX века все выходившие в Перми газеты (кроме черносотенных). Человек исключительно работоспособный и необычайно продуктивный, он мог в случае нужды (а такая случалась) заполнить своей информацией, суховатой, но разнообразной по темам и, безусловно, точной, полосу газеты.

Все остальные, кроме, впрочем, еще одного — державшегося несколько в стороне художника И. Н. Вроченского, молодежь 19—22 лет.

Это была преимущественно интеллигентская молодежь, не закончившая по обстоятельствам бурного и тяжелого времени образования, но способная, читающая, увлеченная газетой и преданная партии. Звали мы себя редакционными ребятами, и это

название укрепилось за нами в городе. Держались всегда одной компанией. Не стесняли себя условностями. Летом нередко бродили по городу в одних трусах, одно лето — в сопровождении купленного на базаре медвежонка.

Свой город, свое Прикамье любили страстной любовью. Вера Инбер, побывавшая в Перми летом 1925 года с агитсамолетом «Все в Авиахим», писала так:

«В редакции пермской газеты «Звезда» оживление по поводу нашего прилета. Там сидят большие патриоты родного города.

— Пермь — лучший город на Урале, — говорит секретарь.

Я недослышала и переспрашиваю:

— В Европе?

— Я сказал на Урале, но, впрочем, возможно, и в Европе»*.

Таков был замах.

И он увлекал. Увлек Веру Михайловну Инбер, и она очень тепло написала тогда и о нашем совсем еще скромном и стареньком в те годы городе, и о белых ночах над Камой. Да что радостная Инбер! Даже скептика Бориса Пильняка, прилетевшего с тем же самолетом, увлекло наше Прикамье, и в написанных здесь очерках «Россия в полете» больше веры в будущее страны, в ее трудовой народ, в сознательное творческое начало новой жизни, чем в каких-либо других его произведениях.

К рабочему классу мы относились с трепетным даже уважением. Авторитет рабочего, особенно мотовилихинского, был для нас бесспорен. Рабкоры, среди которых большинство в то время составляли пожилые люди, чувствовали это, относились к нам с доверием и, смеем сказать, даже с отеческой любовью.

С рабкорами велась очень энергичная работа: занятия в кружках на заводах, занятия при редакции, в клубе рабкоров, городские и окружные совещания, смотрят стенных газет. Выпускались значительным тиражом «Письма рабкорам» — «Инструктивный ма-

* В. И н б е р. От хорошей жизни. Избранные произведения в трех томах, т. 3, М., 1958, стр. 59.

териал для рабкоров «Звезды», селькоров «Страды» и редколлегий стенгазет». Вышли две книжки: «Рабкор — газета» и «Беседы в кружке рабкоров». Корреспонденты появились всюду: в учреждениях, кооперативных организациях, школах и т. д. Наряду с рабкорами и селькорами — служкоры, коопкоры, стенкоры, юнкоры, пикоры (пионерские корреспонденты). Не удивляйтесь, были в те годы и крокоры — корреспонденты «Крокодила», и слепкоры — корреспонденты печати для слепых. «Звезде» с помощью «Правды» удалось избежать болезни некоторых мест — оказывания рабкоровского движения. На 3-м окружном совещании кружков рабкоров, летом 1925 года, было принято решение: «Рабкор не должен ничем выделяться из среды всех рабочих... В ином случае в среде рабочих будет создаваться неправильное представление о рабкоровской организации, как об организации замкнутой, да и рабкоровское движение может окостенеть в уродливой форме чиновничьей организации». Совещание высказалось против выдачи рабкорам каких-либо удостоверений, против всякого проявления рабкоровского чванства и рекомендовало подписывать под заметками свою фамилию, не добавляя к ней титул «рабкор». Работе с корреспондентами это нисколько не мешало. И к корреспондентам-рабочим подходили с особым вниманием и всячески стремились им помочь.

В окружке к нам относились хорошо: за ошибки журили отечески, посмеивались над молодым самомнением и не препятствовали смелым экспериментам с газетой. Секретарями окружка работали старые большевики-подпольщики — В. И. Нанейшвили, а после него И. П. Румянцев. Румянцев — член Центрального Комитета партии, был сначала секретарем Мотовилихинского райкома. Он поддерживал «Звезду» своими корреспонденциями, причем не стеснялся давать и информацию. Такое отношение партийного работника к газете немало способствовало росту рабкоровского движения в Мотовилихе. И. П. Румянцева сменил осенью 1925 года К. В. Рындин, тоже подпольщик, коренной уралец, талантливый массовик, но человек более крутого характера.

Жили мы, можно сказать, одной семьей, были связаны друг с другом не только работой, а и дружбой, общими литературными интересами, общими развлечениями, принимавшими иногда бурный характер.

Такая бесспорная семейственность не мешала высокой требовательности. Когда вспоминаешь (а вспомнить помогают некоторые сохранившиеся документы), удивляешься, до чего же неукоснительно требовательно относились друг к другу эти молодые люди, как они настаивали на строжайших взысканиях за малейшую провинность перед газетой.

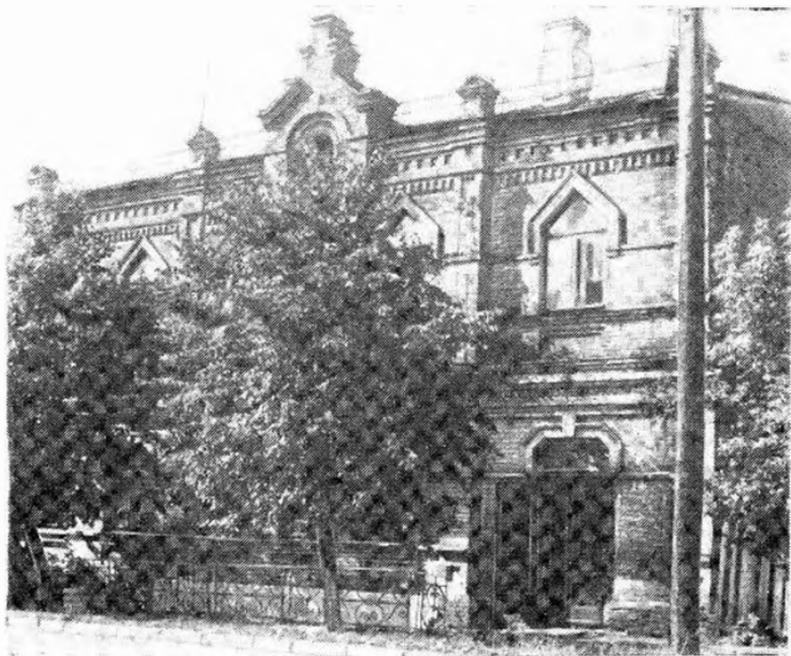
Впрочем, общая власть распространялась не только на область журналистики: на одном из редакционных совещаний было постановлено запретить товарищу такому-то жениться, так как невеста — типичная мещанка, явно ему не подходит. И он не женился.

Александр Плеско был прекрасным организатором. Вовремя разрабатывались планы. Еженедельно, в строго установленное время проходили редакционные совещания, на которых каждый отчитывался. На этих же совещаниях обсуждались проблемы дальнейшего ведения газеты. Именно проблемы, а не вопросы. Прошли «курсы самоподготовки», или «самокурсы» (сейчас бы мы сказали — семинар) по газетоведению. На них занимались штатные литературные работники редакции и резерв из актива.

Для своей «Звезды» мы хотели большого: мы хотели, чтобы она стала в своем роде такой же ведущей, как «Правда» или, на крайний случай, лондонская «Таймс». И газета приобрела в 1924—1925 годах свой облик, облик массовой рабочей газеты, но все же своеобразный. Короткая, на одну колонку передовая статья помещалась на второй полосе. Вся первая страница отводилась под иностранную и союзную информацию. Объявления прятались в правом нижнем углу третьей полосы: их и там найдут. А видная четвертая полоса отводилась отделу рабочей жизни, несколько выделявшемуся как нечто самостоятельное: здесь давалась своя передовичка. Верстка была симметричной, «балансированной», в верхней части страницы преимущественно одно- и двухколонной.

А Гайдэр (перзый снізу) в групе работ-
ников редакци газеты «Звезда». За ним:
Лі Неверов, Б. Назаровский, А. Плеско,
В. Блок.

Дом на улице Луначарского, № 42, в котором
А. Гайдар жил по приезде в Пермь.

Снимок 1964 года

Заголовки двух- и трехстрочные. Такие же аншлаги над подборками (которыми, впрочем, в то время еще не злоупотребляли). Все вопросы газетной культуры служили предметом бурного обсуждения, страстных споров.

Может быть, только издали кажется такой привлекательной своя газетная молодость? Вполне возможно. Но есть все же и объективные свидетельства того, что свет «Звезды» был заметен если не в Европе, то все же далеко от Перми, в частности в Москве. Материалы «Журналиста» и «Рабоче-крестьянского корреспондента» подтверждают это.

В дружную компанию попал Аркадий Голиков. И, пожалуй, первые впечатления от этой дружной компании, радушно встретившей его, привязали такого неусидчивого Гайдара сравнительно надолго к Перми, хотя на его долю выпало здесь много неприятностей и огорчений.

Александр Плеско скоро уехал служить в армию. Но на месте остался Николай Кондратьев и много новых друзей: Галина Плеско, Степан Милицин, Павел Варасов.

Галина Плеско ждала ребенка. За ней, тогда единственной женщиной среди литературных работников «Звезды», трогательно ухаживали. И Гайдар в числе других заставлял ее прогуливаться по вечерам, почтительно держа под руку (что не было принято в те годы среди молодежи). Когда же у Плесок (так уж их звали) появилась дочь, ее нарекли, тоже по решению всего редакционного коллектива, Зорькой и поднесли ей нашими, мужскими стараниями раздобытую рубашку, на которой было вышито: «Зорьке от редакционных ребят». Во всей этой затее была гайдаровская выдумка.

Сам Аркадий очень скоро нашел в Перми девушку, с которой связал свою жизнь. Это была совсем молоденькая, семнадцатилетняя Раля (Рахиль) Соломянская, которую Аркадий переименовал из Рали в Лялю, потом в Лилю и наконец в Лию. Один из зачинателей пионерского движения в Перми, активная комсомолка, Раля Соломянская с детских лет тянулась и к журналистике.

Она была одним из организаторов газеты «Муравей-чудодей» — первой печатной пионерской газеты в Перми. Работая на кожзаводе, редактировала стенгазету, была деятельным членом редколлегии комсомольской газеты «На смену». Здесь, в «На смену», она подружилась с Александром Плеско.

Осенью 1925 года Раля Соломянская стала учиться в совпартшколе, но тесных связей с нашей редакционной компанией не теряла.

Молодая, подвижная как ртуть, брызжащая весельем и задором, девушка пришлась Аркадию как нельзя более по душе. Начались прогулки по Красному (Комсомольскому) проспекту, по берегу Камы, традиционным для влюбленных местам. События разворачивались быстро, и уже в конце 1925 года они поженились. Их семейная жизнь не текла ровно. Не только счастье, а и испытания выпали на долю Рали, ведь Аркадий был больным, издерганным человеком. Но было и счастье, большое счастье, и многие годы они провели вместе, в общих заботах и делах, в частности в заботах о появившемся позже, уже в Архангельске, сыне Тимуре.

Из редакционной коммуны Гайдар переехал к жене, в дом по Коммунистической улице, № 37, но в коммуне, да и у других приятелей бывал постоянно: ни он, ни Раля не были склонны замкнуться в семейном мирке и отгородиться от старых друзей.

Он сжился с Пермью, со «Звездой».

В газете один за другим шли его фельетоны: «История о неуловимом билете», «Надгробное слово», «Волшебный дом», «Темной ночью», — и имя Гайдара скоро стало популярным в городе.

В декабре 1925 года праздновалась двадцатая годовщина первой русской революции. Революция! Эту тему Гайдар считал бесспорно своей. Он написал два рассказа по мотивам 1905 года — «Провокатор» и «Первый пожар», а затем повесть на местном, пермском материале («Жизнь ни во что (Лбовщина)»). Повесть публиковалась в «Звезде» в январе-марте 1926 года и принесла Гайдару несомненный успех у читателей.

Гайдар стал своим, пермским.

Его окружали ровесники. Только двое из редакционной молодежи, люди несколько постарше — Николай Кондратьев и Михаил Бирилов, отслужили в армии. Ровесники Аркадия еще не проходили призыва: 1904 год призывался осенью 1926 года.

А за его плечами была длительная служба в Красной Армии, боевая служба, да еще какая: шутка ли — командир полка!

Но мы можем свидетельствовать с полной ответственностью: никогда Аркадий Голиков не рисовался перед товарищами, никогда и ничем не наводил товарищей на мысль о своих заслугах, о своем превосходстве. Больше того, память не сохранила от тех лет представления о том, что он был даже командиром полка: об этом узнали позже, из «Обыкновенной биографии». Аркадий рассказывал случаи из военной жизни, но сам не выдвигал себя в этих рассказах на первый план.

Что это — скромность?

Он не был, никак не был застенчиво-скромным и умел, когда это нужно, и сказать о себе, и постоять за себя. А вот о своей военной карьере как-то не говорил.

Почему так?

Он овладевал новой профессией. Надо было здесь, на новом поле боя показать себя.

Было ведь немало командиров, честных и действительно заслуженных, считавших, что их заслуги в гражданской войне обеспечивают им пожизненно почет и видное положение. Аркадий Голиков не хотел походить на таких.

Кроме того, увольнение из армии он воспринял как катастрофу. Говорить о своем прошлом — значило беречь неизбежными расспросами товарищей еще незажившую рану.

Да как-то и не оставалось времени для беспредметных воспоминаний. Газетная работа была именно тем и хороша для Гайдара, что она поглощала его целиком. Он никогда не забывал ни сер-

цем, ни умом о прошлом, он опирался на него, а воспоминаниям для воспоминаний, для самолюбования не отдавался. Он весь кипел энергией для новых дел.

В редакционном коллективе были товарищи, превосходившие Аркадия в отношении книжной учености, знания Маркса, Энгельса, Ленина, товарищи, любившие и умевшие теоретически порассуждать. Аркадий с ироническим почтением относился к этим товарищам. (Читатель заметит такую иронию в письмах, которые приводятся в этой книге). Сам он был куда более зрелым в практически-политическом отношении, но опять же эту зрелость не подчеркивал.

Гайдар, что известно по многочисленным свидетельствам, удивительно умел держаться на равной ноге с детьми. Он с искренним удовольствием вмешивался в их разговоры, в их игры. И не было при этом ни тени высокомерия, ни признака сюсюканья. Он сохранил запас нерастраченных, неудовлетворенных ребячьих стремлений.

Но, может быть, в таком отношении к детям было и другое: проявление более широкого человеческого качества — естественного демократизма, который не позволяет подчеркивать ни своих заслуг, ни другого своего превосходства и делает человека таким открытым, привлекательным, способным молниеносно устанавливать контакты с другими людьми.

Его превосходство перед товарищами в жизненном опыте как-то скрадывалось. Его все же необычная жизнь не обращала на себя внимания. А он многое понимал лучше нас. И линия его поведения в газете была осмысленной, хотя жил он и действовал с какой-то ребячьей непосредственностью и внешним легкомыслием.

Чтобы понять линию поведения Гайдара, надо сказать немного о том, далеком уже от нас времени.

РАДОСТИ ТЕХ ЛЕТ

Это были годы, когда заканчивалось восстановление народного хозяйства и делались первые шаги к его реконструкции, когда партия в борьбе с капитулянтами и маловеерами отстаивала социалистические перспективы развития страны. Напомним: в декабре 1925 года состоялся XIV съезд партии.

Много радостного происходило в жизни Пермского округа, одного из крупных промышленных округов Урала.

«Производство фабрики «Северный коммунар» выше довоенного»,— сообщала «Звезда», рассказывая в заметке «Помещик не мог, а рабочие добились», как удалось обеспечить подвозку древесины к картонной фабрике с дальних лесосек. Росло производство молотилок на Очерском заводе, кос-литовок на Пазловском. В Очере строился новый литейный цех. Сходили с консервации и вступали в строй действующих старые металлургические заводы—Полазненский, Добрянский, Пашийский. «После почти двухгодичного мертвого сна снова ожила Пашийская домна»,— радостно сообщала «Звезда»

в апреле 1926 года. В начале этого года был пущен новый эмалировочный цех на Лысьвенском заводе. Там же создавался новый жестекатальный цех и налаживалось производство шивной посуды. Мартеновские печи Чусовского и Лысьвенского заводов переводились с древесного угля на нефтяное топливо. На Чусовском заводе началась реконструкция доменных печей. Завод «Уралсепаратор» (бывший завод Леснера, теперь завод имени Дзержинского в Перми) дал первую партию молочных сепараторов — первых сепараторов отечественного производства. «Тысяча наших сепараторов — тысяча нитей, крепящих смычку города с деревней», — провозглашала «Звезда» 20 апреля 1926 года.

Уже шла разведка Верхнекамского месторождения калийных солей, и «Звезда» печатала первые высказывания ученых о возможных перспективах разработки этого месторождения. В газете все громче звучала тема возрождения Урала как крупного промышленного района страны, Урала как единого мощного комбината.

Газетные сообщения того времени кажутся иногда наивными, они удивляют подчас более чем скромными масштабами первых успехов, воспринимавшихся тогда как торжество.

В Горюхалихе, близ Оханска, заканчивалось строительство «мощной электростанции на 120 лошадиных сил». Но это была действительно мощная по тем временам сельская электростанция, первенец сельской электрификации на Урале.

«Звезда» радовалась успехам в городском хозяйстве Перми. 8 мая 1926 года она сообщала: «Завтра открывается автобусное движение. Автобусы сделаны из старых автомобилей. С 15 мая будут ходить все 4 автобуса». Меньше чем через год, 4 марта 1927 года, она сообщала о новом достижении: «В Пермь прибыли два сороскаместных автобуса марки «Фомаг»... Комтрест (трест коммунальных предприятий.— Авт.) устраивает испытания с тем, чтобы установить, могут ли «фомаги» при теперешнем состоянии дорог свободно ходить».

В Лысьве началось строительство нового поселка — Октябрь-

ского. Газета подчеркивала, что здесь возводятся двухэтажные (разумеется, деревянные) дома. Не как-нибудь!

Появлялись в газете заметки, статьи, подборки, которые современного читателя удивят, как что-то не вяжущееся с его представлениями о нашей советской жизни.

«Организуем помощь безработным!», «На борьбу с безработицей!» — призывала «Звезда». Как, разве была у нас безработица? Да, была. Мы уже забыли, что она сохранялась в стране до конца двадцатых годов. В 1926 году она даже выросла в результате притока в города населения из деревень.

«В ночлежке еще плохо», — констатировала «Звезда» в заголовке рабкоровской заметки, описывавшей беспорядки в «ночлежном доме имени Пермского горсовета». Был такой дом, потому что были бродячие, бездомные люди.

Газета вела кампанию сбора средств в помощь беспризорным. Их оставалось еще очень много, и государственных ассигнований на детские дома не хватало.

Частный капитал почти не проник на Урале в промышленность. Единственный в Перми заметный частный предприниматель, содержавший небольшой литейно-механический заводик, — Иуда Симановский служил предметом столь бдительного внимания со стороны финансовых органов, профсоюза, редакции «Звезды», что только его талантами самоучки-изобретателя (развернувшимися в полной мере позже, на государственной службе) можно объяснить существование его предприятия несколько лет. Владельцы папиросных «фабрик», «заводов» по производству колбас, кваса и других безалкогольных напитков представляли собою величину микроскопическую. Но в торговле частный капитал играл еще значительную роль. Существовало частное акционерное общество «Океан». Было множество частных магазинов, лавок, лавочек и ларьков. По количеству торговых точек частники значительно превосходили государственную торговлю и кооперацию. Нэпманы выступали и в роли подрядчиков на строительных работах, заготовке мочала, дегтя, древесного угля, дров.

Больше всего стремились нэпманские элементы присоединиться к какой-либо государственной организации и питаться около нее, под ее надежным прикрытием.

В Перми действовало огромное количество пивных, кафе, ресторанов, особенно пивных. Сейчас даже трудно представить, как эти бесчисленные пивные могли выдержать взаимную конкуренцию. Помогали, по-видимому, всякие нелегальные операции — торговля самогоном (кумышкой, как говорили в Перми) и тому подобное. Вечерами в пивных и ресторанах хилые оркестрики играли еще не утратившие тогда свежести фокстроты и танго («Джон Грей был всех смелей, мисс Кэт была прекрасна...»), «Шумит ночной Марсель, в притоне «Трех бродяг...»), эстрадные певицы исполняли легкомысленные куплеты, а иногда и просто скабрзные шансонетки, танцоры выстукивали излюбленную четку, и частенько все это заглушал гвалт подвыпивших компаний или шум неожиданно разразившейся драки. Самые названия этих злчных мест были выразительными. Существовала, например, пивная с огромной вывеской: «Пивная «Леопарда». Именно «леопарда», а не «леопард» (владелец считал необходимым согласовать слова в роде).

СТАРЫЕ И НОВЫЕ РИТМЫ

Время было еще пестрым.

В кино, которое и тогда было самым популярным, самым доступным искусством, решительно преобладали иностранные фильмы. В объявлениях кинотеатров усиленно рекламировались жуткая драма «Пожар на корабле», детективный роман в трех сериях «Дом ненависти», красивая драма «В огне», американские и европейские боевики «Над пропастью», «Черный гроб», «Клеймо убийцы», «Амур у руля», «Акулы Аляски», полная инсценировка

нием, продиктованным страхом перед мещанством, которое представлялось ему торжествующим и господствующим.

Литературную обстановку 1925—1927 годов, времени, когда Аркадий Голиков-Гайдар вступал на писательскую стезю, трудно правильно представить по курсам истории советской литературы.

История естественно и закономерно оставляет в нашей памяти крупные, получившие в дальнейшем развитие явления и отодвигает далеко в сторону то, что оказалось отсеянным самим течением времени, что не выдержало его суровой проверки. Вот почему действительные пропорции почти неизбежно оказываются смещенными. А для того чтобы понять первые шаги Гайдара, надо представить именно конкретную, неповторимую в своих особенностях литературную обстановку того времени с присущими ей пропорциями хорошего, прогрессивного и плохого, отброшенного потом в сторону.

Гайдар формировался как писатель вне литературных групп, живя преимущественно в провинции, вращаясь среди товарищей журналистов и будучи занят живой, безотлагательно требующей его сил работой. В этом, как нам представляется, было много положительного.

Литература того времени оказывала на него влияние, но именно литература, а не литературные теории. Мы, молодые провинциальные журналисты, мало интересовались спорами теоретиков, нас волновала практика. Мы здесь, в Перми, не читали работ членов ОПОЯЗа (Общество по изучению поэтического языка), совершенно не знали Льва Лунца, не читали нудных статей лефовского теоретика Н. Чужака. Единственным исключением в этом отношении в нашей среде был Игорь Орестов, учившийся на Высших литературных курсах (Брюсовских) и постигший все литературные премудрости.

Нас же просто радовало появление новых хороших книг, близких сегодняшнему дню,— «Недели» Ю. Либединского, «Цемент» Ф. Gladкова, «Мятежа» Д. Фурманова, «Приключений дамы из общества» М. Шагинян, «Конармии» И. Бабеля, «Дневника Кости

Рябцева» Н. Огнева, «Разгрома» А. Фадеева,— волновало и вызывало споры «Про это» Владимира Маяковского.

Читали мы все: Бернарда Шоу и Бласко Ибаньеса, Анатоля Франса и Августа Стриндберга, читали и низкопробную переводную литературу, но все же с наибольшим интересом относились к советским новинкам*. За исключением небольшой группы товарищей, относившихся к художественной литературе с высокомерным презрением деловых людей, занятых только политикой и хозяйством и получивших от нас кличку «антихудики», все мы с искренней заинтересованностью следили за литературной жизнью. Как известно, издавна и до сих пор эта заинтересованность бывает в провинции чище от групповых и личных примесей и от скоропреходящей моды.

Советская же литература переживала время бурного роста. Она росла количественно: из года в год увеличивались число названий и тиражи книг советских писателей. Она росла в идейно-художественном отношении: образ советского человека, разрушающего старый мир и создающего новый, получал в ней все более полноценную разработку.

Рост этот происходил в борьбе.

В первый же год нэпа возникло огромное количество частных и кооперативных (тоже фактически частных) издательств. Они играли в 1924—1926 годах значительную роль в удовлетворении спроса

* Борис Камов в биографии «Аркадий Гайдар», рисуя его жизнь в Перми, утверждает: «Гайдар настойчиво учится у классиков... Он отыскивает все лучшее, что ему только удастся найти в городских библиотеках и частных собраниях» (стр. 38 указанной книги). Далее следует перечисление писателей, которыми особенно усиленно занимался Гайдар: Диккенс, Гофман, Твен, Гоголь, Достоевский, Салтыков-Щедрин, Чехов, Тургенев, Лев Толстой, Горький... На каких данных основан этот обширный список, нам неизвестно. Камов явно склонен приукрашивать. Он пишет, например: «Гайдар... пользуется каждым удобным случаем, чтобы посмотреть «Чайку», «Три сестры» или «Преступление и наказание» на сцене местного театра (стр. 38 книги). В Перми в годы, когда здесь жил Гайдар, выступали оперные и опереточные труппы, имевшие весьма обширный репертуар, который не включал, однако, ни Чехова, ни Достоевского,

на книгу. Переведенные на хозрасчет и новые, созданные на хозрасчетной основе государственные издательства в поисках прибыльных книг далеко не всегда были достаточно разборчивы. В литературе сказывалось оживление буржуазии, рост ее надежд на реставрацию.

На книжном рынке в 1923—1927 годах видное место занимали Андрей Белый, оставшийся в кругу дореволюционных тем и верный символистской поэтике, Борис Пильняк, писавший о революции, но видевший в те годы в революционной России лишь темное стихийное начало, совсем не принявший революции Евгений Замятин. Много издавался чудовищно плодовитый Пантелеймон Романов, который откровенно потрафлял мещанским вкусам. В 1925—1926 годах косяком пошли произведения, посвященные проблеме пола и нездоровым явлениям в среде молодежи: «Собачий переулок» Л. Гумилевского, «Шоколад» А. Тарасова-Родионова, «Луна с правой стороны» С. Малашкина, «Без черемухи» П. Романова. Этот последний издал целый том рассказов под общим названием «Половой вопрос».

Обильным потоком шла переводная литература: У. Локк, Д. Кервуд, В. Маргерит, К. Фаррер, П. Бенуа и многие, многие другие. Один из наиболее серьезных литературных деятелей того времени, редактор «Красной нови» А. К. Воронский, отвечая в 1925 году на вопрос журнала «Журналист» — «Ваши пожелания нашей художественной литературе», написал коротко: «Желаю нашей художественной литературе, чтобы в следующем году ее не публиковали иностранная, как она бьет ее теперь»*. Старый, наблюдательный и искренне радовавшийся первым успехам советской литературы библиограф И. В. Владиславлев в книге, созданной им в 1927 году, свидетельствует: «Всякому, хотя бы несколько знакомому с состоянием книжного рынка в последние годы, хорошо известно, какое большое количество иностранной переводной литературы выбрасывалось ежегодно на книжный рынок и как

* «Журналист», 1925, № 5, стр. 38.

иногда эта литература количественно забивала или, по крайней мере, оттесняла на задний план писателей Советского Союза»^{*}.

«С молотка литература пущена»,— восклицал почти в отчаянии Владимир Маяковский в 1926 году в посвященном ГИЗу (Государственному издательству) стихотворении «Четырехэтажная халтура». Он несколько раз возвращался к этой теме, отстаивая «стих, раструбляющий октябрьский гул» от наступления иностранных «Бенуев» и отечественных «бытовиков».

Партия и правительство ограничивали деятельность частных издательств, поправляли ошибки государственных, пресекали издание антисоветской литературы. Но главное, конечно, заключалось в том, чтобы идейно-художественными средствами преодолеть чуждые влияния в литературе. Мудрая резолюция ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 года «О политике партии в области художественной литературы» указывала пути решения этой задачи.

Соображения борьбы против пользующейся спросом на книжном рынке низкопробной, но занимательной переводной литературы побудили к созданию советской приключенческой литературы. Мариэтта Шагинян опубликовала под псевдонимом Джим Доллар романы «Месс-Менд, или Янки в Петрограде», «Лори Лэн—металлист» и «Международный вагон». Первые два издавались небольшими выпусками, выходившими каждую неделю, третий печатался подвалами в ленинградской «Красной газете». Романы Джима Доллара, тонко пародирующие западную детективную литературу, увлекательные и наполненные новым содержанием, имели бурный успех и вызвали множество подражаний.

Надо было бороться. Бороться с влиянием буржуазной литературы, буржуазного кино, бороться за души людей, особенно молодежи.

Настроения разочарования, отход от общественной жизни, поиски возбуждения и радостей в пьяном разгуле, в сфере голой

* И. В. Владиславлев. Литература великого десятилетия (1917—1927), т. 1, М.—Л., 1928, стр. 13.

физиологии, все то, что получило тогда название упадочничества, преувеличивалось многими писателями, эксплуатировавшими «половую тему», но имело место.

Комсомольские организации, профсоюзы были встревожены ростом хулиганства среди заводской молодежи. Умножилось число молодых людей, считавших, что главное — это «умение жить», уметь ловить момент, уметь производить впечатление и пользоваться этим. Их звали тогда не стилигами, а «пижонами» или «жоржиками». Очень односторонне воспринятый Сергей Есенин служил для части молодежи знаменем и идейным оправданием нигилистических в отношении общественной жизни и общественного долга настроений. То в том, то в другом учебном заведении обнаруживались группы молодых людей, отъединившихся от большого коллектива, отгородившихся от влияния большой жизни страны и ищущих «новых путей» то в старой литературе, то просто в подражании старой «золотой молодежи».

У времени были разные ритмы.

Для молодежи, не утратившей веры в большое будущее страны, в мировое значение начатого в октябре семнадцатого года дела, с прежней уверенностью звучали строки «Нашего марша»:

Бейте в площади бунтов топот!
Выше, гордых голов грядет!
Мы разливом второго потока
первоем миров города.
Дней бык пег,
Медленна лет арба,
Наш бог бег,
Сердце наш барабан.

Этот первый марш, написанный Маяковским после Октябрьской революции, был заслонен более совершенным, развернутым и революционно-конкретным «Левым маршем». Но он помнился. И с ним наша молодая компания вышагивала по улицам Перми, так же, как с «Левым маршем». Была в «Нашем марше» мускулистость, пружинистость молодой, рвущей внешние пути силы,

был в нем твердый, печатающий шаг крепко спаянной колонны.

Маяковский не уходил от этих ритмов.

А ныне забытый, тогда же достаточно популярный поэти-мажинист Александр Кусиков вскоре после перехода страны к новой экономической политике в прямое и открытое противостояние Маяковскому написал свой «Васильковый марш». В качестве эпиграфа Кусиков поставил строку: «Маяковский — пора бы учуять эпоху».

В подзаголовке он назвал свой марш «поэмой победного затишья». Он говорил в нем от имени миллионов, довольных тем, что после революционных бурь наступило затишье, что можно отдаться малым радостям бытия.

Новый марш затаенного ритма,
Тише, тише оброните шаг.
Так ползет после бита на молитву,
Костыли подпирая, душа.

* * * * *
Тише, тише — наш ритм затаенный —
Это инеем каплет с крыш.
Мы идем, мы идем, миллионы,
Наш
Марш —
Тишь.

«Васильковый марш» — не единственное такого рода противопоставление.

В 1922 году в Екатеринбурге (Свердловском он стал несколько позже) вышел первый альманах Уральской литературной ассоциации — «Улита». Улита — аббревиатура. Вынесенная в заглавие, она читалась и как обычное слово, тем более, что на обложке была стилизованная завитушка, напоминавшая о тщательно укрытом и медленно движущемся моллюске. Не «Призыв», не «Пламя», не «Красные зори» или «Красный набат», нет — ничего громкого и стремительного, напоминающего о революционной буре, а тихая улитка была на знамени поэтов, замкнувшихся в камерном, интимном мирке и хранивших каноны символизма.

Какой же цвет, какие ритмы выйдут победителями?

Это решалось борьбой, практической работой. В ней участвовала и газета, сотрудником которой стал Гайдар.

«Звезда» сложилась к его приходу как массовая рабочая газета. Отдел «Жизнь наших заводов» занимал ведущее положение. Редакция инициативно вела работу с рабкорами. Страсть писать в газету захватывала новые и новые слои рабочих. Но зрелость рабкорского движения была еще не велика. Решительно преобладала критическая заметка. Лишь постепенно, занимаясь в кружках, рабкоры привыкали работать над корреспонденцией. Не были еще нащупаны формы их коллективной работы. Если старые, призыва 1922—1923 годов рабкоры «Звезды» — И. Станев, М. Безматерных, И. Топалев, И. Опарин, И. Костарев — смело ставили под корреспонденциями свои фамилии, то новички выступали под инициалами, номерами рабкорских удостоверений (пока они выдавались) или псевдонимами. Кроме обычных «Свой», «Очевидец», «Заводской», «Глаз», «Рашпиль», «Карандаш», встречались и замысловатые: «Бегемот», «Будда», «Смычка»-папиросы» и даже «Гапон».

Газета много занималась хозяйством округа, его промышленностью. Она с увлечением писала о новом в жизни заводов и радовалась каждому успеху.

Все же положение в «Звезде» не было ни вполне благополучным, ни устойчивым.

Проводив в сентябре 1925 года в Москву А. В. Плеско, мы в ноябре проводили и М. П. Туркина — он уехал в Свердловск.

Пришел новый редактор, человек с опытом, но, к сожалению, администраторского склада. Он быстро снял с «Звезды» ее своеобразный облик и постарался превратить ее в газету, похожую на другие. Он подошел к редакционному коллективу, как к «аппарату», призванному лишь выполнять указания. Естественно, приняли его не вполне доброжелательно. Он поступил так, как обычно по-

Арнодий Гайдер.

ЗВЕЗДА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Борьба за свободу
и за социальную справедливость
ПРОЛЕТАРΙΑТЪ
1935 г.

№ 32
1935 г.

№ 32
1935

ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА

Вниманию районных комитетов

УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ

НАЧАЛАСЬ РАБОТА ПО ПРОВЕДЕНИЮ РАБОЧИХ СЪЕЗДОВ
Пролетарии и трудящиеся района Свердловской области всячески поддерживают работу комитетов по подготовке и проведению съездов.

Ведущими в Свердловском районе являются комитеты по подготовке и проведению съездов в районах: Урал

РАЙОНСКИЕ В ТЫЛУ У СНАЧУ

ВНИМАНИЕ РАЙОННЫХ КОМИТЕТОВ
Содержание: 1. Работы по подготовке и проведению рабочих съездов. 2. Работы по подготовке и проведению районных съездов. 3. Работы по подготовке и проведению районных съездов. 4. Работы по подготовке и проведению районных съездов. 5. Работы по подготовке и проведению районных съездов. 6. Работы по подготовке и проведению районных съездов. 7. Работы по подготовке и проведению районных съездов. 8. Работы по подготовке и проведению районных съездов. 9. Работы по подготовке и проведению районных съездов. 10. Работы по подготовке и проведению районных съездов.

Уральские газеты, в которых сотрудничал А. Гайдар: «Звезда» и «Вечерняя Звезда» (Перьмь), «Уральский рабочий» (Свердловск).

ступают администраторы: начал смещать и переставлять работников, чтобы создать «свой» аппарат.

Сделать это было легко.

В те годы был распространен тип кочующего журналиста, журналиста, который переезжал из города в город, переходил из газеты в газету, нигде не задерживаясь. У него были излюбленные сюжеты, проверенные литературные приемы, он успешно дебютировал с ними в новой газете, но через короткое время исчерпывал себя, так как не сживался сколько-нибудь крепко с новым для него краем, его интересами, его людьми.

Да и журналистская молодежь была непоседлива, легко снималась с места, переезжала в другие города, иногда поодиночке, иногда целыми компаниями. Прельщал блеск положения журналистов-гастролеров. Бытовала, кроме того, теория, что засиживаться на одном месте журналисту вредно.

Обновление аппарата проходило поэтому быстро, но не без конфликтов. Милейший Александр Дмитриевич Павлов — заместитель редактора, тоже недавний в Перми работник, но совсем не административного склада,— с трудом сглаживал острые углы и утихомиривал страсти.

При новом редакторе «Звезда» перешла на шесть страниц. Это было успехом. Но имевшим обратную сторону. Газета, не располагая силами, чтобы обеспечивать ежедневно шесть полос хорошим материалом, стала в обилии печатать пространные отчеты со съездов, пленумов, совещаний, конференций, что устраивало редактора: в кругу руководящих работников он получал признание как человек, придающий должное значение деятельности Советов и общественных организаций.

Предметом постоянной заботы редакции являлось привлечение подписчиков.

В начале 1926 года газеты были постепенно переведены на индивидуальную подписку (до этого она была коллективной, по спискам, с вычетом из зарплат). «Звезда» стоила 70 копеек в месяц. При тогдашних зарплатах и ценах это было очень не

дешево. Подписывались на короткие сроки: один, два, три месяца. Между газетными издательствами шла некоторая конкуренция. Иные из них прибегали к недозволенному приему: позышали процентное вознаграждение уполномоченным по подписке.

Тираж «Звезды» составлял к началу 1926 года 12 тысяч. Это, конечно, не те 3 тысячи, до которых он падал в 1922 году, когда газета с бесплатного распространения перешла на распространение по подписке, но все же мало. В Пермском округе было 670 тысяч населения. Один экземпляр «Звезды» приходился на 50 человек.

Перед началом каждого месяца издательских и редакционных работников тревожил вопрос: как будет с подпиской? Не снизится ли она? А может быть, удастся ее повысить? «Звезда» была дефицитной. Это крайне стесняло редакцию в средствах, да и вообще действовало угнетающе. Единственным выходом было увеличение тиража. Тираж был и вопросом самолюбия, вопросом престижа.

Работники редакции ходили по заводам агитировать за газету. Вопрос о подписке ставился на обсуждение рабкоровских собраний. Подписка проводилась не только до 30 или 31 числа предшествующего подписному сроку месяца, но часто и до 5 числа того месяца, на который она принималась. Применялись все формы рекламы: объявления в самой газете («Ты подписался на «Звезду»? «Не забыл ли ты выписать «Звезду»?») самой разнообразной формы и на всех полосах, афиши-лозунги, большие многокрасочные афиши. Неумеренное самовосхваление не считалось зазорным.

Молотобоец Очерского завода В. П. Костылез сочинил и прислал в конце 1925 года стихотворение «Очер и «Звезда», охотно помещенное газетой, несмотря на, мягко говоря, несовершенство формы. Оно заканчивалось так:

Посмотри: тот, кто с газетой,
Тот воспитан, дух силен,
Знает все, что есть на свете,
Все, что делается в нем,

«Звезда» — орган окружкома,
Обо всем осведомит,
В ней рабочий точно дома,
Знает все, где что кипит.

Другое стихотворение, озаглавленное «Лови момент», просто призывало:

Спешి примерным элементом
Вновь подписаться на «Звезду».

С рекламой не стеснялись. Но главное, конечно, состояло в том, чтобы сделать газету возможно более привлекательной.

В погоне за читателями «Звезда» в 1926 году стала прибегать к дешевым приемам. Большое место занял в газете уголовный мир. Целые подвалы отводились «герою слов красивых и обмана», авантюристу Прокопенко-Жигульскому, сначала обвинительному заключению по делу, потом суду над ним. Как сенсация, подавалось дело об убийстве на Балашихе (район современного лесокombината «Красный Октябрь») семьи Заплотинных, затем дело воровки и убийцы Насти Ворожейки. Специальный корреспондент «Звезды» выезжал в Тюмень, чтобы освещать судебное дело бандита, носившего громкую кличку «Звезда Урала». Ежемесячно под заголовком «Пермь преступная» печатались обзоры работы уголовного розыска.

Очеркисты «Звезды» точно соревновались друг с другом в выискивании «сочных» бытовых тем. Появлялись зарисовки: «В пивной», «На вечерухе», «Весна в тюрьме», «Пасха пьяная в Верхних Муллах», «На тюремном дворе». Очень часто это было не изобличение, а смакование деталей старого быта. Сами псевдонимы, принятые некоторыми журналистами той поры, кажутся сейчас дикими: Анчар, Зюд-Вест, Иван Бродяга, Чужак, Сенька Прыщ. В течение нескольких месяцев 1926 года редакция «Звезды» выпускала по понедельникам «Вечернюю Звезду», маленькую газету, почти сплошь занятую материалом для «легкого чтения». Правда, вскоре газетку, существование которой не было ничем оправдано, прикрыли.

Специально предназначенный для привлечения читателей «легкий» материал не занял, разумеется, доминирующего положения. В «Звезде» сохранялось и много хорошего: обильные заметки и корреспонденции рабкоров, интересная информация с заводов, статьи по вопросам хозяйственного строительства в округе. В 1926 и 1927 годах все громче звучала тема реконструкции уральской промышленности.

В «Звезде» тех лет боролись две линии: традиционная для нее линия серьезной газеты, которая, опираясь на рабкоров, занимается злободневными вопросами хозяйственного и культурного строительства и тенденция строить газету с широким использованием опыта дореволюционной печати и привлекать читателя легким, занимательным чтением, не особенно заботясь о его содержании.

Нездоровые тенденции, проявлявшиеся в «Звезде», находили осуждение в журналистских кругах. Ушедшие в другие газеты «звездинцы» (А. Плеско, И. Орестов, Л. Неверов) в своих письмах товарищам корили оставшихся за дешевые приемы, за измельчание газеты. Настороженно стали относиться к «Звезде» в журналистских кругах Свердловска, в областной газете «Уральский рабочий».

В такой обстановке начал работать и работал Гайдар.

Он мог очень и очень пригодиться газете. Это понимал на первых порах и редактор, поддерживавший его вначале. Но разбираться в обстановке, находить разумное применение своим силам Гайдари приходилось в значительной мере самостоятельно. От его инициативы и от его зрелости зависело многое.

ФЕЛЬЕТОНИСТ ГАЙДАР

ВРЕМЯ ФЕЛЬЕТОНА

Первый фельетон Гайдара «Адмотделу Пермского исполкома» родился совершенно естественно, тут же в редакции, в кругу редакционных работников.

Партийно-советское издательство «Пермкнига», в состав которого входила в хозяйственном отношении «Звезда», получило от административного отдела Пермского окрисполкома разработанную им анкету и разослало ее всем входящим в издательство предприятиям (а входили в него и книжные магазины, и даже кинотеатры). Она была озаглавлена так: «Анкета для вновь поступающих на работу в Советско-Административные, Торгово-Кооперативные и вообще общественные организации, находящиеся на территории Пермского округа». В этом произведении многообещающего кадровика центральное место занимали «испытующие вопросы». Обязательного ответа требовал 17-й вопрос: «Состав членов семьи и их общественное положение (переименовать каждого члена семьи в отдельности, указав их имя, отчество, идеологию, возраст, род занятий, где и в какой должности и

размер получаемого заработка и местожительство)». Хотя анкета предназначалась для вновь поступающих, заполнить ее для порядка было предложено всем.

Сотрудники редакции в большинстве своем анкеты просто не заполнили. Заполнившие оставляли обычно без ответа многие вопросы (благо и места-то для ответа на них в анкете не хватало). Некоторые упражняли свое остроумие. Один из нас, отвечая на 17-й вопрос, записал: «Дочь — Владимира Савватьевна, 11^{1/2} месяцев, убеждения не выяснил, так как она до сих пор не разговаривает». За полнотой ответов на анкеты тогда не следили, и никто к нам не придирался. Гайдар предложил все же объясниться печатно. Так появился в «Звезде» 25 ноября 1925 года первый его фельетон, начинавшийся словами:

«Дорогие административные товарищи. Терзаемый горькими угрызениями пролетарской совести, я вынужден печатно заявить о причинах, побудивших меня не отвечать на 17-й вопрос вашей очередной 19-ти параграфной анкеты...»

Дальше шло объяснение, в котором фельетонист выступал в окружении явно бутафорских родственников, идеологию их определить было нелегко, и фельетонист заключал:

«Не-е-т. Довольно,— подумал я.— Пусть ребята как хотят, а я за чужую идеологию отвечать не буду. Тут в нынешнем нэповском окружении за своей-то получше посматривай. А это возьми-ка!

И писать не стал. И не стану».

В газете прозвучал новый, звонкий и задорный голос. Он был привлекателен. Фельетон имел известный успех и в редакционном коллективе, и у читателей.

27 ноября в газете появился второй фельетон Гайдара «История о неуловимом билете», написанный на основе жалобы, с которой обратились в газету мотовилихинские рабочие. 3, 4 и 5 декабря фельетоны Гайдара шли подряд. И он быстро определился, как фельетонист по преимуществу.

«Звезде» был нужен, очень нужен свой фельетонист: ведь фельетон — самый привлекательный в газете материал. Свой

фельетонист был у «Звезды» в 1922 и 1923 годах: баловался легким маленьким фельетоном редактор газеты Б. Т. Милютин, имевший еще дореволюционный журналистский опыт (он выступал в качестве фельетониста под псевдонимами Аким и Б. Неволин). Был и другой фельетонист — Сулла, писавший тяжеловеснее, с несвойственной фельетону обстоятельностью, но не без остроумия. Оба они ушли из «Звезды».

В отделе рабочей жизни фельетон заменялся остро обработанными рабкоровскими заметками, по типу тех, что публиковались на известной сейчас благодаря литературным воспоминаниям четвертой полосе «Гудка». Они давались подборками: «И в хвост и в гриву», «Цветочки и ягодки», «Неприятные новости», «Мелочь, но вредная» и тому подобное. Появлялся в этом отделе и свой маленький фельетончик под рубрикой «Веселый разговор». «Звезда» перепечатывала иногда фельетоны из «Правды».

Этого было мало. Перепечатывать же фельетоны из другой газеты, хотя бы хорошие фельетоны и из такой газеты, как «Правда», было просто тяжело — в этом заключалось признание собственного бессилия. Рассчитывая выявить местные силы, редакция провела в начале 1925 года конкурс на фельетон. За короткий срок поступило 89 произведений. Отметив большой приток материалов, редакция должна была с сожалением констатировать: «Хуже значительно обстоит дело с содержанием, с характером фельетонов», большинство присланных материалов «не являются фельетонами».

С фельетоном «Звезда» явно отставала.

А шло время, которое сейчас справедливо характеризуется, как время расцвета фельетона. Жизнь давала сатирикам обильный материал. Перерожденцы, поддавшиеся угару нэпа и теряющие советский облик, бюрократы, чья неповоротливость помогает наживаться частникам, кооператоры, превратившиеся в коммерсантов, советские работники, теряющие революционную перспективу, — все эти типичные для первых лет новой экономической политики персонажи просились в фельетон.

В «Правде» фельетон появлялся ежедневно. Он занял место на первой странице газеты вслед за передовой статьей и двумя, как правило, другими руководящими статьями (подпередовыми). Он также звучал, как руководящая статья. Часто давался фельетон и на внутренних полосах. Фельетонисты «Правды» М. Кольцов, А. Зорич, Л. Сосновский пользовались большой популярностью.

Создавался тип советского фельетона, во многом отличный как от маленького, так и от большого (подвального) фельетона дореволюционной русской печати. В 1925—1926 годах вопрос о фельетоне, его природе, его стилистических особенностях, его разновидностях дискуссировался в журналистских кругах. Он получил некоторое теоретическое освещение в работах Я. Шафира, И. Груздева, Е. Журбиной, М. Браза и М. Гуса*. Молодые журналисты требовали помощи в овладении технологией трудного жанра, и фельетонисты несколько постарше начали делиться своим опытом на совещаниях и в профессиональном печатном органе — «Журналисте», в котором появилась постоянная рубрика «Исследование фельетона».

Впрочем, опыт этот был, как говорится, у всех на глазах, и опыт очень привлекательный.

Блестящий мастер фельетона М. Е. Кольцов значительно позже, в 1936 году, замечал, что 1922—1927 годы были временем, когда фельетонист занимал исключительное положение в газете.

«Так получилось, что газета составлялась из телеграмм, из передовых, из довольно робких еще рабкоровских корреспонденций, и единственным человеком в газете, который весьма грозно, критически разговаривал и с читателем, и с разными учреждениями, и со всякого рода людьми, был фельетонист. Благодаря этому у читателя получалось впечатление, что все — чрезвычайно

* Книжка Я. Шафира «От остроты до памфлета» (М., 1925); статья И. Груздева в сборнике «Фельетон» (Л., 1927); статьи Е. Журбиной в этом же сборнике и в журнале «Печать и революция» за 1926 год, № 7; главы, посвященные фельетону, в книге М. Браза и М. Гуса «Статья и фельетон» (М., 1928).

тихие люди, а только есть один такой смельчак-фельетонист, которому вообще море по колено, который критикует все, что попадает под руку, и который ничего на свете не боится...» *.

Работа фельетониста была привлекательна. И совершенно естественно, что Аркадий Голиков-Гайдар, попробовав свои силы в этом жанре и обнаружив, что дело у него может пойти, решил, что здесь его стихия, здесь поле борьбы, здесь он может по-прежнему скакать впереди и голос его будет звучать, как голос командира. Фельетон, этот высоко активный газетный жанр, оказался ближе всего Гайдару-воину, еще недавно сражавшемуся на полях гражданской войны. Он писал позже, что любит «остро отточенную шашку, выкованную из гибкой стали и чеканной строчки» (фельетон «От поезда до поезда»). Так можно было сказать скорее всего о фельетонной строчке.

В «Звезде» с ноября 1925 года по январь 1927 года было опубликовано 107 фельетонов Гайдара. В «Вечерней Звезде» с января по июнь 1926 года — 8 фельетонов. Переехав в Свердловск, Гайдар опубликовал там в «Уральском рабочем» в феврале и апреле 1927 года 12 фельетонов (в марте Гайдара в газете совсем не видно).

Таким образом, всего за время работы на Урале в уральских газетах было опубликовано 127 произведений Гайдара, которые бесспорно могут быть отнесены к жанру фельетона **.

* Михаил Кольцов. Писатель в газете. Выступления, статьи, заметки. М., 1961, стр. 91.

** В биографических очерках и статьях, посвященных Гайдару, приводится характеристика, выданная ему, как фельетонисту, редакцией газеты «Звезда». В этой правильной по существу характеристике сказано, что в газете «было помещено около 200 его фельетонов» («Жизнь и творчество А. П. Гайдара», М., 1951, стр. 120). Цифра не точна, она преувеличена. Тогда фельетонов Гайдара никто не считал. Нам казалось, что было много, наверное сотни две, ну и писали — 200. Б. Емельянов в своих воспоминаниях о Гайдаре («Жизнь необыкновенная») писал, что «буквально тысячи статей и очерков написаны Гайдаром для газет за 1926—1933 годы» («Жизнь и творчество А. П. Гайдара» М., 1964, стр. 113). Это также преувеличение.

Работа Гайдара-фельетониста была интенсивной, особенно летом и осенью 1926 года. Были номера «Звезды», в которых печаталось по два его фельетона.

Первый фельетон Гайдара был помещен в «Звезде» 25 ноября 1925 года, а примерно через год, отвечая на вопросы регистрационной карточки профессионального союза работников просвещения, он заявлял: «Профессия — литератор, специальность — фельетонист»*. Заявлял так, хотя к этому времени у него вышли уже три книжки («В дни поражений и побед», «Жизнь ни во что», «Р. В. С.») и его художественные произведения публиковались не только в газетах, а и в журналах.

Все свои фельетоны А. П. Голиков подписывал — Гайдар, не Аркадий или Арк., или А. Гайдар, а просто — Гайдар. Если в одном номере газеты появлялось два его фельетона, один из них подписывался иногда Г—р.

В «Звезде» фельетоны не имели определенного места, они печатались по преимуществу на второй полосе, иногда — на третьей, совсем редко появлялись на первой или четвертой полосе. Подсечка «Фельетон» не ставилась; не ставили ее тогда многие газеты, начиная с «Правды».

В «Уральском рабочем» почти все фельетоны Гайдара были опубликованы на первой полосе, на твердо установленном для них месте — в правом нижнем углу, полуподвальчиком на три колонки, без подсечки.

ПОЛЕ БОЯ

Нельзя, конечно, думать, что выбор тем зависел только от Гайдара. Темы, а часто и материал для фельетонов, приносил редактор, они приходили в рабкоровских письмах, подсказывались и передавались товарищами по редакции, их навевало чтение

* ГАПО, ф. 120, св. 42,

других газет, журналов. Значительное число фельетонов Гайдар написал по материалам окрКК (окружной контрольной комиссии), которая поддерживала с газетой тесную связь. Председатель окрКК А. А. Гребнев сам часто писал в газету, причем любил и острее слово, и выразительный заголовок. Когда Гайдар приобрел популярность, в редакцию стали приходиться письма, адресованные прямо ему. К его помощи начали прибегать некоторые учреждения и организации, чтобы защитить интересы представляемого ими дела. Он работал в тесном окружении, испытывал многие влияния.

И все же можно определить круг тем, за которые Гайдар брался особенно охотно, в разработке которых у него было больше удач, круг гайдаровских тем.

Пафос фельетонов Гайдара — это прежде всего пафос борьбы за революционные социалистические перспективы, против тех, кто сдает экономические и идейные позиции, завоеванные рабочим классом. Люди, стремящиеся к спокойной жизни, склонные к мирному сожигательству с новой буржуазией, отмахивающиеся от всего революционного как отошедшего в прошлое, — такие люди вызывали искреннее негодование Гайдара.

Характерен для него фельетон «Да здравствует буржуазия!»*. Вот его начало:

«Бури стихли. Бывший белый офицер, состоящий на учете ГПУ, безбоязненно проходит по улице, не опасаясь быть подхваченным на штыки. Спекулянт открыл лавочку. Бывшая колчаковская барыня продает билеты у входа на красноармейский вечер. А если так, так к чему же излишняя враждебность, — не все ли мы граждане

* Здесь и дальше, цитируя произведения Гайдара, опубликованные в газетах «Звезда», «Вечерняя Звезда» и «Уральский рабочий», и упоминая их, мы не будем ни в тексте, ни в подстрочных примечаниях делать ссылки на газету, ее дату и номер. Эти ссылки пришлось бы делать непрерывно, что затруднило бы чтение книги. В конце книги в «Библиографии» мы даем и вспомогательный алфавитный список произведений Гайдара, пользуясь которым, читатель легко найдет нужный ему номер газеты.

одного великого СССР, и если все, то — да здравствует единение пролетариата с буржуазией, сиречь — да здравствует буржуазия».

Гайдар просил не удивляться такому началу фельетона, передающему ход не его мыслей, а мыслей героев фельетона, и рассказывал о том, как два коммуниста устроили для татар города Перми вечер, прошедший при самом деятельном участии торговцев, растрогавшихся от сладких речей устроителей о братском единении всех собравшихся, независимо от социальной принадлежности. Фельетонист воспроизводил картины этого единения потерявших партийный облик коммунистов с торговцами-благотворителями и заканчивал фельетон гневным осуждением коммунистов Мусина и Хафизова, сошедших с классовых позиций.

Несколько фельетонов Гайдара посвящены разоблачению сражения государственных и кооперативных организаций с частником-нэпманом.

«В правлении ЦРК (центрального рабочего кооператива.— Авт.) есть приятный молодой человек — гр. Шпунгель, а у этого симпатичного юноши есть родственник — гр. Вайнштейн, а у этого несимпатичного Вайнштейна есть магазин.

Правда, по документам магазин № 6 принадлежит ЦРК, но это не столь важно, ибо все обязанности ЦРК по отношению к этому магазину сводятся только к тому, что ЦРК платит налоги и покрывает из своих скудных средств растраты.

А ежели когда дело идет на счет прибыли, то таковая непременно попадает только в карман предприимчивого Вайнштейна («Магазин готового платья»).

И фельетонист рассказывал, как Вайнштейн, прикрываясь кооперативной вывеской, ведет частную торговлю и как правление ЦРК с тупым усердием пытается за счет кооперативных средств оздоровить вечно дефицитный магазин.

Огромный вред приносят люди, которые состоят на службе рабоче-крестьянского государства, но готовы предать его интересы, интересы социалистического строительства ради личных благ. Гайдар стремился помочь распознаванию таких людей.

О них он говорил в фельетонах «Неуместная наивность», «Неофициальное письмо», «Поддельное письмо», «Остров вакханалии», «Верх рассеянности», «Тихая обитель».

Фельетонист выступал против вывертов нэпа.

В Москве недалеко от Трубной площади был ресторан «Эрмитаж-Оливье», где в первые годы нэпа до рассвета шумели пьяные оравы нэпманов и растратчиков. Ресторан закрыли и отдали его помещение под Дом крестьянина. Но... «На то Москва, и там — смычка», — замечал Гайдар. «А у нас Добрянский райисполком решил подойти к смычке другим путем, прямо противоположным московскому». Он выселил из прежнего помещения на окраину сельсовет и разместил в его здании пивную. «Мы все можем. Слава те, господи, теперь не 19-й год», — иронически замечал фельетонист («Загиб мозгов»).

Было в те годы немало еще совсем дикого в быту.

Ревизор Верещагинского участка тяги, чтобы пристроить своих дочек, обещал покровительство и права машиниста тем молодым людям, которые дадут твердое обязательство жениться на одной из них. Фельетон «Дочь ревизора» высмеивал не в меру чадолюбивого папашу, его дочек, да и некоторых женихов. Впрочем, им выражалось и сочувствие; фельетон заканчивался шутивным размышлением Гайдара:

«Хорошо, подумал я, что у моего начальства дочерей нет, а то вдруг ультиматум — женись, Гайдар, либо не только ни фельетона, а даже ни репортерской заметки без подписи. И женишься. Ей-богу.

— Ну, куда пойдешь, кому пожалуешься?.. Плунешь и женишься».

Иной раз старое поразительно вплеталось в новые отношения и накладывало на них отпечаток дикости. Секретарь Сивинского райкома ВЛКСМ Брысов заключил договор с комсомольцем Поповым, по которому тот обязался порвать всякую связь с комсомолкой К., заинтересовавшей властного секретаря, и «не иметь к ней совершенно никаких чувств». Но Попов нарушил договор, и

возникло дело о его «нетактичном поведении». Этому случаю посвящен фельетон «Договор».

Больше всего возмущало Гайдара, когда старое маскировалось под новое и проникало в среду передовых людей — коммунистов, комсомольцев. Такой тенденции был посвящен фельетон «Альбомные стихи», о котором мы скажем позднее, в другой связи, и фельетон «Оборотная сторона».

Гайдар хотел бороться со старым во всех его проявлениях, разоблачать всех его носителей. Были, однако, категории людей — носителей старого, вызывавшие у него особенно острую реакцию.

Старая Пермь, в которой было немало купечества, чиновничества и буржуазной интеллигенции, дала в 1919 году пополнение офицерскому составу колчаковской армии и аппарату управления «верховного правителя». Когда силы интервентов и внутренней контрреволюции были окончательно разгромлены в Сибири, обратно в Пермь потянулись люди, чьи надежды на быстрое крушение Советской власти разбила мощными ударами Красная Армия. Не все они сложили оружие; находились и такие, в чьих поступках прорывалась ненависть к коммунистам, комсомольцам, ко всем людям новой России. Надо ли говорить, как естественно было у Гайдара особое внимание к этим людям: ведь он еще недавно сражался против них. Разоблачению их посвящены фельетоны «Спец от Центроспирта» и «Человек, который не любит коммунистов».

И еще одна характерная черта — постоянные и страстные выступления Гайдара против духовенства. В «Звезде» было опубликовано семь фельетонов Гайдара на темы церковной жизни, в «Уральском рабочем» — еще два. Это антицерковные, а не шире, не антирелигиозные фельетоны. В те годы шла борьба между двумя группами церковников: «обновленцами» и «тихоновцами». Пермские «обновленцы» попытались использовать в своих интересах гайдаровский фельетон «Церковные дела», разоблачавший темные денежные махинации служителей Слудской церкви — «тихоновцев». В «Пермских епархиальных ведомостях» (такие выходили в

1926 году) они привели обширные выдержки из фельетона, «чтобы об этом знала вся Российская православная церковь»*. Но о дикой драке между «обновленцами» и «тихоновцами» над гробом протоиерея А. Меркурьева, которая послужила Гайдару материалом для другого фельетона, «обновленцы» предпочли рассказать по-своему.

Настойчивая борьба со старым — наиболее заметная сторона работы Гайдара-фельетониста. Вместе с тем в его фельетонах освещались крупные, коренные вопросы экономического строительства.

Значительное число фельетонов посвящено вопросу о режиме экономии и социалистическом накоплении, решение которого должно было обеспечить индустриализацию страны. Гайдар бичевал беззаботную трату государственных денег («Кизеловская щедрость», «Первомайский бал»), высмеивал хозяйственников, не умевших провести самые, казалось бы, несложные операции без крупных убытков для государства («Осиновые дела», «Госторговские яйца»), недалеких директоров, экономящих на премиях рабочим — рационализаторам и изобретателям («Неуместная расчетливость»), разоблачал «широкие натуры», поддерживавшие авторитет вверенных их руководству учреждений массивными столами и креслами («История одной смерти»), людей, относящихся к режиму экономии, как кратковременной кампании («Дела давно минувших дней»), наконец, хозяйственников, обеспечивающих накопления не за счет строгой экономии, а с помощью огромных налогов, наносящих вред смычке с крестьянством («Политграмма Уралторга»).

Ряд фельетонов Гайдара посвящен защите прав рабочих, защите попорченного трудового законодательства. Эти фельетоны содержали обычно прямую ссылку на протесты и требования рабочих. Здесь Гайдар продолжал вопреки новым веяниям, проявлявшимся в «Звезде», старую линию газеты — равнения на рабочего

* «Пермские епархиальные ведомости», 1926, № 5, стр. 3.

читателя, сближения с ним, постоянной и горячей защиты его интересов. В защиту рабочих коллективов, трудового законодательства, достоинства рабочего человека написаны фельетоны «История о неуловимом билете», «Ураза Байрам, или Еще об одном завесе», «Буква закона», «Дипломатический подход», «Простая истина», «Купленный человек».

Мы не исчерпали этим перечислением темы фельетонов Гайдара. Об одной, очень существенной теме, которая стала занимать в его деятельности все большее место, мы сейчас умолчим, а скажем позже. Гайдар делал каждодневную работу фельетониста, требовавшую широкого обзора, пристрелки по разным целям. Бывали у него и мелкие, нестоящие сюжеты, которые не вели, да и не могли вести к каким-либо обобщениям. Но в центре внимания фельетониста все время находились основные вопросы времени, проблемы жизни.

ПОИСКИ ФОРМЫ

Гайдар стремился разнообразить форму фельетона, он пользовался всеми его жанровыми разновидностями. Помимо естественного желания не показаться читателю однотонным, это определялось и учебной задачей, которую он перед собой ставил — овладеть технологией фельетона.

Гайдар писал фельетоны почти исключительно на конкретном материале, с конкретным адресом. Все же испробовал он и фельетон-рассказ, в котором действуют целиком созданные воображением автора герои. Такова «История одной смерти». Здесь рисуется крушение в результате ревизии недавнего внешнего величия и блеска Мебельтреста; дано оно в восприятии пугливого мелкого служащего — младшего счетовода Рыбашкина. Близок к этому фельетон «Оборотная сторона» — в нем несколько картинок быта, созданных фельетонистом для доказательства

АРКАДИЙ ГОЛИКОВ

В ДНИ
ПОРАЖЕНИЙ
И
ПОБЕД

Зисф

Обложка первой книги А. Гайдара. Москва, издательство «Земля и фабрика», 1926.

своей мысли: нужны постоянные дозоры на фронте быта, чтобы отсюда, с этой стороны, не проникало ничего чуждого советскому строю.

Оба фельетона неудачны. Гайдара возбуждал конкретный материал. Здесь же он оставался как-то необычно для него спокойным. Да и наблюдений за гражданским бытом — общественным и личным — он не накопил. Эти наблюдения не могли еще получить нужную для создания жизненных образов концентрацию.

Два фельетона из опубликованных в «Вечерней Звезде» — «Обыватель» и «В поисках невесты» — были написаны Гайдаром в стихотворной форме. Ими Гайдар не блеснул, и эту форму фельетона он оставил.

Фельетонов драматического построения у него почти нет. Собственно, только один — «Шумит ночной Марсель...», снабженный подзаголовком «Кино-эскиз». Это была частая тогда в газетах дань популярности кино.

Охотно прибегал наш фельетонист к форме сказки, притчи, летописи: «О жадном Местхозе, богатом Промбанке и бедном Ребе», «Рассказ о св. человеке» (о святом человеке — поясним современному читателю; раньше слово «святой» часто писалось сокращенно, вроде «тов.»), «Притча о блудном сыне», «Сказание о св. Душе», «Сказка о бедном старике и гордом бухгалтере», «Отрывок из летописи», близко к этому и «Краткое описание жакта № 196 с некоторыми отвлечениями в область мировой истории».

Здесь у Гайдара больше удачного. Он любил и в житейских разговорах прибегать к сказке, притче, охотно пользовался церковнославянскими оборотами речи. Как правило, повествование лилось тут легко и естественно. Форма сказки или притчи помогала отодвинуть примелькавшееся явление сегодняшней повседневной действительности в даль, превращала его в неоспоримо заслуживающую внимания быть. В то же время она позволяла передать авторскую ироническую интонацию.

Пользовался Гайдар приемом обрисовки центрального героя фельетона в записках этого героя, в его внутреннем монологе.

Таковы «Записки домовладельца» и «Записки финагента». Этот прием ему удавался.

В ноябре 1926 года Гайдар написал два фельетона от имени «рабочего человека» — пожилого, много видевшего и привыкшего размышлять рабочего. Один из них так и назывался: «Размышления рабочего человека». Он был посвящен опере С. В. Бершадского «Степан Разин», поставленной тогда на пермской сцене, и содержал любопытный отзыв об этом произведении. Гайдар находил в нем чуждую теме опереточную легкость. Второй — «Туртунеф ди жамбой», в первых строках которого с чрезмерным даже усердием подчеркивалось: «рабочему человеку», «рабочий человек», — высмеивал сложные иностранные названия в меню общественных столовых.

Гайдар больше всего любил писать от себя, от Гайдара, выступать сам, с открытым забралом, не принимая никакой особой позы, не надевая никакой маски, и вести свободный, непринужденный разговор с читателем. Как раздался в первом фельетоне его звонкий, задорный голос, так он и продолжал звучать все время его работы в «Звезде». Фельетоны, написанные от себя, от перзого лица, составляют подавляющую массу, да и в других фельетонах, где Гайдар принимает, как тогда говорили, позу летописца, сказителя, позу старого рабочего, — его голос ясно слышен.

Это было естественно для того времени, но для современного читателя, пожалуй, необходимо пояснение.

Дело в том, что советский фельетон претерпел в тридцатые и сороковые годы существенные изменения. Он стал строиться преимущественно повествовательно, авторское «я» отошло в нем на задний план. Фельетонисты стали стремиться убедить читателя изложением фактов, не прибегая к прямому, от своего лица, комментированию этих фактов, к ассоциациям, которые могут показаться хоть сколько-нибудь субъективными. По сравнению с фельетоном двадцатых годов фельетон сороковых и пятидесятых годов очень сдержан и осторожен, он внешне безличен, фельетонист не говорит от своего имени, хотя, разумеется, у каждого

крупного фельетониста сохранились свои стилистические особенности. Эти изменения были связаны с общим ослаблением публицистического начала в нашей печати в годы расцвета культа личности Сталина. Поэтому и в литературе о фельетоне, изданной в сороковых и пятидесятых годах, вопрос о его лирическом герое даже не затрагивался*.

В двадцатых же годах фельетонист обычно выступал как трибун и разговаривал с читателем от своего имени. «Фельетон дается как высказывание субъективное,—безоговорочно констатировала Е. Журбина в 1926 году.— Это не изменяющаяся традиция в фельетоне, роднящая его с ораторской речью и литературным письмом»**. Иное, таким образом, просто не мыслилось. Традиция шла не только от французского фельетона XIX века, не только от русской журнальной публицистики, а и от народной сатиры — от скоморохов, от Деда-раешника, остроумного бывалого человека, принявшего на себя обязанность глумиться над всем негодным, дерзить властям, помогать людям острым словом, шуткой, смехом.

Наиболее полно этот характер фельетона как личного, субъективного высказывания выявлен в лирическом фельетоне.

В лирическом фельетоне, в отличие от фельетона повествовательного, тема развивается не в причинно-временной последовательности, не в цепи событий, а в вариантах и ассоциациях, возникающих у автора. Эти ассоциации, часто далекие и неожиданные,

* Единственное исключение — содержательная статья А. Вулса «Ильф и Петров — фельетонисты» («Советская печать», 1958, № 6), но она ведь о фельетонистах прошлого. Положение стало меняться в шестидесятых годах, когда появился ряд интересных теоретических работ о фельетоне, опирающихся на широкую фактическую базу, а не только на практику сегодняшней газеты (работы Л. Ф. Ершова, Е. Журбиной, М. И. Дмитриевского и др.).

** Евгения Журбина. Современный фельетон (Опыт теории), «Печать и революция», 1926, № 6, стр. 28. В своей книге «Искусство фельетона» (М., 1965) Е. Журбина пишет: «Фельетонист сознательно создает свою литературную личность, литературную индивидуальность. Она — неотъемлемая часть фельетона, и притом часть организующая» (стр. 211).

данные для читателя, помогают вскрыть сущность явления, события, факта, лежащего в основе фельетона. Если в фельетоне речь идет об обычном бытовом или общественном явлении, явлении примелькавшемся, то ассоциации и сопоставления, к которым прибегает автор, помогают вывести это явление из привычного для читателя ряда, нарушить автоматизм восприятия.

Лирический фельетон — это монолог, он близок к ораторской речи или к внутреннему монологу. Блестящие образцы его дал Михаил Кольцов. Такой фельетон имеет часто сложную конструкцию, бывает многоплановым, поражает читателя эрудированностью автора, легкостью и блеском, с каким он пользуется разнообразным материалом.

Гайдар не был еще подготовлен к большому лирическому фельетону — вершине газетной публицистики. Все же он явно тяготел именно к лирическому фельетону, пусть на первых порах небольшому.

Примером гайдаровского лирического фельетона могут служить «Дела давно минувших дней», один из последних фельетонов, опубликованных Гайдаром в «Звезде».

«А ну-ка, давайте тряхнем сединой, вспомним молодость. А ведь, ей-богу, в молодости лучше было. И кровь как-то быстрее по жилам бежала, и энтузиазм у молодежи, смелые проекты, блестящие идеи. Эх, молодость, молодость, где ты?

Нет молодости, ушла юность...»

Гайдар обращался вслед за этим вступлением к воспоминаниям.

«Итак, вспомним молодость, вспомним горячие майские дни 1926 года, когда, охваченные энтузиазмом, полчища завоёв проводили спешно реорганизацию, когда директора продавали табунами выездных лошадей, курьерши дрожали перед лицом надвигающихся сокращений, когда новорожденным младенцам мужского пола давали строгое и мужественное имя «Режим», а младенцам противоположного пола изящное и модное в то время имя «Экономия».

Ах, как верили, ах, как работали!

Выходили люди из комиссии после десятичасовых заседаний бледные, восторженные, с ярко горящими от возбуждения глазами и, размахивая руками, рассказывали дома женам о тысячах и десятках тысяч рублей, должных быть сэкономленными государством.

И, зараженные общим подъемом, прекрасные жены гордых заводов, впервые отвергая казенную лошадь, шли как самые простые смертные пешком с корзинкой на базар или в мясную лавку, подвергая опасности свое здоровье, отказывались от поездок за казенный счет на курорты, оправдывая этими поступками точку зрения незабвенного поэта Некрасова, написавшего целую поэму о величии души русской женщины.

А теперь?.. Теперь серые, скучные, будние дни. Перебираешь попадающиеся бумажки и смотришь:

— Бог ты мой, где же энтузиазм, где же порыв?

Угас порыв, угас вместе с юностью. И пропал куда-то, чтоб ему сдохнуть вовсе, энтузиазм. Вероятно, надрызгавшись, утонул где-нибудь, скотина, в волнах разбушевавшейся бумажной стихии».

Фельетонист перебирал письма в редакцию, цитировал их, и читатель видел, что забыт, совсем забыт во многих местах режим экономии. Автор заканчивал еще более глубоким выражением грусти:

«Вздохнешь, опустишь скорбно голову на холодеющие руки, посмотришь на глубокие морщины сидящего напротив и уже лысеющего замредактора и скажешь:

— Э-эх, Александр Дмитриевич, помнишь, какое было время...

Сурово поднимет он стальные, строгие глаза и ответит надорванным голосом:

— И не вспоминай, мало ли что было. Не вспоминай молодость.

И если не скатится слеза из-под его седеющих ресниц при воспоминании о далеких светлых днях, так только потому, что крепок еще и могуч дух у этого надломленного, но еще не сломанного бурями человека».

Неважно, что действительный Александр Дмитриевич был еще молод, совсем не лыс и не сед,—невинная мистификация служила усилению красок.

Ирония фельетона была направлена как будто бы в прошлое—иронически рисовалась прошлогодняя кампания за режим экономии. Но такая обрисовка давалась в связи с настоящим: разве можно считать серьезной борьбу за экономию, если о ней так скоро забыли.

К этому фельетону близки некоторые другие: «О «новой жизни», «Осколки разбитого», «Оборотная сторона», «Хватит гвоздей».

Таких фельетонов немного. большей частью Гайдар строит фельетон вокруг одного центрального факта.

Нетерпеливый, быстро реагирующий Гайдар стремился к немедленному устранению замеченного конкретного зла. Большая тема—обобщение—присутствовала в его фельетонах, выявлялась в них, но не заслоняла и не оттесняла на второй план малую тему—конкретное зло, послужившее мотивом для появления фельетона.

Но и фельетоны, композиция которых повествовательна, не теряют своего характера субъективного высказывания. В них ясно звучит авторская интонация. У Гайдара она чаще всего ироническая. Его повествовательные фельетоны это—иронические новеллы.

От начала до конца иронически изложено «Дело бухгалтера Клопина». Иронически дано общее вступительное рассуждение.

«Быть правдивым—это еще не ахти какое положительное качество. Правда, она тоже свое место любит. Правду надо говорить обдуманно и к моменту, а не то чтобы тяп-ляп и бухнул где попало».

А бухгалтер Нытвенского сельскохозяйственного товарищества Клопин совсем не к месту и некстати сказал о растрате, произведенной членом правления товарищества Ощепковым. Конечно, его уволили, как не соответствующего занимаемой должности, уволили «без выдачи выходных пособий и прочих компенсаций, что вполне,

конечно, правильно, ибо какое же тут может быть соответствие и какой, с позволения сказать, он бухгалтер, если растрату в несколько сот рублей не может как-нибудь через отчет провести. Квалификация явно самая неудовлетворительная».

На место Клопина был быстро принят другой бухгалтер, «который безусловно все умеет, ибо он только что был снят с должности члена правления Селькустсоюза за то, что выдавал частным торговцам удостоверения в том, что они являются агентами Селькустсоюза».

И в Нытвенском сельскохозяйственном товариществе стала прочно обеспечена тайна для всех его внутренних дел.

«Бухгалтеру же Клопину тоже теперь неплохо. Бухгалтер четыре месяца ходит по профсоюзам, по трудовым камерам. Дело бухнет, дело растет, резолюция седлает резолюцию, от одного суда оно плывет к другому. В общем хорошо. На дворе снег, морозец, пошел себе с утра, пришел к вечеру. Завтра опять к вечеру. И так конца-края не видно».

Между иронической (реже — юмористической) новеллой и лирическим фельетоном-монологом — ряд переходных форм. Изложению основного факта предшествует общее авторское рассуждение или рассказ о другом факте, случай, анекдот, который ассоциативно связан с находящимся в центре внимания фельетониста событием, явлением. В заключение также лирическое высказывание, оценка фельетониста, прямое выявление его взгляда на вещи.

Познакомимся для примера с фельетоном «Рассуждения о смерти», опубликованным в «Звезде» в декабре 1926 года, уже под конец работы Гайдара в Перми.

Основа его — повествовательное изложение затянувшейся истории вопроса о ремонте аварийного дома по Красному (Комсомольскому) проспекту, № 18. Фельетонист предваряет эту историю общим соображением:

«Мы знаем, что высшая мера наказания выносится теперь как исключение и только за тяжчайшие преступления окрсудом, ревтрибуналом и т. п. Но чтобы остальные советские учреждения,

вроде как ПМХ, забирали себе право выносить смертные приговоры, да к тому же еще ни в чем не повинным людям,— это уже явное и злостное превышение власти».

Дальше излагается история посещения злополучного дома всякими комиссиями, инспекциями, инженерами и техниками. Она дана с расцвечиванием: «С опаской зашли, походили под выпятившимися балками...», «В промежуток между этими комиссиями дом зловеще поскрипывал и потрескивал...». Каждая комиссия, каждый инспектор составляли акты, писали докладные записки. И фельетонист завершает каждое очередное звено истории рефреном: «Вероятно, когда прокуратура начнет дело об обвалившемся доме... докладная записка... найдется где-нибудь...»

Под этот рефрен сгущается атмосфера, от шутки, которой начат фельетон, уже не остается следа, и фельетон заканчивается гневным монологом:

«Но... черт возьми. Есть же конец где-то? У всех оправдательные записки, доклады, акты, формулы. А кто же конкретно отвечать будет за недалекий обвал и за его будущие жертвы, назовите персонально лицо или лиц, для которых готовятся камеры домзака? Ведь когда дом рухнет, будет пыль, будет шум, гром, дым, буря негодований, грозные статьи Уголовного кодекса, бичующие нераспорядительность, запоздалые охи, вздохи.

Почему же сейчас такая мертвая тишина, почему каменная стена бюрократизма под напором общественного мнения не дает еще трещины и не обваливается на головы окопавшихся за ней чиновников. Почему заранее не привлечь к ответственности виновных?

Разве начатое, но еще не оконченное преступление, имя которому непростительная халатность,— не наказуется?

Этого не может быть».

В начале фельетона — шутливые мысли, в конце его — гневные. Они не сильно приведены в порядок, их, может быть, некоторый излишек.

Опытный фельетонист взял бы одну за стержневую и, наверное, выжал бы из нее больше, чем Гайдар. Но эти мысли даны в естественно появившихся у Гайдара ассоциациях. Он, рассказывая историю бесконечных обследований, распалился сам. Зрительно представил картину катастрофы. И мысли, порожденные этой картиной (пыль — шум — гром — грозные статьи закона; рушащаяся стена — устойчивая стена бюрократизма), теснятся, перебивают одна другую. Это потому, что сам автор кипит возмущением. И потому так убежденно звучит заключительное: «Этого не может быть».

В некоторых случаях фельетонист делает замечания в самом ходе изложения факта. Фельетон «Неофициальное письмо» начинается, как это часто делал Гайдар, общей мыслью:

«Хитрый пошел нынче народ. Иной администратор, прежде чем подписать бумажку, десять раз прочтет, нет ли там какой-нибудь заковырки, за которую тот или иной рабкор зацепиться может, и составлена ли она по всем правилам международного дипломатического искусства...»

Но хитрей всех, конечно, инспектор кооперативного кредита окрфо тов. Николаев».

Дальше рассказывается, как он сначала устраивал свою жену в ревизуемое им учреждение, а затем добивался повышения ей заработной платы. В рассказ включены сценки, прямая речь Николаева, он ведется с юмористической интонацией. И сам же автор перебивает его своими репликами: «Но позвольте, позвольте—еще вчера только для практики, а сегодня...», «Ну, а как же быть, если ответ будет не полный? Прощай, значит, тогда и инспекторское содействие, и благоволение, и прочее, и прочее».

И в конце снова: «Хитрый пошел нынче народ. И на тот случай, чтобы кто-нибудь не вздумал заикнуться об административном нажиме или, хуже того, о... шантаже,—внизу приписка: письмо неофициальное».

Обычным для молодых фельетонистов было стремление блеснуть литературной цитатой, историческим примером, словом, по-

казать свою ученость, которая шла, как правило, немногим дальше учености дореволюционных провинциальных ораторов и публицистов, блиставших затасканной школьной латынью.

Гайдар был начисто лишен этого стремления. Он ничего не выдумывал и не выискивал. Литературных цитат у него нет, литературные и мифологические упоминания очень немногочисленны.

Ассоциативные сюжеты он брал поблизости — из своего недавнего прошлого, из повседневного советского быта.

Ассоциативный сюжет служит главным образом для «захода», «приступа» к теме, как трамплин к основному сюжету. Он потом отходит на задний план, забывается за другими сопоставлениями и остроумными замечаниями автора.

Но в некоторых фельетонах этот ассоциативный сюжет принимает на себя основную нагрузку: с его помощью обнаруживается комическое противоречие в явлении, которое осмеивает фельетонист.

В фельетоне «Крейсер» «Овсянники» ассоциативный сюжет — море, морская стихия, нравы моряков, порожденные их жизнью, полной опасностей. «В море так не спрашивают. Все от моря. Как оно захочет, так и придем. Это вам не железная дорога, товарищ», — приводит Гайдар запомнившийся ему ответ одного юного моряка. А сюжет — систематические опоздания скромного пригородного катера «Овсянники», совершенно незаконно усвоившего морские нравы.

Фельетон «Таинственный незнакомец» начинается извлечением из дореволюционного бульварного романа (сделанным, конечно, приблизительно, реконструированным по памяти и пародированным):

«Черный плащ. Черная полумаска. Черная совесть, а плюс к этому веревочная лестница, заброшенная за перила балкона, ведущего в комнату графини Люси де Жермон». — Ах, как жутко и как красиво!»

А дальше рассказывается о таинственном незнакомце, занимающемся в Свердловске посредничеством при сдаче квартир, даже коммунальных. Гайдару удалось встретиться с ним. В новой

обстановке никаким благородством от таинственного незнакомца не веяло. «Человек был толст, имел рыбы бесцветные глаза и лицо серое, измятое, как поверхность истаскавшегося по рукам червонца».

Иногда Гайдар начинал без всяких приступов, «заходов», ассоциативных сюжетов и мыслей, прямо в лоб, с существа дела.

Это были энергичные начала:

«Вот уж кому поистине не везет, так это рабочим лесной биржи № 1. Никак не могут найти трезвого зава. Уж на какие только условия не шли, чего только не предпринимали — ничего не вышло...» («Ураза Байрам, или Еще об одном завесе»).

Иногда еще более прямо и резко:

«На партбилете за № 170 193, принадлежавшем члену ВКП(б) Рушневскому — несмываемое пятно грязи» («Поддельное письмо»).

Развитие темы, авторские замечания шли уже за этим.

Создавая в фельетоне сатирический образ обличаемого человека, Гайдар рисовал такой образ смело, не боясь одностороннего подхода.

14 сентября 1926 года в «Звезде» была опубликована буквально десятистрочная заметка Гайдара «Вместо фельетона», в которой рассказывалось о том, что руководители окротдела рабис (окружного отделения профессионального союза работников искусств), пользуясь своим положением, отправили жен на курорты.

Заметка вызвала бурю в театральных сферах, и одним из наиболее рьяных опровергателей выступил В. Н. Кондратьев, директор городского театра, несомненно способный театральный администратор, уверенный, что умелой рукой можно все острые углы сгладить и любое «недоразумение» устранить.

Гайдар ответил фельетоном «Хорошо сшитый фрак».

«В пермском масштабе Василий Николаевич человек, конечно, общеизвестный. Бог мой — да кто же не знает Василия Николаевича? Ежели, скажем, идет он по улице, то на протяжении одного квартала по долгу службы ему приходится не менее десяти раз приложить руку к козырьку, отвечая на приветствия, и одновре-

менно, по количеству приветствий, приятно улыбнуться. Такая уж приятная натура у человека. А эта особенность дана ему, очевидно, так сказать, свыше.

Есть люди, утверждающие, что Василий Николаевич только по ошибке попал в Пермь, на должность директора гортеатра, а в действительности он уже имел мандат от Наркоминдела на занятие должности полномочного представителя при республике Никарагуа».

Для означенной должности был уже приобретен хорошо сшитый фрак. Отъезд по какой-то причине не состоялся. «Но фрак, однако, остался в целостности и сохранности и часто служит немалую пользу сему очень милому, но весьма дипломатически настроенному товарищу».

Дальше шли разбор присланного в редакцию опровержения и краткое заключение:

«Фрак — особенно хорошо сшитый — вещь неплохая. Но все ко времени и к месту. Можно и нужно надевать его для вящего впечатления на дипломатическом приеме, но при деловых отношениях с рабисом, а также во всех других пермских случаях фрак сей никчемен и не нужен».

Через короткое время тот же В. Н. Кондратьев выступил в ином образе — укротителя. В фельетоне «Талантливый укротитель» речь шла о незаконном увольнении из театра одного из работников, произведенном директором для того, чтобы устроить родственника другого, ведущего работника театра.

«Напрасно запищал местком, заворчал тихонько профсоюз, заныла РКК, завыла охрана труда. Встал во весь рост талантливый укротитель, защелкал словесными бичами, потрепал ласково по загривку кого надо, блеснул эффектной ракетой — и разом умолк недовольный хор. Галантно раскланялся расшитый позументом приятных улыбок цирковой артист в сторону аплодисментов, раздавшихся из первых рядов, и только на мгновение омрачилось его лицо, потому что галерка свистела, галерка кричала «долой» и злилась на облезлых захудалых зверей, молчаливо поджавших

хвосты и ослепленных мишурным блеском и золоченым хлыстиком очаровательного укротителя».

И в том и другом случае фельетон не сводится к созданию сатирического образа. Значительная часть его отведена изложению факта, центрального для данного фельетона. Образ лепится в связи с этим фактом, человек предстает перед нами в данных конкретных связях сначала в одном, потом в другом своем качестве. Образ строится плакатно, в одной плоскости. Это не мешает его жизненной правдивости.

Особую группу составляют агитационные фельетоны, разновидность и тогда редкого, а сейчас совсем исчезнувшего жанра положительного фельетона.

Агитационные фельетоны Гайдара посвящены немногим темам: сберегательной кассе («Логика денег», «Будьте предусмотрительны», «Заграничное письмо»), авиационной лотерее («Кругом целого света за полтинник») и перевыборам горсовета («К перевыборам горсовета», «Горячее время» и «Отнюдь не фантазия»).

Выступления Гайдара на эти темы — несомненно фельетоны не только потому, что сам он называл их так, а и по существу дела, по характеру подхода журналиста к задаче.

Это агитационные фельетоны: они несут в массы мотивированный призыв к действию. Но к положительному призыву автор приходит через отрицание, так сказать, негативно.

Гайдар показывает не то, как хорошо хранить деньги в сберегательной кассе, а то, как плохо не делать этого. Аргументация идет от обратного. По количеству отведенных им строк обычные для фельетониста отрицательные факты, отрицательные мотивы доминируют, но они работают на сжато сформулированный положительный вывод. Автор стремится создать накал, нагнетает отрицательное, для того чтобы его вывод как бы выстреливался.

Вот фельетон «Будьте предусмотрительны». Две трети его отведены показу того, как трудно живется человеку без некоторого личного денежного резерва: в случае экстренной нужды надо выпрашивать на службе аванс, а начальство не всегда вхо-

дит в твое положение, если же израсходовать деньги, предусмотренные на текущие потребности, не мудро и себя и семью заморить.

«А затем неизбежно следующее: отчаяние, ощущение пустоты и поиски смысла жизни... тоска, безверие в грядущую мировую революцию. И в общем:

— Ах, как тяжело!

— Но постойте, постойте,— завопит тут читатель,— зачем же это, товарищ, все в таких мрачных красках... Зачем же это, уважаемый товарищ, играть на нервах людей и заводить их в дебри положительной безысходности. И как вам не стыдно заводить в эти самые дебри и не показывать никакой лучшей перспективы. Что это вы, подражать оппозиции, что ли, вздумали?

Ничего подобного! Читайте теперь, что сделает в этих случаях положительный и рассудительный человек.

И дальше фельетонист рисовал этого положительного человека, вооруженного замечательным средством от всех возможных бед и несчастий — сберегательной книжкой. Он независим. Он самостоятелен. Он горд. И ему не грозит пессимизм.

Такой характер носят агитационные фельетоны.

Мы видим, что в фельетонах Гайдара сочетались повествовательный и лирический элементы. Гайдар обычно выступает не просто как рассказчик, ограничивающийся тем, что он в самой ткани рассказа, средствами выделения существенных по его убеждению моментов, стилистическими приемами передает свою оценку события, он комментирует факт, сопоставляет его с другими, делает публицистические отступления, рассуждает по поводу факта, иногда прямо формулирует вывод. Он рассказчик-комментатор, к тому же часто перебрасывающийся репликами, и не только со слушателями, а и с теми, чьи поступки, чье поведение он комментирует.

Сейчас мы, естественно, обращаем внимание на интересное и ценное в фельетонах Гайдара. Чтобы сохранить чувство реальности, не отходить от действительности, следует сказать, что среди

его фельетонов было немало и слабых, написанных на мелкие, случайные темы, что иной раз проникали в его фельетоны неуместные, плоские шутки, вместо остроумия появлялась иногда грубость. Язык Гайдара в те годы был еще изрядно засоренным и небрежным.

Он упорно работал лишь над первыми фразами фельетона, дающими ему эмоциональный настрой, определяющими его основную интонацию. Дальше часто появлялись всякие случайности: и авторские и редакторские недогляды.

Фразу Гайдар строил просто, что соответствовало общему характеру его фельетонов — бесед с читателем. Но он отдал дань увлечению сложной и емкой иронической фразой, высоким мастером которой был талантливый фельетонист того времени А. Зорич.

Вот как начинались «Записки домовладельца»:

«Я, Александр Дмитриевич Грачев, собственник дома № 124 по Пермской улице, бывший потомственный почетный гражданин и всемогущей силой протекции теперешний приказчик Уралторга, после долгих размышлений решил напечатать эти записки, дабы всем прочим домовладельцам, собратиям во Христе и по несчастью, извлечь некоторую пользу из горького опыта четырехлетней изо дня в день ведущейся классово-борьбы за выселение рабочего — будь он трижды проклят — элемента».

К такой емкой фразе Гайдар умел прибегать.

Гайдар учился. Он овладевал фельетонной формой.

Гайдар начал выступать в «Звезде» как ее единственный фельетонист. Но он не оставался все время единственным.

В феврале 1926 года в Пермь приехал из Царицына (ныне Волгограда) молодой, но уже опытный журналист Владимир А. В марте, когда Гайдар уехал сначала в Москву, а потом в путешествие по Средней Азии, он стал выступать под своим постоянным псевдонимом — Игорь Акимов — с фельетонами. Летом и осенью 1926 года в «Звезде» было два фельетониста (в октябре Владимир А. уехал). В 1926 году в «Звезде» появился еще фельетонист — Михаил Черныш. Он был способным версификатором, попробовав-

шим было себя в лирической поэзии, но быстро перешедшим на газетные жанры. Черныш писал легкие, скорее юмористические, чем сатирические, фельетоны-обзоры. Гайдар и Черныш легко сочетались в газете. Они сошлись и характерами.

Гайдар и А. выступали в одном жанре. Правда, А. был далеко не только фельетонистом: грамотный и очень продуктивный журналист, он выступал и с корреспонденциями, и со статьями, и с отчетами, причем всегда умело проталкивал свой материал. Бывало, что в номере газеты появлялось три и четыре его выступления, и случались недели, когда фельетоны его помещались чаще, чем гайдаровские.

Тут возникла ревность. В письме товарищу, написанном в первых числах августа 1926 года в состоянии большого нервного возбуждения, Гайдар признавался: «А. я ненавижу, потому что у него есть техника, но подождем еще год, и у меня будет»*.

Техникой Акимов действительно владел. Его фельетоны были литературно грамотнее и чище, чем фельетоны Гайдара, они лучше отделялись в деталях. Акимову удавался маленький фельетон-реплика (то, что сейчас получило название «реплика фельетониста»), с которого он и начал работать в качестве фельетониста в «Звезде» («Секретно» и «Косноязычье»).

Но причина неприязни к товарищу по работе у Аркадия Гайдара все же глубже, чем зависть к его литературной технике.

Игорь Акимов был уравновешенным человеком. Он всегда оставался на редкость спокойным. Его выверенное перо было холодным. Оно действовало уверенно, но не передавало биения сердца, его перебоев, спертого от ненависти дыхания или радостного, облегченного вздоха, как это было у Гайдара. Вот почему большие, написанные на крупную тему фельетоны Акимова (хотя и среди них есть удачные) были скучноваты. В них не было ничего неожиданного. Личность фельетониста здесь не работала так, как она почти всегда работала у Гайдара. И неприязнь Гайдара к Аки-

* Письмо Б. Назаровскому.

Аркадий Гайдар и Степан Милицин. Конец 1925 — начало 1926 года.

Здание, в котором в 1924—1964 годах помещалась редакция «Звезды»,

мозу была неприязнью к холодному человеку, берущему литературной техникой и умением приспособиться к сегодняшнему запросу газеты.

Гайдар еще не научился тогда сам себя редактировать. Он садился за стол, придумав фельетон, выдумав его на ходу, и писал торопливо, а написанное почти не правил.

Это раздражало его самого, но в те годы преодолеть свою торопливость он не мог, не мог сдержать себя и не выплеснуть сразу на страницы рукописи все, что думал.

В этом была известная слабость Гайдара-журналиста, а вместе с тем и сила — сила непосредственности, сила горячего сердца. Она давала не замечаемое им самим, но неоспоримое и большое преимущество перед фельетонистами вроде Акимова.

ЛИЧНЫЕ МОТИВЫ

Образ фельетониста, постоянный лирический герой фельетонов, вырисовывался перед читателем в тех отношениях, в которые фельетонист вступал с явлениями окружающей действительности.

Фельетонные приемы того времени позволяли, даже обязывали придать этому образу жизненную конкретность. В самом деле, когда фельетонист говорит от своего имени, он неизбежно должен говорить кое-что и о себе самом. И в фельетонах Гайдара мы находим много штрихов, любопытных не только для характеристики приемов фельетониста, но и его действительного облика и жизненного опыта.

В очень редких случаях он прибежал к бутафорским, выдуманным деталям своего быта, нужным для сопоставления с центральным фактом, лежащим в основе фельетона, или для обыгрывания какой-либо детали сюжета.

В большинстве фельетонов эти личные мотивы — детали его действительного быта, штрихи его подлинного характера.

Из фельетонов читатель мог узнать, что Гайдар «человек... приезжий, в Перми недавно» («Волшебный дом»), что ему 23 года и происхождения он полурусского, полуукраинского («Ответ на письмо»), что он курит трубку и привык держать ее во рту даже потухшую («Адмотделу Пермского исполкома»), что он человек умеренно рассеянный, но к чужому столу его лучше не подпускать: «Чи бы там спички ни лежали, а непременно после первой же закуренной папиросы они очутятся в одном из моих карманов» («Маленькая ошибка»).

В некоторых случаях штрихи его характера рисовались в высокой степени достоверно и выразительно. В фельетоне «Логика денег» Гайдар писал:

«Я не знаю, можете ли вы, ощущая в карманах бумажную, серебряную или медную деньгу, проходить спокойно по улице.

Лично я, например, не могу, потому что мне всегда надо что-нибудь покупать. И эта необходимость вызывается отнюдь не потребностью в той или другой вещи, а просто-напросто тем бунтом, который поднимают запрятанные в глубину карманов деньги».

Думаем, что все знавшие Гайдара могут свидетельствовать: Гайдару всегда надо было немедленно израсходовать на что бы то ни было полученные им деньги.

Он вспоминал далекие школьные годы, «то время, когда на голове моей красовалась сизая фуражка второклассника-реалиста», «строгую бороду училищного директора, сухопарую немку, из-за страха перед которой я однажды пешедралом убежал верст за сто от дома» («Альбомные стихи»), вспоминал их с меньшими, как здесь, или с большими (в «Отрывке из летописи») преувеличениями. Вспоминал и более близкие времена: недавнюю поездку по Каспийскому морю в Баку («Крейсер» «Овсянники»), гонки на конях в Абхазии («Азартный уклон»), ночь, проведенную на вокзале в Тбилиси («Фельетон по поводу»).

Гайдар, как и многие журналисты тех лет, обнажал свои фельетонные приемы. Читатель мог представить себе фельетони-

ста за редакционным столом с пачкой бумаг («Поддельное письмо», «Очередная повестка», «Цена жизни»). В фельетоны попадали имена товарищей Гайдара по редакции. Коська, с которым он смотрел в кино «Знак Зорро» с Дугласом Фербенксом,— это, конечно же, Костя Камский («История о неуловимом билете»), Степан, с которым он шел по улице («Логика денег»),— это Степа Милицин, один из самых близких его приятелей в Перми, Владимир Палыч, к которому Гайдар собирается спуститься, чтобы попросить аванс в размере 50 копеек на приобретение лотерейного билета («Кругом целого света за полтинник»),— это реально существовавший заведующий конторой «Звезды» Владимир Павлович Назаров.

Он хотел быть видным. Считал нужным быть видным. Его, фельетониста, должны знать. Дважды — 12 и 16 декабря 1925 года — фельетоны Гайдара появлялись в «Звезде» с включенным в заголовок его рисованным портретом. В «Вечерней Звезде» появлялась подсечка не просто «Фельетон», а «Фельетон Гайдара».

Фельетонист выступал как общественное лицо, облеченное доверием и уполномоченное на выполнение определенных функций. Гайдар хотел быть таким лицом, хотел, чтобы к нему обращались, на него рассчитывали, от него ждали и требовали.

Облик фельетониста вставал не только в деталях, а и в более крупных чертах.

В одном из фельетонов («Теоретическое обоснование») Гайдар предупреждал читателя, что в некие прошлые времена он «командовал партизанскими и полупартизанскими отрядами», потом занимался «литературной обработкой накопленного за прошлые годы материала», склонностей же к философствованию никогда не обнаруживал.

Один из фельетонов Гайдар озаглавил вопросом: «Верите ли вы нам, как государственной организации?».

«Большинство заахают даже. Что такое, скажут, за постановка вопроса?» Ведь не верить государственной организации, органу пролетарской диктатуры, значит, не верить рабочему классу.

Заяви-ка, что не веришь, тебя сразу антиреволюционным элементом объявят.

«Но мне на это на все наплевать,— заявлял фельетонист.— Потому что есть у меня и революционное, и боевое, и всякое такое другое приятное прошлое». Подделываться и лицемерить такому человеку не к чему, и фельетонист смело отвечал на поставленный замзавкомхозом тов. Бояршиновым вопрос, формулированный в заголовке:

«— Не верю, тов. Бояршинов, ни вам, ни завстроительным отделом Вейерсбергу, ни производителю работ Медведеву».

Он вспоминал эпизоды и уроки уже уходящего в даль боевого прошлого.

Свою неприязнь к духовенству он мотивировал тем, что в годы гражданской войны «в подвалах церковей находили часто ящики со снарядами», а «с вершин колоколен тучные и благочестивые иеромонахи благословляли нас священным огнем божественного пулемета» («Церковные дела»).

Осуждая казенно-лицемерный тон похоронных извещений и надгробных надписей, он вспоминал в фельетоне «Осколки разбитого» поразившую его простотой и непосредственностью намозоленную надпись:

«Недалеко от Гуляй-Поля, в деревушке, раскинувшейся на берегу речонки Гайчура, на маленьком зеленом кладбище, я наткнулся на грубо сколоченный деревянный крест и на жестяную дощечку, на которой кривыми буквами было выведено: «Под этим крестом схоронен Ленька Дымчук, который есть смелый человек, потому что при ночном налете не выдал товарищей и тут ему за это срубили голову махновцы».

Вспоминал он о том, как приехал ночью в город Ново-Николаевск (современный Новосибирск), обыватели которого были напуганы разгулом уголовщины, и, потрогав деревянную кобуру маузера, «зашагал в темноту, надеясь разыскать штаб ЧОНА (частей особого назначения)» («Ночные барабанщики»).

В фельетонах Гайдара часто использовались военные образы. Это определялось близким военным прошлым не только их автора, а и всей страны. Вспомним: в те годы в ходу были выражения «хозяйственный фронт», «культурный фронт». Военные образы сами просились на перо, когда речь шла об этих новых, мирных фронтах.

В фельетоне «История о неувимом билете» погоня за дровяным билетом (билетом, выданным лесничеством мотовилихинским рабочим на право рубки дров) рисовалась как погоня за ловким, умело скрывающимся бандитом, и концовка фельетона предвещала его неизбежную поимку.

«Как говорится, мы, которые Деникина, Колчака и проч., чтобы не поймали этого бандита! У него есть, безусловно, сообщники и укрыватели, у меня даже есть точные сведения, что они здесь, в городе.

...Алло! Откуда звонят? Из конного резерва, ага, я сейчас.

Тов. Степанов! Снимите со стены мою революционную шашку и мой революционный маузер».

Военные образы используются в фельетонах «Надгробное слово», «Секретные сведения», «Осиновые дела», «Расчеты инспектора Балабанова», «Размышления рабочего человека».

Были фельетоны, целиком или почти целиком построенные на военных образах.

Таков фельетон «Холостые залпы», написанный в поддержку выходившей в те годы в Перми крестьянской газеты — «Страда». Он начинался общим положением:

«Опытом всех войн доказано, что стрельба по противнику впустую, без правильно поставленного прицела или заведомо негодными снарядами, не только не действует угнетающе на обстреливаемого, но заставляет его более спокойно и презрительно относиться к силе противника».

В качестве иллюстрации этого положения Гайдар излагал историю переписки редакции «Страды» и прокуратуры с Оханским лесничеством, упорно не желавшим платить крестьянам за туше-

ние лесных пожаров. История эта излагалась также военным языком.

«Но противник, почувствовавши, что чужая артиллерия бризантными и шрапнельными снарядами начинает брать «в вилку» блиндированный папками кабинет командующего Оханским лесничеством, делает переброску и ураганным огнем отписок обрушивается на нападающих. Артиллеристы из канцелярии лесничества, задыхаясь в чернильном дыму, едва успевают открывать «казенную часть» исходящих...

Завершается фельетон так:

«Бой в полном разгаре. Угнетенное крестьянство, во имя которого идет эта борьба, с тревогой прислушивается к грохоту отдаленной канонады. Оно не знает и не чувствует, что это игрушечная война — дешевая, вроде тех, которые инсценируются для кино. Еще долго и без пользы протянется перестрелка холостыми снарядами, если только прокуратура не попробует взять позицию в штыки.

Команда: справа по отделениям, цель вперед!

Приказ: резервным взводам общественных организаций через головы наступающих оказывать поддержку действительным огнем».

Близок к «Холостым залпам» фельетон «Шел солдат с похода, зашел солдат в РИК», первый фельетон Гайдара в «Уральском рабочем».

Гайдар не только использовал военные образы — в некоторых случаях он прибегал к прямым, развернутым военным сопоставлениям.

Фельетон «Маленькая ошибка», рассказывавший о том, что ПЧ-2 (начальник 2-го участка службы пути) Пермской железной дороги по странной рассеянности отремонтировал на станции Пермь I не ту ветку, которую следовало ремонтировать, Гайдар заканчивал так:

«На фронтах 19—22 года за некоторые ошибки пощάды не было.

Командир отряда, по рассеянности занявший не ту позицию, которую ему было приказано занять, становился перед лицом сурового трибунала.

На фронте 1926 года «ошибки», прямо бьющие по цепи хозяйственных армий, неуклонно, но с большими боями и с большим трудом продвигающихся вперед,— прощаются слишком часто».

Военный опыт, весь опыт гражданской войны не должен забываться. И использование в фельетонах военных образов обоснованно.

Гайдар не был, однако, лихим рубакой, размахивающим и в мирной обстановке шашкой и грозящим своим маузером по поводу и без повода. Он понимал, что военные приемы в большинстве случаев неприемлемы в мирной обстановке. В фельетонах «По бригаде особого назначения ПМХ — приказ» и «Энергичная атака» он высмеивал некоторых чрезмерно военизированных руководителей, людей, прибегающих к суровым военным приемам для решения элементарных мирных задач.

В удачном и умном фельетоне «Политграмма Уралторга» Гайдар говорил о более глубоких и опасных военных увлечениях. Он рисовал облик хозяйственника, который пытается решительным военным штурмом обеспечить необходимые стране социалистические накопления.

«Он хорошо знает, что если не будет этого «социалистического накопления», то не будет и социализма — а как же это так, да вдруг не будет? Для чего же тогда восемь лет и вообще все жертвы революционной борьбы? Ничего подобного. Никаких таких ликвидаторских настроений. Били Деникина! Брала Перекоп!

— У-р-р-а! — даешь теперь накопление!»

И руководитель Пермского отделения Уралторга делает на товары накидки в пятьдесят и шестьдесят процентов, вызывая тем самым недовольство крестьян, которые начинают думать: «Нельзя ли как-нибудь без эдакого социализма, за который с каждого гривенника по пятаку, а как-нибудь по-другому, ну, только чтобы гвоздь в цене был сходной...»

Здесь речь шла о свойственном троцкизму перенесении военных методов в экономическое строительство, в решение хозяйственных вопросов, затрагивающих интересы масс. Гайдар советовал руководителям Уралторга прочитать в учебнике политграмоты Станчинского не только главу о социалистическом накоплении, на которую они ссылались, а и другие главы, в особенности главу о смычке рабочего класса и крестьянства.

Военная решительность хороша к месту и в меру. Когда чувство меры теряется, результатом будет если не прямой вред, то конфуз.

НАЧИНАЮТСЯ НЕПРИЯТНОСТИ

Путь фельетониста и сейчас усеян не только розами, на нем попадают ехиднейшие колючки, а иногда и опасные западни. В двадцатых годах для провинциального фельетониста он частенько оказывался просто тернистым. Современная журналистская молодежь не представляет себе грозного опровергателя прежних времен. Сейчас опровергатель, может быть, не менее вреден, но обычно тих. Приученный многими годами к критике, он большей частью начинает с признания или полупризнания справедливости высказанных в его адрес замечаний. Да он, как правило, не идет прямо в редакцию, а действует через многие посредствующие звенья.

В двадцатых годах, особенно в начале их, опровергатель был агрессивным. Он сам являлся в редакцию и поднимал шум, рассчитывая взять редактора на испуг. Вспоминается, как однажды утром в редакцию ворвалась заезжая певичка, возмущенная рецензией на ее концерт. Рецензию писал Леонид Неверов, подписывавшийся обычно «Элен» (Л. Н.). «Дайте мне сюда эту наглуемую англичанку!» — визжала певичка и потрясала зонтиком. Леонид

жался за столом, а мы шептали в его сторону: «Сейчас скажем, сейчас скажем».

Певичка, конечно, опасности не представляла. Опаснее были бюрократы, которые после объяснений в редакции шли за помощью в руководящие инстанции. Тут дело во многом зависело от сплоченности редакционного коллектива и стойкости редактора газеты.

Гайдару постоянно приходилось объясняться с опровергателями. Обращались прямо к нему. Приходили после объяснений с редактором, рекомендовавшим: «А вы поговорите с ним сами, он же проверял». Гайдар не уклонялся от объяснений. Он умел говорить мягко, даже подчеркнуто любезно, но твердо. Опровергатели быстро убеждались, что на пушку тут не возьмешь.

И все же бывали случаи для Гайдара тяжелые.

Первая тяжело пережитая Гайдаром неприятность произошла в связи с фельетоном «Альбомные стихи». Фельетон касался совпартшкольцев.

Совпартшкола, готовившая из актива, главным образом молодежи, советских и партийных работников, не была в те годы замкнутым учебным заведением. На лекции и диспуты, спектакли и вечера, устраивавшиеся здесь, приходила молодежь из города. Всегда былолюдно в совпартшкольской библиотеке, где работала Зоя Александровна Будрина, которая как магнит притягивала к себе молодежь. Такой стиль жизни совпартшколы поддерживала заведовавшая ею в 1923—1925 годах Вера Павловна Нанейшвили, старая большевичка, обаятельнейший человек. Совпартшкольцам, съезжавшимся в Пермь из заводских поселков и сел, практика на городских предприятиях и живое общение с городской молодежью давали многое. В. П. Нанейшвили уехала, в совпартшколе появилось новое руководство, начавшее менять стиль работы, но в 1925/26 учебном году открытый характер жизни совпартшколы еще сохранялся.

Зачастил в совпартшколу и Гайдар. Ведь здесь училась его жена Л. Соломянская.

Она привлекла его к участию в школьной живой газете — Гайдар писал для нее, бывал на репетициях. В совпартшкольской библиотеке обсуждались его рассказы. Аркадия тянуло к близкой по духу и стремлениям молодежи.

В руки Гайдара попали альбомы некоторых совпартшкольцев, свидетельствовавшие, что даже среди этой, передовой молодежи живы еще мещанские вкусы. Гайдар решил, что тема заслуживает общественного обсуждения. В редакции его поддержали. 13 февраля 1926 года в «Звезде» появился фельетон «Альбомные стихи». Это был удачный, деликатно, как того требовала тема, написанный фельетон. Гайдар вспоминал в нем дни своей школьной молодости, рассказывал об альбомных стихах того времени и иронизировал над собой, поссорившимся из-за этих стихов с некоей Ниночкой. А потом переходил к стихам, записанным в альбомах некоторых совпартшколок и совпартшкольцев. К огорчению своему, он обнаруживал там ту же альбомную псевдопоэтическую белиберду, что гуляла по альбомам учащихся дореволюционной школы.

«Милые товарищи совпартшкольцы и комсомольцы,— писал в заключение Гайдар,— я бывал у вас на вечерах, которые так не похожи на прежние, чинные ученические вечеринки.

Я бывал на ваших собраниях, когда четкими, горячими словами вы искренне говорили о необходимости строить новый быт.

И я заглянул случайно в несколько взятых альбомов. Почему же такая разница и такое несоответствие между красивыми фразами о перестройке быта и затхлыми, затасканными строчками специфически «альбомных» стихов, переходящих без изменения из поколения в поколение?»

Здесь не было и тени высокомерного разноса, издевки, глумления. Ассоциативный сюжет — случай из своей молодости и концовка — прямое обращение придавали фельетону тон доброго товарищеского разговора.

В тот же день, 13 февраля, Гайдар вечером снова зашел в совпартшколу. Вместо обычного радушия его встретил холод от-

чуждения. Когда он пытался заговорить, группа преподавателей и учащихся стала обвинять его в том, что фельетон является пасквилем, что он подрывает авторитет совпартшколы, обливает ее грязью и т. п. Один из преподавателей назвал Гайдара человеком, «подделывающимся под коммунистов», а другой язвительно спросил: «Сколько вам заплатили за этот фельетон?»

Гайдар ушел до глубины души обиженным. Никакие выкрики и угрозы задетого им бюрократа не могли оскорбить его так, как этот выпад со стороны людей, на понимание которых он мог рассчитывать. «Подделывающийся под коммунистов!» Это он, отдавший всю свою молодость партии! Но разве скажешь?

Случай возмутил всех в редакции. Редактор отклонил предложение выступить от имени газеты, он разрешил только сотрудникам опубликовать в газете письмо-протест. И 16 февраля в «Звезде» появилось такое письмо. В нем излагались факты, а затем следовало заявление:

«Каждый вправе критиковать вещи, помещаемые в газете. Но обвинять газетных работников в «продажности», в «подлизывании», по-нашему, так же нелепо, как обвинение работников совпартшколы в том, что они «из-за денег» готовят новые кадры советских и партийных работников.

Мы рассматриваем поступок этих товарищей (имелись в виду два преподавателя совпартшколы, реплики которых были приведены в письме.— Авт.) как яркий образец старого отношения к работнику газеты как к продажному писаке и строчкогону.

Считая такую выходку со стороны работников совпартшколы безобразной, мы, сотрудники «Звезды», товарищи Гайдара, заявляем свой протест и требуем, чтобы товарищи Т. и М. (фамилии мы опускаем.— Авт.) извинились перед ним.

Сотрудники «Звезды»: Галина Плеско, С. Павлинов, С. Милицин, Вл. Андрейчук, Б. Назаровский, Л. Неверов, Н. Кондратьев, К. Камский, С. Гинцбург и А. Павлов».

Это были почти все штатные литературные работники редакции газеты.

Не медлили и преподаватели, оскорбившие Гайдара. Они добились созыва в совпартшколе общего собрания для обсуждения (правильнее было бы сказать — осуждения) фельетона. На нем выступали почти исключительно преподаватели. Именно они несли ответственность за воспитательную работу в школе и должны были бы сделать из фельетона полезные выводы. Но они изображали дело так, будто фельетонист оскорбил всех совпартшкольцев, оклеветал молодые кадры, пролетарское и крестьянское происхождение которых не позволяет и думать, что у них может оказаться что-либо общее с дореволюционными гимназистами и гимназистками. Один из совпартшкольцев пытался выступить в поддержку фельетона, но выкриками из президиума и зала ему не дали говорить.

В итоге собрания было принято, как резолюция, заранее подготовленное письмо в редакцию «Звезды». Оно заканчивалось так:

«Мы с возмущением отказываемся от «снисходительного», «милого» «товарищества» и опекуинства Гайдара и заявляем, что наши недостатки мы будем лечить самым решительным путем при помощи партии и комсомола, но без «снисходительного» и просто товарищеского участия Гайдара»*.

Так категорически отвергалась помощь Гайдара, человека, который на фронтах гражданской войны заслужил право говорить с совпартшкольцами, как старший, чью помощь с благодарностью приняло потом не одно поколение советской молодежи.

Преподаватели совпартшколы побежали с этим письмом в окружком партии и в окрКК. Там были склонны поддержать их.

Понадобился энергичный отпор редактора**, Аркадий Гайдар сам ходил объясняться к секретарю окружкома К. В. Рындину.

В результате дело закончилось опубликованием 19 февраля письма двух преподавателей совпартшколы, в котором не было

* Партийный архив Пермского обкома КПСС (в дальнейшем ППА), ф. 1109, оп. 1, ед. хр. 98, л. 9.

** Там же, лл. 8, 10—12.

прямого извинения, но содержалось заверение, что ни у кого не было желания оскорбить Гайдара.

Гайдар пережил случай в совпартшколе очень тяжело. За несколько дней он совершенно издергался. Произошло обострение основного заболевания — травматического невроза, и пришлось прибегнуть к помощи психобольницы.

Остается добавить, что фельетон «Альбомные стихи» включается сейчас в собрания сочинений А. П. Гайдара. Он принят на вооружение нашей молодежи. Последнее слово осталось за Гайдаром.

ДЕКЛАРАЦИЯ ФЕЛЬЕТОНИСТА

Впрочем, и тогда Гайдар быстро оправился, и его уверенный голос вновь зазвучал со страниц «Звезды».

Опыт, который быстро накапливал Гайдар-фельетонист, побудил его прямо высказать мысли о месте фельетониста в рабочем строю и о роли печати. Несколько фельетонов, целиком посвященных этой теме, содержат, так сказать, декларацию, провозглашение принципов фельетониста.

Общему объяснению с опровергателями Гайдар посвятил фельетон «От поезда до поезда», написанный в марте 1926 года непосредственно перед поездкой в Среднюю Азию.

«Это, собственно, даже не фельетон, а итог всему, что было написано раньше, в те дни, когда после каждого очередного фельетона в редакцию являлся тот или иной гражданин и, направляясь к столу секретаря, спрашивал неизменно:

— Где я могу видеть человека, написавшего вчера бездарный пасквиль на меня...

Я... вскакивал из-за своего стола и скромно отвечал, что автор этого во всех отношениях неприятного фельетона есмь я.

Причем иногда чисто авторское любопытство заставляло меня поинтересоваться, в чем именно заключается эта самая бездарность».

Отвечали обычно уклончиво. Смысл объяснений почти всех опровергателей сводился к одному: не следует подрывать авторитет советских работников. «Ведь мы же советские работники».

«Авторитетный совработник нам нужен, слов нет,— писал Гайдар.— Но этот авторитет должен вырабатываться вдумчивым, а не казенным отношением к своему делу, и честным, преданным революции трудом, а не замалчиванием недостатков и не подкрашиванием действительности».

И Гайдар заявлял в заключение, что истерические выкрики о подрыве авторитетов не должны нас смущать, «ибо наша страна строится не на фундаменте из авторитетов отдельных личностей, а на цементе, который крепко связывает наше революционное стремление с нашим будничным строительством».

Позиция фельетониста была ясной и твердой.

Гайдар верил в газету, в силу печатного слова, в гласность. Эта вера у него, как, впрочем, и у других молодых журналистов, была страстной, можно сказать, восторженной.

Право каждого гражданина, даже его долг — писать в газету, писать без фальши и без угодничества. Но сколько еще «добровольных цензоров, явных блюстителей нравственности и слащавых демагогов пытаются наложить лапы на это бесспорное право» и как много еще «дешевых человечков», готовых всегда рисовать сплошное благополучие, говорить только одни приятности. «И плывет тогда перед глазами читателя сусальная позолота, радужные краски и соловьиным свистанием переливаются фальшивые строчки до тех пор, пока не рявкнет наперекор мелодичным трелям обозленный рабкор или доведенный до тошноты читатель».

Так писал Гайдар в «Фельетоне без визы».

«Но бывает и хуже, бывает, когда усердный администратор или оторвавшийся от масс ответработник начинает входить в раж и, стоя «на страже завоеваний», рыцарски размахивает чернильным мечом и бесстрашно бросается в атаку на безнравственных подрывателей».

Дальше следовал документ — доставленное в редакцию рабочими распоряжение директора Лысьвенского металлургического завода, одного из крупнейших предприятий округа, распоряжение весьма откровенное:

«По соображениям политико-экономического характера предлагаю всем корреспондирующим как в газеты, так и в периодические издания все корреспонденции, освещающие внутреннюю жизнь завода, представлять на санкцию мне и лишь после моей визы могут быть отправлены по назначению».

Гайдар издевался над этим распоряжением:

«А как громко-то, какая революционность: «по соображениям экономическо-политического характера».

Ха-ха!

Голая трусость, боязнь нарваться на неприятную «заметочку», а все прикрыто торжественно-елейными словами, должными показать глубокое понимание обстановки текущего момента».

А дальше шла декларация:

«Тов. директора, администраторы и пр. ответственные и безответственные товарищи вышеприведенного образа мысли, нашу страну, нашу революцию мы, те, кто пишет в газеты, и те, кто еще не пишет, но будут писать, когда научатся и поймут всю роль и все значение советской печати,— любим не меньше вас».

И наша любовь глубже, потому что мы приемлем революцию со всеми ее хорошими и неизбежно отрицательными сторонами, мы не закрываем глаз ни на что, стараемся понять и понимаем, почему промахи, просчеты и недостатки в настоящее время неизбежны, а потому бросьте курить фимиамом напыщенных фраз о тайных политико-экономических причинах, ибо никаких «тайн» тут нет и ибо угодливого молчания не было и не будет до тех пор, пока будет существовать рабочая печать, т. е. не будет никогда».

Здесь звучал уверенный голос человека, чувствующего себя хозяином страны. И, конечно, прав был Гайдар, когда писал — «наша любовь глубже», глубже потому, что она любовь с открытыми

глазами, любовь деятельная, стремящаяся к лучшему для страны, для народа.

Резко выраженная черта фельетонов Гайдара (почти всех, за очень малым исключением) — их яркий оптимизм.

Фельетонист вынужден иметь дело почти исключительно с явлениями отрицательными, с людьми нехорошими. Они как будто бы доминируют в его произведениях. А от этих произведений так и веет бодростью, здоровьем, верой в светлые начала.

Что за фокус?

Никакого фокуса нет.

Это было время, когда фельетонистам еще не навязывали осторожных оговорок, в том смысле, что, мол, данное отрицательное явление не типично, разумеется, для нашей действительности, не заставляли их делать развернутых заключений, выражающих уверенность, что зло будет немедленно наказано, а добродетель, как ей и положено, восторжествует, и не предлагали включать в число действующих лиц фельетона положительных героев. Все это пришло позже, с развитием идеологии и практики культа личности.

Но именно отсутствие оговорок, какого-либо осторожничания, черт молчалинской умеренности и аккуратности делало фельетон бодрым и оптимистичным.

Положительное начало в нем присутствовало не в виде надуманного и худосочного образа положительного героя, а в виде самого фельетониста, чья натура действовала, кипела энергией, искрилась и блистала в фельетоне. Активным началом, часто движущим сюжет (в лирическом фельетоне), был сам фельетонист. И чем решительнее и беспощаднее выступал он против зла, чем настойчивее его преследовал, изгонял из всех укрытий, тем ярче вставал перед мысленным взором читателя тот идеал, которым воодушевлен фельетонист, тем больше было у него уверенности, что этот идеал восторжествует*.

* Хорошие мысли о положительном начале в сатирических произведениях развиты в книге Д. Николаева «Смех — оружие сатиры» (М., 1962).

Адмтделу Пермского Исполкома.

Секретные сведения.

Альбомные стихи.

фельетон по поводу...

„Шумит ночной Марсель.“
(Николаевский).

ШЕЛ СОЛДАТ С
ПОХОДА. ЗАШЕЛ
СОЛДАТ В РИК.

Фельетоны А. Гайдара в «Звезда» и «Уральском рабочем».

Дом на улице Коммунистической, № 37, где А. Гайдар жил после
женитьбы. Снимок 1964 года (сейчас дом снесен).

Гайдар напал на зло со стремительностью атакующей кавалерии. Он сражался с молодым задором, с вызывающим посвистом, как боец-забияка, который не ждет, когда его позовут, а сам лезет «в число драки».

Вот этот-то уверенный задор, внутренний напор, с каким Гайдар писал фельетоны, и придавал им оптимистическое звучание. Оно шло от личности фельетониста, присутствующей тут, на страницах газеты.

«Как он, сукин сын, кроет! Ну как кроет! Ну и смел! С таким, брат, не пропадешь!» — говорил про себя читатель, и в него вливалась эта гайдаровская бодрость, он уже не так мрачно воспринимал безобразия и непорядки, с которыми приходится сталкиваться, он сам становился активнее и смелее и порою брался за перо, чтобы помочь Гайдару. Такого стоит поддержать! И стоит прибегнуть к оружию печатного слова, смотрите — какая это, оказывается, сила!

Разумеется, нельзя вполне отождествлять Гайдара-фельетониста с реальным, бытовым Аркадием Гайдаром-Голиковым. Они едины, но не тождественны.

Когда человек выходит на трибуну, чтобы высказать свое мнение по волнующему его общественному вопросу, он оставляет где-то на ступеньках все мелкое, узко-личное, свои случайные пристрастия, чтобы не замутнить своего личного, но принципиального мнения. Он становится чище, крупнее. Не так ли бывает с журналистом, выступающим перед огромной аудиторией? Не стремится ли он, когда пишет, вытянуть из себя все лучшее, все, чем может он служить общему делу, что помогает ему быть рупором общественного мнения?

И Аркадий Голиков, приняв на себя работу газетного фельетониста, выступив как Гайдар, отдавал этому Гайдару лучшие свои силы, лучшие качества. Такая самоотдача обогащала. Она заставляла принимать в свое сердце биение других сердец. Она влияла не только узкопрофессионально, чисто литературно, а и духовно на становление писателя Аркадия Гайдара.

В фельетонах Гайдара, когда читаешь и перечитываешь их все, в том порядке, как они публиковались, подряд, заметна одна интересная тенденция.

Он выступал прежде всего и главным образом в защиту интересов государства, разворачивающего социалистическое строительство. Он отстаивал революцию, ее принципы, ее социалистические перспективы. Он выступал на защиту рабочих коллективов. Вместе с тем в фельетонах Гайдара с первых месяцев его работы в газете звучала и тема защиты отдельного человека, терпящего обиду или унижение. В «Записках домовладельца» — это защита вдовы рабочего от выживающего ее с квартиры изобретательного на всякие пакости домовладельца. В фельетоне-сказке «О жадном Местхозе, богатом Промбанке и бедном Ребе» — защита старика-еврея, которому грозит выселение на улицу в результате ведомственных неувязок и споров.

Но в этих первых фельетонах, как и в некоторых более поздних, например «Сказке о бедном старике и гордом бухгалтере», сочувствие к человеку, оказавшемуся обиженным, звучит приглушенно, не переходит в гнев; фельетониста занимает осмеяние той механики, которая, действуя с тонким расчетом («Записки домовладельца») или слепо (обе названные выше «сказки»), ведет к ущемлению прав человека. Это не горький и не гневный смех, а уверенный и спокойный смех человека, которому с его высоты легко во всем разобраться, для которого не представляет труда распутать клубок бюрократических хитросплетений, мешающих человеку вольно жить и свободно дышать.

Постепенно появляются и начинают сильнее звучать иные ноты — ноты острого сочувствия к обиженному человеку; фельетонист становится причастен к его горю, вместе с ним переживает несчастье, и в смехе Гайдара появляются горечь и гнев. Он то с грустью размышляет: как же это так может быть у нас, в советском государстве, созданном революцией для блага людей; то

решительно говорит; нет, это пренебрежение к человеку — не наше, не советское, это что-то чужое и глубоко враждебное нам, лишь маскирующееся иной раз в «революционное» обличье.

Первый из таких фельетонов появился в «Звезде» три месяца спустя после возвращения Гайдара из поездки по Средней Азии и Кавказу. Это «Фельетон по поводу». В начале его — развернутый ассоциативный сюжет, представляющий для нас, как, впрочем, и весь фельетон, некоторый биографический интерес. Мы позволим себе привести этот фельетон полностью.

«Фельетон по поводу»

Помню — было это в Тифлисе...

Помню — было это в ночь под пасху...

И еще помню, что было у нас с Николаем 27 копеек денег во всех карманах, 250 верст пешего пути через перевал впереди и ничего другого больше не было.

До утра мы легли переночевать на полу 3-го класса вокзала. Но едва только наши глаза захлопнулись и вопреки бешеному гаму мы задремали, как кто-то вежливо дернул меня за ногу и не менее вежливо окликнул:— Эй вы, проваливайтесь!..

С лицом бесстрастным и равнодушным, как дождь, монотонно бубнивший по крыше вокзала, перед нами стоял агент и показывал пальцем на дверь.

Помню, я вынул документ, в котором была обозначена моя профессия журналиста, каковому уже от природы по роду занятий положено мотаться взад и вперед по свету.

Но агент бумаги не взял, а забрал мою записную книжку и, вынув оттуда толстый свернутый лист, спросил:— Что это?

— Это договор,— ответил я и, заметив его удивленное лицо, добавил поспешно:— Тут ничего особенного нет, это я написал книгу, продал ее и заключил на нее авторский договор.

— А-а... — презрительно протянул агент,— значит, вы книжный торговец? Нет, нельзя,— еще резче добавил,— оставьте помеще-
ние.

Мы сидели на бревнах возле вокзала и с философским спокойствием высчитывали, через сколько времени наши плащи промокнут.

Темной зловещей тенью мимо нас прошел милиционер, потом остановился и, помахав рукой, присвистнул губами:

— А ну-ка отсюда ф-ю-ють!..

Нам с Николаем обоим 45 лет. И нам в сущности на все наплевать.

Вспомнил я вот к чему. Получил я безграмотную, но горячую, возмущенную записку от одного инвалида красноармейца Орлова, приехавшего ночью на лечение в Пермь.

Человек издерганный и измотанный. А агент станции Пермь II, не просматривая даже документа, ткнул его рукояткой нагана в спину и выпроводил без разговоров на улицу.

Все я знаю, что скажут на этот фельетон, и все я понимаю сам. «Вокзал не ночлежка», «много их там шатается» и т. д.

Не понимаю только одного, откуда у наших товарищей такая повелительность жеста и такая властность тона и рук.

За все это больно и еще больней потому, что я уверен, что факт этот не единичен, ибо много похожих я видел и сам по разбросанным путям многих пройденных дорог».

Повторим еще раз этот гайдаровский вопрос:

«Откуда у наших товарищей такая повелительность жеста и такая властность тона и рук».

И Гайдар, переживавший в этом случае обиду вместе с инвалидом красноармейцем Орловым, думал и думал.

Разве может быть оправдано пренебрежение к человеку, к его жизни, к его достоинству какими-либо высокими революционными соображениями?

Нет, нет и нет!

Гневное осуждение Гайдара начинают вызывать люди, которые грандиозностью свершений, большими размерами уже понесенных жертв пытаются оправдать свое равнодушие к человеку.

«Говорят, что после эпохи гражданской войны почти у всех расшатаны нервы,— писал Гайдар в фельетоне «Р-романтика» в «Уральском рабочем».— По-моему, это не совсем так и даже наоборот — народ нынче пошел суровый, закаленный и, естественно,— раз человек пробрался через огонь и воду и прочие стихии, то трудно его теперь смутить и вывести из себя каким-нибудь, даже необычным, с точки зрения повседневности, обстоятельством.

— Что вы мне тычете, будто у вас мамаша помирает,— отвечает сурово такой человек.— А знаете ли вы, сколько под Перекопом за две ночи полегло? И как вы не понимаете всей колоссальной разницы масштабов?

Вот об этих-то масштабах я и хочу сказать несколько слов».

Гайдар рисовал такого крупномасштабного и по-военному решительного человека, оказавшегося по явному недоразумению на посту секретаря партийной ячейки кожзавода.

Он — «решительный человек. Слово его — камень. Тяжелое слово, и когда он что-нибудь завернет, то у слушателей остается впечатление, точно его булыжником по голове легонько стукнули».

«В личном быту он — холодный, расчетливый диктатор, не пренебрегающий ничем для того, чтобы поставить по-своему, сделать так, чтобы только ему было хорошо, а на всех остальных наплевать, ибо все остальные — жена, прислуга, дети и проч.— с его точки зрения, принадлежат к категории людей, не имеющих ни революционных заслуг, ни несущих общественно полезной работы и потому не стоящих, чтобы с ними хоть сколько-нибудь считались».

Этот авторитарно-волевого склада деятель выгнал жену с детьми, женился на девушке-домработнице, а через несколько месяцев стал выгонять и ее. Произошла трагедия: совсем еще молодая девушка, убедившись, что она грубо обманута, попыталась во дворе кожзавода кончить жизнь самоубийством — она облила себя керосином и подожгла. Но и тут герой фельетона остался невозмутим, он не бросился вместе с другими спасать ее, он не взглянул на нее, когда девушку везли на санях в больницу.

«Даже и тут он не смутился, ибо что значит один умерший для человека, который знает о Перекопе и слышал про ленские расстрелы, где тысячами... И, отвернувшись, он качнул головой и сказал со спокойным презрением: «Р-романтика и мещанство».

Чем больше размышлял Гайдар о человеке, об отношении к нему, тем тверже приходил к выводу: не наше, чуждое и враждебное нам старое сказывается в случаях дикого подчас пренебрежения к человеку, к его жизни, к его достоинству.

Гайдар часто бродил по городу. Бывал он в Перми и на Старом кладбище, что на крутом берегу Егошихи за ручьем, громко названным Стикс. И наткнулся на странный памятник, размышлениям о котором посвятил очерк «Проклятая дочь».

На Старом кладбище была соблюдена иерархия. «...Посередине, возле белой пустой церкви торчат памятники над могилами умерших купцов, почетных граждан, убитых и просто мирно скончавшихся полковников и прочих знатных и видных граждан. Но чем дальше забираешься вглубь, к краям кладбища, тем гуще и беспорядочней выбивается дикий кустарник, тем меньше мраморных плит и железных решеток. Покосившиеся кресты рассыпаются сухой мертвой пылью, растрескавшиеся кирпичи затянута язвами серой плесени». Надписи, всякие надписи, все же схожи между собой, «ибо оставшиеся в живых по большей части преподавали все один и тот же совет умершим в том смысле, что: «спите, мол, спокойно, а мы не забудем вас». Это просто привычная формула, освященная веками, так же, как веками обычай твердо установил, что над могилой каждого христианина, даже душегуба и вора, «должен быть поставлен крест, как символ окончательного расчета с земными судьями и здешними законами».

Но от одного намогильного памятника Гайдар отпрянул пораженный.

«Втиснутая краями вровень с землей лежала в траве заржавленная чугунная плита и шершавая, грубо высеченная змея, мертвым кольцом охватывая плиту, кусала себя за хвост, а с плиты

глядели вверх провалы круглых глаз, треугольного носа и оскаленные зубы страшной рожки.

Я содрогнулся. Я не мог понять, над кем это на христианском кладбище мог быть поставлен такой издевающийся странный памятник».

Недоумение разъяснил какой-то оказавшийся на кладбище человек, передавший автору одно из связанных с этим памятником преданий: это пермский исправник поставил такой памятник на могиле своей дочери, которую он проклял за то, что она полюбила и родила вне брака ребенка. Почему же проклятая дочь похоронена не где-нибудь в стороне, а на самом видном и бойком месте, около церкви, и памятник поставлен вровень с землей? Это нарочно, это «затем, чтобы после смерти ее топтали ногами идущие молиться христиане».

«Человек ушел скоро,— заканчивает очерк Гайдар,— я же долго еще сидел и думал.

У ней, у невенчанной, родился ребенок. Ее заклемили проклятьем при жизни, и после смерти ее должны были топтать до тех пор, пока не сотрется чугун пятнадцатипудовой плиты. Почему же плита заржавела и, по-видимому, ни у кого не хватает смелости вытирать ноги о страшное лицо еще не стершейся плиты. Не потому ли, что прежде, чем успел стереться надмогильный чугун, многое стерлось и смелось навеки пролетевшими ураганами последнего десятилетия».

Не наше, не наше это проклятье! И самое такое отношение к человеку — не наше. Мы, советские люди, никогда не унижим так человека, не будем топтать его, как этого хотел дикий в своем гневе исправник*.

Человек — бесконечно дорог, за жизнь его надо бороться до конца.

В фельетоне «Цена жизни», опубликованном в «Звезде» в

* Вряд ли предание отвечает действительности, но в данной связи это совершенно несущественно.

декабре 1926 года, Гайдар осуждал главного врача городского туберкулезного диспансера, отказавшегося направить больного ребенка в санаторий ввиду «безнадежности больного», и требовал, чтобы он, главный врач, поступился своим самолюбием и прислушался к голосу других врачей, считавших лечение необходимым.

А разве может быть чем-нибудь оправдана заведующая Уктусской (это под Свердловском) школой Кузнецова, которая объявила ненормальной девочку Катю Н., потому лишь только, что мать ее осмелилась критиковать школьные порядки (фельетон «Ярлык» в «Уральском рабочем»). Прикрепив девочке ярлык сумасшедшей, отгородив ее тем самым от подруг, учительница начала издеваться над ней. Гайдар передавал одну из таких тяжелых сцен. «В продолжение всего этого девчурка лежала на полу, не смея подняться, и плакала, но... слезы — это еще не аргумент, а особенно слезы маленькой девчонки, к тому же еще объявленной ненормальной».

Так ведь можно изуродовать, совсем изуродовать здорового человека, вдалбливая ему, что он — ненормальный.

В этом фельетоне у Гайдара две темы: он выступает прогив зажима критики и в защиту маленькой девочки, которая, совсем уж безвинно, оказывается жертвой этого зажима. Перзая тема отходит на задний план, почти исчезает из фельетона, звучит в нем одно — горечь автора за обиженную, страдающую девочку.

Трудно сейчас сказать, в силу каких обстоятельств, но в «Уральском рабочем» в 1927 году у Гайдара значительно чаще, чем раньше, появляются такие фельетоны — требующие внимания, уважения и бережного отношения к человеку («Смерть примиряющая», «На почве национальной ненависти», «Р-романтика», «Человек на веревке», «Ярлык» — пять фельетонов из двенадцати).

В некоторых из этих фельетонов автор идет обычным для фельетониста путем: ищет комическую ситуацию, обличает противника остроумными сопоставлениями, борется с ним оружием смеха («Смерть примиряющая», «На почве национальной ненависти»), в других («Ярлык», «Человек на веревке») — смеха нет, только гнев.

И в самом деле, можно ли смеяться?

В деревне Коновалово Свердловского округа кулак Михалев десять лет держит в хлеву на привязи свою сумасшедшую дочь. Прошли Февральская и Октябрьская революции, был изгнан с Урала Колчак, во многом изменилась окружающая кулацкий двор жизнь, а человек, пусть психически больной, но человек же,— все по-прежнему на привязи («Человек на веревке»).

Сумасшедшая страшным смехом смеется по утрам, когда кричат петухи. «И жутко что-то от этого смеха становится. Жутко потому, что до сих пор ни ячейка ВКП(б), ни ячейка ВЛКСМ, ни волисполком не задумались еще над тем — не пора ли взмахом ножа перерезать веревку, не пора ли дать амнистию человеку, деспотической волею кулака десять с лишним лет привязанному к стене, к мертвой стене, к стене глухой тупости, дикости и средневекового невежества».

Здесь совсем нет места ни юмору, ни сатире, в обычном ее понимании, здесь гнев публициста. Фельетон ли это? Не знаем. Но это Гайдар.

Нам кажется неслучайным все более обостренное внимание Гайдара к таким непосредственно гуманистическим темам. В нем росло понимание, что радость и горе отдельного человека общественно значимы, что на отношении к отдельному человеку, так же, как и на отношении к общему делу, проверяются социалистическая сознательность, коллективизм советских людей. Присматриваясь к жизни, сталкиваясь с новым и новым для него материалом, он шел к темам, близким художественной литературе. В нем развивалась писательская сопричастность человеческим чувствам, стремление проникнуть в человеческую психологию.

Формировался Гайдар-писатель.

ОПЫТ ОЧЕРКА

В «Звезде» и «Уральском рабочем» Гайдар как журналист выступал почти исключительно в жанре фельетона.

Главным образом в жанре фельетона выступал он в газетах «Красный воин», «Красная звезда» и «Голос текстилей», когда работал после Свердловска в Москве.

Позже, в Архангельске, в «Волне» — «Правде Севера» (газета была как раз в это время переименована) он был фельетонистом и очеркистом.

Еще позже, в Хабаровске, в «Тихоокеанской звезде» — очеркистом, изредка выступавшим и с фельетоном.

Постепенный переход Гайдара в газетных жанрах от фельетона к очерку виден вполне явственно.

В первые годы газетной работы очерк не увлекал его. Вскоре после приезда в Пермь он пошел по поручению редакции в Главные железнодорожные мастерские имени А. А. Шпагина, чтобы написать очерк. 17 ноября на странице «Жизнь наших заводов» появился его

материал «О Шпагинских мастерских и вообще», который трудно назвать очерком. Гайдар строил его как очерк-зарисовку работы предприятия, стремился описать процессы производства в отдельных цехах: «Стромные колеса декапода попали в крепкие тиски медленно позорачивающейся машины, и стальной нож гладко сравнивал шероховатости банджа. А рядом долбежный станок равномерно ухал...» Такие зарисовки, как называли их газетчики, были тогда в ходу. Гайдар, правда, делал в этой корреспонденции кое-какие практические замечания о недостатках, которые следовало бы устранить, но это были очень поверхностные замечания. Зарисовка оказалась неглубокой, разбросанной. Удачнее был другой, через пять дней, 22 ноября появившийся очерк «Кама»*. В нем есть и стержневая мысль, и настроение; чувствуется, что Кама, даже затихшая, спящая, отдыхающая, вдохновила Гайдара, который увидел в ней главное — реку-работницу.

Очерк был цельный, проникнутый одним настроением — его, Гайдара, настроением, рожденным встречей с большой рекой. Язык очерка лаконичен и образен.

«Товарищ! — писал Гайдар, прямо обращаясь к читателю. — Не поворачивайся назад. Забудь на минуту, что за тобой город, у которого антенны перекликаются с Москвой, забудь про то, что в стороне трубы Мотовилихинских заводов стволами зенитных орудий направлены к небу... Подойди вплотную к Каме, по которой мертвые льдины плывут и сталкиваются — сталкиваются и хрустят и опять плывут дальше. Посмотри на серый простор убаюканной снегами реки, на другой берег, где Закамский поселок деревянными избушками приткнулся к лесной орде, спускающейся к берегам, где туманы прячут лесные горизонты, а дымок избяных печей смешался с инеем смолистых сосен. И на тебя пахнет курным запахом древней, затерявшейся в медвежьих просторах Руси...»

* Очерк печатается сейчас в четырехтомных собраниях сочинений А. П. Гайдара. Он напечатан также во всех трех изданиях книги «Жизнь и творчество А. П. Гайдара».

И заканчивает Гайдар свой очерк утверждением:

«Но теперь до весны... до пьяноласкового солнца, до журавлиных клетов, которые высоко, высоко,— а аэроплан выше,— Кама спит».

В этих живых, эмоциональных, образных описаниях чувствуется Гайдар-писатель. Но не потому взялся он за перо, что ему хотелось создать пейзаж замирающей на зиму реки, а потому, что, верный своим взглядам на жизнь, он хотел показать победу нового, победу советского человека над природой, сказать, что «аэроплан выше». И Гайдар утверждает в очерке:

«А на высоком левом берегу — город, внизу — склады, пристани. И дикая Кама не любит левый берег, потому что он командует над рекой, потому что после первых весенних льдин он навязывает ей свою волю окриками грузчиков, гнущихся под тяжелыми мешками, сигналами красных флажков, летающих над райкомводом, и тяжестью тысячеволовых плотов, спускающихся по реке книзу.

А Кама не любит терять волю стальных волн и злится бессильно, побеждаемая беспощадным обстрелом сухих телеграмм:

«Пермь... Камлесотрест... Промкомбинат... Сельхоззаводу... присылайте... получайте».

Очерк «Кама» был успехом. Однако этот успех не получил развития.

Гайдар понимал, что жизнь заводов, активное участие в ней — главное для «Звезды». Много раз он выступал в защиту заводских коллективов, в защиту трудовых прав рабочих в своих фельетонах. Как свидетельствует написанная им по материалам контрольной комиссии большая статья-очерк «Дело Лабинского» (печатавшаяся в двух номерах «Звезды»), он был вполне способен разобраться в механике заводской жизни. Статья эта, также о Шпагинских мастерских, появилась полгода спустя после неудачного очерка-корреспонденции. Здесь Гайдар гораздо глубже вникает в сложившуюся на предприятии обстановку. Это уже не зарисовка того, что бросилось в глаза молодому журналисту при первом посещении

мастерских. Гайдар рассказывал печальную историю о том, как пытались выжить старого партийца, талантливого рабочего-рационализатора Лабинского. Он был восстановлен на работе. И речь шла не столько о защите поправленных прав отдельного человека, сколько о восстановлении здоровой атмосферы в мастерских, при которой администратор не мог бы творить произвола. Гайдар говорил о случае в Шпагинских мастерских, как об уроке, поучительном для всех предприятий.

«Дело Лабинского» он пытался построить как очерк. Подобно многим своим фельетонам, он начал эту статью-очерк с энергичного, насыщенного действием сюжетного вступления, он пользовался диалогом, переходил на авторские рассуждения.

Однако жанр очерка пока трудно давался Гайдару, он не привлекал его.

В «Уральском рабочем» Гайдар выступил, в начале своей работы там, с очерком «3000 вольт»*, посвященным пуску новой городской электростанции. Картина этого пуска, который произошел в спокойной рабочей обстановке, без торжественных фраз и пространственных докладов, воодушевила его. Его вдохновила «простая, почти суровая скромность тех, которые влили сегодня в проволочные жилы города живительную электрическую кровь». Очерк удался. Но... остался единственным. И здесь, в «Уральском рабочем», Гайдар отдал свои силы фельетону.

Почему так? Почему такое исключительное увлечение фельетоном и полное, можно сказать, невнимание к очерку?

Заводская жизнь была в новинку Гайдару. Он не быстро вошел в нее. Он бывал на предприятиях Перми, но не часто, по округу же почти не ездил. Единственная его поездка в Чусовской завод дала только фельетон «Отрывок из летописи»**.

* Очерк печатается сейчас в четырехтомных собраниях сочинений А. П. Гайдара.

** Б. Камов в биографии «Аркадий Гайдар» пишет о жизни его в Перми: «Он обошел пешком весь город, побывал во многих отдаленных районах области, посетил больницы и кооперативы, школы и детские ясли, столовые для ра-

Начав работать в газете, попробовав свои силы в очерке и фельетоне, Гайдар почувствовал, что фельетоны даются ему. Он увлекся этим жанром. Да фельетон и соответствовал тогдашнему настроению и характеру начинающего журналиста. Очерк требовал гораздо более спокойного, размеренного подхода к теме. А Гайдар был очень экспансивен. Ему хотелось быстрого действия. Фельетон как раз давал возможность быстрее врываться в жизнь.

ГОЛОС ГОРЯЧЕГО СЕРДЦА

Второстепенное место в творчестве Гайдара заняли и стихи, печатавшиеся в «Звезде» и «Вечерней Звезде». К поэтическому творчеству Гайдар тянулся еще в детские и юношеские годы. Сестра Гайдара Наталья Петровна Полякова в статье «Заметки о детстве» («Арзамасская правда», 25 окт. 1961 г., № 212) вспоминает, что «Аркадий много сочинял стихов», будучи еще мальчиком, в период сразу после начала империалистической войны, что у него «было много стихов, относящихся к самым первым дням революции». Стихи свои Гайдар читал на школьных вечерах. Вспоминает Н. П. Полякова стихотворение Гайдара, написанное, видимо, еще в 1917—1918 годах: «Угнетенные восстали, У тиранов мы отняли Нашу власть. И знаменам нашим красным Не дадим мы в час опасный Вновь упасть. И звездою путеводной В дали светлой и свободной Мы горим. Нет звезды той яркой краше, И весь мир мы светом нашим Озарим. Коммунизм — маяк наш светлый. Побе-

бочих и райисполкомы. Он все хотел знать и видеть» (Борис Камов. Аркадий Гайдар. Биография. Пособие для учащихся. Л., 1963, стр. 36). По городу да и по его окрестностям А. Гайдар много бродил. В отдаленные районы области он не мог ездить. Таких районов просто не было: Пермь являлась центром компактного округа. Просто ходить и заглядывать в больницы, райисполкомы и детские ясли Гайдару ни к чему, да и некогда: он работал.

дим». Слабые в чисто художественном отношении стихи 13—14-летнего подростка интересны своей острой политической направленностью, которая сохранилась в его стихах и на будущее время.

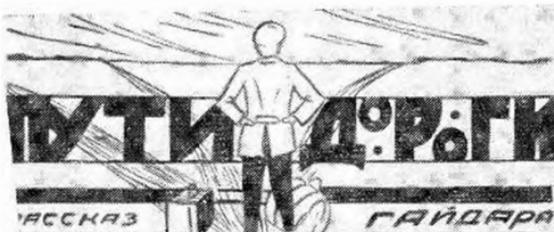
Стихи Гайдара печатались в арзамасской городской, а затем в красноармейских газетах. Несколько стихотворений («Кавалерийская походная», «Письмо», «Наблюдатель» и др.) было напечатано в газете «Красный воин» в 1927 году. Появлялись поэтические строки, написанные самим Гайдаром, в более поздних, зрелых прозаических его произведениях. Читатель помнит, вероятно, теплые лирические стихи-песни, вкрапленные в повесть «Тимур и его команда», в рассказ «Чук и Гек», песенки из «Голубой чашки», Алькину песенку из «Военной тайны», отдельные двустишия и четверостишия в других рассказах. Часто писал Гайдар остроумные письма в стихах своим друзьям, взрослым и детям. Однако самостоятельного места в творчестве Гайдара стихи не заняли и не занимали.

Пять стихотворений, опубликованных в «Звезде», и два стихотворных фельетона в «Вечерней Звезде» являются скорее свидетельством того, что Гайдар стремился и этот литературный жанр использовать как публицист.

Таковы стихотворения «Перед выборами» и «Баллада о переборном плакате», в которых Гайдар призывает читателя участвовать в выборах городского Совета. Откликается Гайдар стихами и на международные события, волновавшие в то время советских людей. В стихотворении «После измены» он возмущенно пишет о срыве всеобщей забастовки соглашательскими лидерами английских тред-юнионов. В стихотворении «В новой петле» говорит о тяжелой участи «германского пролетария, стиснутого петлей американских воль» в результате репарационного плана Дауэса.

Наиболее интересным из всех является стихотворение, напечатанное под названием «Отрывок из поэмы «Пулеметная пурга» 23 февраля 1926 года, в День Красной Армии*.

* Отрывок печатается теперь в четырехтомных собраниях сочинений А. П. Гайдара.

...и ты, что зверо
рыба — русые волосы
...и ты говоришь по жар-
...и ты говоришь по жар-

...и ты говоришь по жар-
...и ты говоришь по жар-
...и ты говоришь по жар-

...и ты говоришь по жар-
...и ты говоришь по жар-
...и ты говоришь по жар-

УГЛОВОЙ ДОМ.

На перекрестки! — задыхаясь
ула командир отряда... Всю
...и ты говоришь по жар-

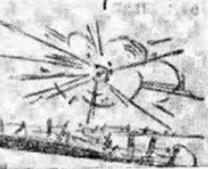
...и ты говоришь по жар-
...и ты говоришь по жар-
...и ты говоришь по жар-

...и ты говоришь по жар-
...и ты говоришь по жар-
...и ты говоришь по жар-

...и ты говоришь по жар-
...и ты говоришь по жар-
...и ты говоришь по жар-

ПЕРВАЯ СМЕРТЬ

Рассказы А. Гайдера в «Звезде».

Кама. очерк.

его трудом
получает в
любопытном
высоте работы
и не забывает
А вот он
старушка, он
всегда с
вот так

«ЗВЕЗДА» № 86

У ВОРОТ СРЕДНЕЙ АЗИИ. Письмо с дороги.

Освобождения
Одичавей

О ЧЕРК.

Предклятая дочь

Отрывок из поэмы
«Пулеметная пурга»
Точка
года
Подойдите сюда что-нибудь
Ах, в пурге это так же

3000 ВОЛЬТ.

Волнован,
из предст-
вительств.
ит якими
вексель-
ка. Ни в
востража-
дложка на
шнорель-
вой Со-
вой Рас-
ста ула-
того во.

Как бы раз рвануть отчая из про-
двигательный элект привал мои в
рабо и начал отключать сальниковым
двигатель.
— Что это вы, дорогой человек
все больше консервативными раз-
борки движетесь, пришло так в
мотористическим смысле, совершенном
использовании светле стор на тамперско
автомата. Все это говорит о том, что
уже совершенно не пригодны для
этого двигателя. Мы благодарим вас за
интерес к нашей работе и надеемся
на встречу для дальнейшего в РИИ

И вот так же, как и в других случаях,
мы не можем не отметить, что вы
всегда были и будете самым ценным
членом нашей команды. Мы не сомне-
ваемся, что вы всегда будете самым
лучшим человеком в нашей команде.
Мы благодарим вас за вашу работу
и надеемся на дальнейшее сотрудничество
с вами. Мы всегда рады видеть вас
в нашей команде.

уже были опубликованы в Ленинграде две повести, и он не остав- лял, да и не мог оставить, стремления к писательской деятельно- сти. И начал Гайдар свою работу в «Звезде» с рассказов. Это, впрочем, совершенно естественно еще и потому, что он только знакомился с новым для него городом, с новой обстановкой.

Первое, что появилось в газете, был рассказ «Угловой дом» *, напечатанный в восьмую годовщину Великой Октябрьской револю- ции. Больше половины всех рассказов Гайдара, появившихся в «Звезде», опубликовано в первые два месяца его работы.

В начале своего литературного пути Гайдар находился под влия- нием негаснущих воспоминаний об участии в гражданской войне. И именно поэтому большая часть всех рассказов, написанных в Перми, непосредственно связана с темой борьбы за становление Советской власти и защиты ее от белогвардейщины, от мира ка- питализма.

Гайдар был далек от всяких литературных групп, группочек, ассоциаций, направлений, деклараций. Он мало интересовался ожесточенными спорами, яркой борьбой, отличавшей тогдaшнее поло- жение в литературе. Большей частью он просто и искренне писал о том, что знал, что пережил. У него была одна всепоглощающая цель — иными путями, чем раньше, завоевывать и утверждать но- вую жизнь и не давать забывать людям, что окончание военной борьбы за Советскую власть никак не означает конца борьбы вооб- ще. Период нэпа, на который приходилось начало его писатель- ской работы, не сказался на его жизненной позиции, он не под- дался частым в то время настроениям упадка, неверия в будущие успехи революции, время для него продолжало оставаться окра- шенным красным, а не рыжим цветом.

В рассказах о гражданской войне Гайдар старался передать па- фос революционной борьбы, огромную, накопившуюся в народе силу ненависти к отживающему, но не сложившему оружия строю, беззаветную решимость революционного народа до конца

* Позже рассказ был перепечатан в сборнике: А. Гайдар. Угловой дом (в серии «На страже СССР»). М., 1927.

бороться за победу социалистической революции. Кипучая страсть, быстрый бег революционных событий, порою их стихийная сила — вот что интересует Гайдара, что близко ему и что больше всего удастся ему передать в своих рассказах.

«— На перекрестки! — задыхаясь, крикнул командир отряда...—
Всю линию от Жандармской до Покровки... Сдыхайте, но продержитесь три часа.

И вот:

Нас было шестеро, остановившихся перед тяжелой кованой дверью углового дома. Три раза дергал матрос за ручку истерично звякающего звонка, три раза в ответ молчала глухо замкнувшаяся крепость. И на четвертый, оборвав лязгнувшую проволоку, ударил с досады матрос прикладом по замку и сказал, сплевывая:

— Не отпрут, сволочи, а занять надо. Р-р-аз, через забор, ребята!

Исцарапав руки о железные гвозди, натканные рядами, мы пробрались во двор, достали лестницу, вышибли окошко, выходящее в сад, я первым прыгнул в чужую, незнакомую квартиру, за мной матрос, потом Галька, потом все остальные».

Так начинается рассказ «Угловой дом» — о том, как небольшой отряд красногвардейцев захватил дом, чтобы помешать взбунтовавшимся юнкерам атаковать революционный штаб, о гибели девушки Гальки, которая вместе с товарищами отстреливалась от юнкеров, и о стойкости красногвардейцев, которым «важно было три часа продержаться на перекрестке до тех пор, пока со станции Морозовка не подойдет сагитированный и взбольшевиченный батальон».

Рассказ, в особенности его начало, отличается стремительность действия, огромный напор чувств, высокий и искренний пафос, который естественно сочетается с простотой повествования. Все это убедительно передает напряженность и остроту момента. Чувствуется, что Гайдар хорошо видит то, что происходит, видит глазами человека, который и сам бывал в подобных ситуациях.

Но порою он сбивается со взятого в начале темпа, порою пе-

реходит на скороговорку, а то вдруг прибегает и к вовсе наивному для рассказа приему: «Я мог бы многое рассказать, и мне жаль, что в газетном подвале «Звезды» всего шесть колонок. И потому продолжаю прямо с конца». Написаны эти слова совершенно искренне. Но Гайдар не замечает, что они в общем-то неуклюже перебивают стремительный ритм, разбивают уже созданное у читателя настроение. Наивны используемые иногда приемы прямых, лобовых противопоставлений, свойственные, правда, многим начинающим писателям середины двадцатых годов: «Тяжелая изящная Венера полетела вниз и загрохотала над крыльцом, разбившись вдребезги. И это было неважно, потому что Венера — это ерунда, а перекрестки... революционный штаб... и т. д.».

Все же такого рода недостатки не могут заслонить общего впечатления от рассказа. Гайдар кончает его возвращением к мысли о погибшей Гальке, у которой «была темно-кудрявая огневая головка. И она звонко, как никто, умела кричать: — Да здравствует революция!» И весь строй рассказа, вся его собранность, напружиненность приводят к тому, что конец воспринимается как совершенно естественный, в нем нет ничего от декларативности, от схемы.

Почти тотчас же после «Углового дома» появился второй рассказ — «О том, как хоронили Левку». Здесь Гайдар обращается к эпизоду гражданской войны. Левка — атаман крестьянского партизанского отряда, сражающегося против белоказачьих банд, погиб в одном из боев. Товарищи хотели похоронить Левку по христианскому обряду, хотя «Яшка-собачник, приблудивший с завода, пробурчал, ругаясь сквозь зубы: — А зачем по-христиански, зачем поп потребовался... Все видимость одна». Священник, которого случайно захватили на дороге, совершил отпевание. Но один из бойцов отряда узнал в нем доносчика на партизан.

Беспалый, заменивший Левку на посту атамана,

«перед тем как опустить в могилу Левку, поднялся на бугорок... и, тиская руками рваную баранью шапку, сказал хриплым, надломленным голосом:

— Братцы! Был у нас Левка характеру крутого, и тяжело бывало иной раз с им. Но была у Левки своя правда. Ненавистная, горькая правда. И наказывал он перед кончиной, чтобы, значит, стоять нам за крестьянскую власть до конца... Чтобы бить нам белых, докуда мы их либо они нас изведут. И чтобы не было никакой пощады и никакого соглашения. А что сказал Левка — то и будет свято. Так ли я говорю, братцы?

— Так... Правильно,— откликнулась эхом толпа.

— Что сказал Левка — то и будет свято!»

И когда опустили Левку прямо руками в неглубокую свежую яму и засыпали его пахучей черной землей,

«спросил тогда Беспалый у притихшей толпы:

— А что, братцы, приказал бы сделать Левка с человеком, который спрятал бы загнанного, как собаку, партизана, а потом сам бы со свечой привел к нему в погреб казаков?

— Повесить,— хмуро ответили голоса из толпы.

— Повесить... повесить такую иудину душу».

И священника, отца Евграфия, повесили. Повесили потому, что в страшной схватке не на жизнь, а на смерть между двумя мирами, с большой страстностью утверждает Гайдар, не может быть пощады, не может быть места жалости. Ведь за лесом (так заканчивается рассказ) «ух какой сильный бой начинался за лесом, недалеко от могилы атамана Левки».

Гайдар захвачен самим пафосом борьбы: ведь он так близок ему. Это неважно, что Левка уже мертв, что он представлял себе Советскую власть как власть крестьянскую, что его отряд действует, казалось бы, оторванно от общей борьбы против контрреволюции. Левка ненавидел белых и заразил своей ненавистью товарищей по отряду, и, что самое главное, «была у Левки своя правда», которая была близка нашей, настоящей, большевистской правде.

Цельной представляется общая настроенность рассказа. Весь его стиль выдержан в манере сказа:

«— А что, браток! не видать ли чего с Огнищ?»

И ответил скрипучим голосом похожий на птицу-филина косой Симеон:

— Видать, что катит по дороге подвода, а за ней конных пять либо шесть торопятся».

И еще:

«Поднял голову, разжал брови Беспалый и спросил опять у Симеона:

— А что, браток! не видать ли чего с Огнищ?

И опять проскрипел сверху косой Симеон:

— Видать, что по всей дороге пыль стоит, а у Никудинского леса конники носятся».

И дальше:

«И повесили отца Евграфия над самой могилою, на толстом суку искореженной березы. И тягуче поскрипывал надтреснутый сук».

Все это создает атмосферу напряженности, которая пронизывает рассказ. Образный строй его близок военной обстановке, обстановке жестокой борьбы. Даже явления природы Гайдар приписывает характер событий, происходящих в стране:

«Было небо сухое и серое — как глаза, как лица нахмуривших брови партизан»;

«И вместо прощального звона плыли по небу глухие взрывы недалекой схватки»;

«Атаковали сумерки покинутую поляну. И стало на ней тихо, пусто»;

«И, смешавшись с густотою спускавшихся сумерек, поплыла по притихшим полям тревога».

Воспоминаниями о гражданской войне, о борьбе с бандитизмом, в которой Гайдар принимал самое активное участие, навеян и рассказ «Начальник уголовного розыска».

Вот краткое содержание этого рассказа.

К начальнику уголовного розыска Полевому приводят только что пойманного бандита Степку-милого, который оказывается бывшим товарищем и соратником Полевого по гражданской войне.

Полевой ошеломлен. Он удаляет всех из своего кабинета, вызывает бандита на воспоминания о совместных боях.

«Они разговорились, торопливо перебирая в голове, поправляя друг друга и улыбаясь. И совсем не похоже было на то, что разговаривают начуголрозыска и пойманный бандит, потому что так по-мирному, оживленно блестя их глаза и таким никчемным валялся на столе заряженный наган».

Полевому, казалось бы, удастся разворошить в Степке высокие чувства, какие владели им во время боев с белогвардейщиной. Однако Степка быстро возвращается к действительности и хочет бежать. Он хватается наган Полевого. Но Полевой не верит, что его прежний соратник поднимет на него руку. И в самом деле, Степка не может убить Полевого.

«И рванулось сразу дуло нагана вверх ко лбу Полевого, и споткнулось дуло нагана об укоризненный взгляд, и звякнуло разбитое стекло, потому что вылетел на улицу с силой отброшенный Степкой наган — и, грохнувшись о мостовую, гулко выстрелил в пустую темноту».

В ту же ночь органы ГПУ расстреляли бандита Степку.

В печати, да и в художественной литературе того времени был очень распространен интерес, принимавший порой нездоровый характер, к уголовно-приключенческим, детективным темам. Гайдар откликнулся на это увлечение. Но... и тут остался самим собой. «Начальник уголовного розыска» значительно отличается от многих произведений подобного рода. Детективность, острая сюжетность, необычность ситуации играют второстепенную роль. В центре внимания Гайдара — психологическая сторона конфликта. Его интересует моральный поединок между Полевым и Степкой, в котором полную победу одерживает Полевой.

Рассказ не блещет достоинствами. Читателю, например, совсем неизвестно, какими путями произошло перерождение бывшего партизана в уголовника. А ведь такой вопрос возникает. Недостаточно оправдана убежденность начальника уголрозыска в том, что нынешний закоренелый бандит не сможет поднять на него руку. Но,

как и другие рассказы, связанные с военной темой, «Начальник уголовного розыска» привлекает искренностью, убежденностью автора, четкостью главной мысли.

К рассказам на темы гражданской войны примыкают и рассказы о боевых эпизодах, прямо связанных с личным боевым путем Гайдара и носящих автобиографический характер.

Это прежде всего «Две телеграммы» — очерк, который с большим, пожалуй, правом можно назвать рассказом.

Начинается рассказ с описания действительной обстановки, в которой находился автор.

«— Читай,— сказал Ленька, показывая мне пачку свежих телеграмм.— Только сиди смирно, у меня приемник что-то плохо работает».

Это была совершенно реальная редакционная обстановка, в которой работал Гайдар, и Ленька — это известный позже уральский журналист Леонид Неверов, ведавший тогда в «Звезде» приемом телеграфной информации по радио.

По радио было принято сообщение о назначении народным комиссаром по военным и морским делам К. Е. Ворошилова. И вот в памяти автора возникает другая телеграмма, подписанная Ворошиловым, о том, что бывший командир одной из советских дивизий, изменник Григорьев, выступивший против красных частей Украины, объявлен предателем, стоящим вне закона.

И Гайдар вспоминает:

«Ревели, разбрасывались искрами, слетали к черту под откосы эшелоны. Наперекор темноте, напролом через ночь врывались и взрывались самодельные бронепоезда».

Вспоминает Гайдар и о том, как отряд красных бойцов выдержал жестокую схватку с белогвардейцами, как, «задыхаясь, спотыкаясь о камни, о придорожные канавы, неся отряд на вырубку атакованному поезду, который сверкал вспышками винтовочных выстрелов и рассыпался фейерверками пулеметных лент, неся к загадочному эшелону, ворвавшемуся в жуткую тишину вероломной ночи».

А потом оказалось, что эшелон этот был поездом командующего и командующим был Ворошилов. Ленька в самом конце рассказа спрашивает автора, о чем он задумался и не приходилось ли ему случайно встречаться с Ворошиловым на фронтах. «Приходилось,— улыбаясь, ответил я.— Было и такое дело, Ленька».

Автобиографичен и другой рассказ — «Первая смерть».

В одном из боев в конце 1919 года Гайдар был тяжело контужен в голову. Позже он заболел травматическим неврозом. Последствия этого Гайдар испытывал всю жизнь.

Воспоминанием об одном из пребываний в больнице начинается рассказ, в котором Гайдар выводит себя под своей настоящей фамилией.

«В этом несомненно была какая-то система. Почему именно после обеда и после 3-х часов, набросив внакидку мягкий больничный халат, я отправлялся по ковровым коридорам института нервнобольных в узкий проход, ведущий к черной лестнице, спускался вниз, долго стоял у двери запертой кухни, потом, теряя сознание, падал в глубокий, темный обморок.

И однажды, в мертвый час, когда в нижнем этаже остановили свой бег бесчисленные машины, цепко хватающие своими щупальцами головы больных, когда перестали шуметь потоки воды, смешанной с электричеством, и погухли фиолетовые лампочки кабинета светолечения, и спустилась тишина, нарушаемая только легким стуком переставляемых шахматных фигур да жужжанием вечно неумолчного, полусумасшедшего, полуразбитого летчика Чекушева, подражавшего рокоту пропеллера,— в комнату вошла сестра и сказала коротко:

— Голиков, к доктору, на гипноз.

Провожаемый любопытными взглядами повернувшихся голов, я спокойно вышел».

Далее в рассказ о сеансе гипноза, о том, как он проспал почти час, как ассистент записал его бред и как доктор спросил, помнит ли он историю с мадьярами, Гайдар вплетает эпизод из своей боевой жизни. И здесь мы позволим себе целиком привести этот

эпизод *. Он, думается нам, почти во всем достоверен и дополняет наши сведения о том, как приходилось воевать Гайдару, которому в описываемое время не было еще и шестнадцати лет.

«Это было в огневом 19-м, когда железная бригада курсантов была брошена в прорыв стихийно наседающей петлюровщины **, как последний мешок земли бывает брошен, с тем чтобы хоть на минуту задержать разрыв дрожащей и ломающейся под напором воды плотины.

Было за полдень, было сухо. Небо было такое серое, как шнели курсантов, распластавшихся в цепи, как их сосредоточенно-сумрачные, наполненные холодной решимостью лица.

Боя не было — должен был быть скоро. По цепи, по ротам поехала батальонная кухня. И с той стороны никчемный и ненужный снаряд зажужжал, разрывая серое полотно воздуха, и, с фейерверочным треском разорвавшись шрапнелью, 40 из 250 пуль всадил в стенки походной кухни.

— Командир роты, — сказал мне, подъезжая, помкомполка, — бой близок, а люди голодны. Идите в тыл, в штаб и скажите, что я приказал прислать консервов. А если нет, то сала, и потом пусть вскипятят хотя бы воду для чая. В общем, сделайте!..

Я повернулся и пошел. Тропа изгибалась меж кустами. Я шел к себе. Впереди была цепь. И потому я был спокоен. И когда сзади послышался лошадиный топот, я не повернул даже головы, а

* Рассказ «Первая смерть» был второй раз напечатан в газете «Звезда» 12 января 1964 г., незадолго до шестидесятилетия со дня рождения Гайдара, затем, после выхода первого издания этой книги (начало 1965 года), он был перепечатан в «Литературной газете» (3 декабря 1966 года) и в альманахе «Прометей» (т. 2, 1967). Б. Камов при публикации рассказа «Первая смерть» в «Литературной газете» почему-то ссылается на то, что рассказ перепечатывается «с разрешения редакции альманаха «Прометей». К тому же он сообщает странные сведения: Гайдар будто бы был после 1926 года командиром полка и ему было 19 лет, а в 1919 году командиру роты Голикову было будто бы всего 14 лет (а не 15).

** Именно тогда в середине 1919 года, Гайдар, будучи курсантом Шестых Киевских командных курсов, участвовал в боях против петлюровских банд.

просто сделал полшага в сторону, с тем чтобы пропустить скачущих кавалеристов. Но топот вдруг резко оборвался. Горячее лошадиное дыхание опалило мне шею. Послышался металлический ляг двинутого затвора, и на своем затылке я почувствовал холодное прикосновение винтовочного дула.

Негодую на дураков кавалеристов, я осторожно, иначе бы мне разбили череп, поворотил голову и умер в ту же минуту, потому что увидел вместо наших кавалеристов два ярко-красных мундира и синие суконные шаровары, каких ни бригада, ни красноармейцы никогда не носили.

— Конечно,— мелькнула тысячесекундная мысль,— как это ни больно, как ни тяжело, а все равно кончено.— И, побледнев, я пошатнулся, с тем чтобы по железному закону логики спусковой крючок приставленной к затылку винтовки грохнул взрывом.

— Наш,— коротко крикнул один.

Шпоры в бока, нагайки по крупу, и опять никого и ничего.

Посмотрел вокруг, сделал машинально несколько шагов вперед и сел на срубленный пень. Все было так дико и так нелепо. Ибо вопрос был кончен: позади были петлюровцы, и опыт войны, и здравый смысл, и все, все говорило за то, что я обязательно должен был быть мертв.

* * *

Далеко, на левом фланге, отбивалась бригада красных мадьяр. Бригада была разбита, и двое мадьяр прискакали сообщить об этом в штаб нашего полка».

В то время, о каком идет речь, литературные достоинства гайдаровской художественной прозы были тем сильнее, чем больше опирался он в ней на пережитое им самим.

Короткая, точная, будто рубленая клинком шашки, фраза. Чистый лаконичный язык. Почти ничего лишнего. Стремительный темп, который появляется у Гайдара, когда речь идет о событиях

войны. «Первая смерть» — наиболее сильный рассказ из написанных Гайдаром в Перми.

НАДУМАННЫЕ ТЕМЫ

Тот стиль простоты и ясности повествования, который получил позже развитие в произведениях, сделавших Гайдара известным писателем, ощутимо чувствуется в «Первой смерти», «Угловом доме», «О том, как хоронили Левку». И это особенно заметно, если сопоставить эти рассказы с другими, написанными на ином материале.

«Денщик генерала Дергач-Оглоперова», по мысли Гайдара, должен был показать, как в период между Февралем и Октябрем пробуждалось революционное сознание даже в самых темных, самых отсталых слоях крестьянской солдатской массы. Рассказ начинается сразу с плакатного, с явным нажимом, описания отношения генерала к своему денщику:

«— Да не забудь, сукин сын, сказать повзру, чтобы гренки были с хрустом и прованского масла не жалел.

— Слушаюсь, ваше превосходительство...

— А ежели ты, подлец, все в холодном виде принесешь, то я тебя этими самыми судками опять по морде...».

Затем однажды ротам караульного батальона объявили, что «его императорское величество государь император Николай Александрович, утомившийся от управления страной, передал царствование брату своему его императорскому высочеству Михаилу Александровичу. Вот и вся революция».

Потом денщик Бабулин, возвращаясь с судками, встретился со своим земляком пожарным Пурковым, который и «объявил ему, что по всей России вроде как бы пожар начался в революционном, конечно, смысле и что по всем концам солдаты во многих местах бьют офицеров, а не наоборот...» Но и после этого, «когда Бабулин вернулся домой с простывшим обедом, он был бит

генералом, из чего заключил, что в Кошкоперске до сих пор бьют еще наоборот».

Наконец, сагитированный рядовым из второй роты Чекулдашкиным и побывавший на митинге, где «точно пелена начала падать с глаз», Бабулин съедает вместе с Чекулдашкиным генеральский обед, а генералу несет полные конского навоза судки.

«И генерал, открывши крышку, с криком ярости и отчаяния бросился с кулаками на денщика, но не ударил ни разу, не дотронулся даже пальцем, а так и остался с поднятыми руками, потому что прямо на него смотрели и смеялись узенькие глаза, рябозатое лицо, уголки поросших рыжей щетиною губ. И смеялись хорошим веселым смехом, но было в этом смехе что-то такое, от чего дрогнул вдруг и молча опустил руки генерал Дергач-Оглоперов».

Рассказ явно схематичен, задан. Взятый Гайдаром иронический, переходящий иногда на грубый сарказм, тон не вяжется с масштабом, со значением описываемых событий. Он скользит по поверхности. События видны читателю с их внешней стороны, он не видит того, что их движет. Таково же и поведение героя рассказа денщика Бабулина. О его перерождении, крутом изменении его психологии лишь сообщено читателю.

В чем же тут дело? Почему Гайдар, который умел уже и тогда обрадовать и поразить читателя острой наблюдательностью, верным видением, ясным и точным языком, написал такой слабый рассказ? Может быть, это случайная неудача?

Нет! Такие же вопросы возникают и по поводу некоторых других рассказов.

«Провокатор» — один из двух рассказов, в которых Гайдар обращался к событиям из эпохи первой русской революции (другим был «Первый пожар»). В «Провокаторе» говорится о периоде отступления революции, когда большевистская партия уходила в глубокое подполье для нового собирания сил.

Вот коротко сюжет этого рассказа. Члены одного из большевистских комитетов решают покинуть город, где им грозит безусловный провал, чтобы позже при первой возможности вернуться для

возобновления революционной деятельности. Против этого возражает горячий Павел. Он настаивает на том, что надо остаться в городе, в подполье и продолжать борьбу. Павел оказывается провокатором. Член комитета Дора, которая любит Павла, узнает о его предательстве в тюрьме. И вот:

«Жадно пожирал тюремный камень свет от тусклых ламп, и сам светился темными провалами холодных углов. И к холодному камню — горячая голова, горячий полубред с полуоткрытых губ Доры.

«Мы еще встретимся»,— вспомнились ей последние слова Павла. И голос ее снижался до мягкого шепота, почти ласкового от острой ненависти, вложенной в бессвязно срывающиеся слова.

— Да, да, милый,— шелестели истрескавшиеся от жара сухие губы,— я верю, что, может быть, еще не скоро, может быть, совсем при другой обстановке, но все-таки когда-нибудь в другое, в наше время,— мы опять встретимся.

...Милый! Я верю, что будет день, будет встреча, когда уже не по-прежнему, а четкими горячими словами оружейного залпа мы еще раз, последний раз поговорим».

Есть в этом рассказе верная политическая позиция и мысль, но читатель не подводится к этой мысли, а, наоборот, авторская позиция и мысль диктуют построение и развитие рассказа, показывая его заданность. В конце рассказа Гайдар гытается перекинуть мост к нашим советским дням, хочет показать, что участники революционных боев не были сломлены, что дело тех, кто пострадал во время «генеральной репетиции» 1905 года, восторжествует.

Есть в рассказе остросужетная ситуация, однако она совсем не оригинальна, она много раз уже использовалась в литературе. Написан рассказ в приподнято романтическом духе, встречаются в нем интересные, живые строки, но лежит на нем большой налет литературщины. В процитированных заключительных строках огорчает их слащавость, несмотря на, казалось бы, высокий пафос. Встречаются в рассказе неприятные литературные трюизмы, вроде: «Дора крепко держалась за руку Павла, жадно вдыхая клубы морозного, снежного воздуха, иногда задерживалась у фонаря

и синими глазами, под которыми темными дымками залегли бессонные ночи и тревога, заглядывала в его постоянно бледное, четко высеченное лицо». Словом, это было то, что так снижало литературные качества писавшейся в это время повести «Лбовщина». Есть что-то общее в стиле «Провокатора» со стилем «Лбовщины», в тех глазах, где действует Рита Нейберг.

Иной по теме, иной по манере письма рассказ «Вверх и вниз», также написанный Гайдаром в первый месяц работы в «Звезде». Герой его заместитель директора завода Чубук* поддался угару нэпа, забыл о том, что он совсем еще недавно работал в кузнечном цехе, совсем недавно был выдвинут на большую должность. Чубук проводит вечера в отдельном кабинете ресторана, целует «отточенные кончики пальцев Верочки». В конце концов «...дискредитирование, отрыв от масс. Но, принимая во внимание прежние заслуги перед революцией и партией... а также социальное... не исключать, а направить на производство». И вот Чубук уже не заместитель директора, он вернулся к своей прежней работе...

«И корежится захваченная в щипцы раскаленная болванка, не хочет ложиться на наковальню — врет, ляжет!

И все уверенней и уверенней бьет по железу рабочий кузнечного цеха товарищ Чубук.

Бьет со спокойной яростью.

— Врешь, перекуем!.. Мы все можем!.. Перекуем, когда надо, и себя...»

Рассказ близок тем фельетонам, в которых Гайдар с ожесточением набрасывается на бюрократизм, на отрыв руководителей от рабочей массы. Близок не только по теме, но и по форме. Со свойственной ему страстностью, даже горячностью, Гайдар нападает на недостатки. И эта искренняя страстность привлекает.

* Е. И. Петряева («Публицистика А. П. Гайдара», Одесса, 1961, стр. 17) и Б. Камо в («Командир отдельного полка» в альманахе «Прометей», т. 2, М., 1967, стр. 68) ошибочно говорят о Чубуке, как о реально существовавшем человеке. Такого не было ни в Перми, ни в Пермском округе. Чубук — образ, созданный Гайдаром.

Но... и этот рассказ не удался Гайдару. В нем мы опять, как в «Провокаторе», сталкиваемся со схематическим подходом к решению темы, с явной заданностью. Как и в «Провокаторе», здесь много наивного в литературной манере с ее рваной фразой, вроде приведенной выше, со стилем стенографической записи разговоров.

Так в чем же дело? — повторим мы уже заданный вопрос. Почему в одних рассказах ярко проявлялась бесспорная талантливость молодого литератора, а другие не удавались Гайдару? Почему и в других рассказах, о которых речь пойдет дальше, есть элементы упрощенности, явной наивности, художественной неустойчивости, необидительности?

Нетрудно заметить, что в тех случаях, когда Гайдар писал о войне, все шло у него от жизни, от так или иначе пережитого и пережитого им самим, от точного и удивительно верного, образного видения событий.

Политически Гайдар был уже зрелым человеком, несмотря на свою молодость. Он верно оценивал происходящее вокруг него, правильно понимал новую экономическую политику, великолепно разбирался в том, «в каком идти, в каком сражаться стане». Но для художественного обобщения новых условий, новой для него обстановки Гайдар не накопил еще достаточно жизненного опыта, жизненных наблюдений. Ему еще надо было осваиваться, накапливать опыт, которого явно не хватало. Вот почему не получались рассказы из истории революции, на невоенные темы — первые рассказы, в которых Гайдар писал не о том, что сам пережил и переживал. А отсутствие опоры на конкретный и освоенный материал мстило за себя, во многом оборачивалось литературным шаблоном.

О ДЕТЯХ

Особое внимание вызывают те несколько рассказов, в которых появляется детская тема. С большой заинтересованностью писал

Гайдар о детях в ряде фельетонов. Он, можно сказать, со сжатыми кулаками кидался в бой против холодного, бездушного отношения к школе и ее воспитанникам. Он зло издевался над чиновниками, которые не могли справиться с водой, затопившей подвальный этаж одной из школ, а потому... закрыли школу («Бумажная стихия»). Он выступал и по поводу, казалось бы, более мелких фактов, возмущаясь нерадивыми школьными администраторами, которые никак не могли собраться вставить выбитое в одном из классов школы стекло и морозили ребят («Разбитое стекло»). Обратив внимание на совершенно безграмотный текст «прощальной грамоты, коей были награждены все успешно окончившие» одну из школ Тюменского округа, Гайдар обеспокоенно ставил вопрос о качестве преподавания в такой школе, о том, что она дает учащимся («Позорный документ»). Все эти фельетоны пронизаны любовным отношением к детям, как будущим гражданам социалистической Родины.

Очень близко к этим фельетонам стоит рассказ «Когда ЭТОГО не будет», посвященный проблемам семьи. Как и «Вверх и вниз», он схематичен, написан лобовыми приемами. Гайдар ополчается в нем против тех, кто разрушает семейную жизнь и не считается с тем, как губительно отражается это на детях. «До 5 лет Топу жизнь казалась осмысленною и простою»,— начинается рассказ, но дальше выясняется, что жизнь вовсе не проста и что «Топ уже давно знает, отчего хмурит брови отец, когда смотрит на тонкие, чуть-чуть подрисованные брови матери, он уже давно знает все, но молчит».

Когда мать совсем бросает семью, Топ не выдерживает потрясения и заболевает. Позже, уже выздоравливающий, он лежит с градусником и думает о своей маленькой жизни.

«Он знает, что сейчас он будет октябренком, потом пионером, потом комсомольцем, а потом настоящим большевиком. И когда он пройдет через все ступеньки и когда станет совсем большим, настоящим коммунистом-большевиком, то этого уже совсем больше не будет».

ЖИЗНЬ ЛЕОВЩИНА ВО ЧТО

через решетку слышались лунными
огдессами, утмалывнит из-за чм-
ля, плотно обдвинувшей решетчат-
тое окно.

В коридоре послышались звя-
ги. Сейчас будет конец, подумал
Лбов. — Это наверное уже за мною.
(Он встал, шагнул раз и в мерт-
вой тишине тинило шагов)

Лбову на такое расстояние, что
бы тот не мог брестись к нему
из-за приподнявшей его двери и
начал вполголоса жалким голосом
привычное лагуное обращение

— Покайся, сын мой, в грехах
своих, ибо настает уже час рас-
счетов в земной жизни. Но Лбов не имел ни малейшего
желания покаяться, поспешнее
он приспешно посмотрел на спя-
щего и сказал холодно:

— Какйся мне лезею, прощити
прощезы мое по у кого, а знаа-
святот оти, к чему ты подоб
раешис и вчего тебе богом при
крытиса, а сниса ты лучше руку
в карман и титай мне прямо по
записке вопроса, которые тебе
охранка казала.

— Выхожки, думегубец, про-
от, а сам подинулся еще
к Лбову, и протянул
арест к губам Лбова, во
кой отвернул jako и
дзевыла на пол: — все
шайка, одна лавчэка,
и сейчас к стени
показал бы тебе рас-
запулся, потов на-
на пол и сказал с
прерываем и нева-

Лесные братья (Давыдовщина)

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаю эту повесть вниманию
читателей «Уральского Рабочего» и
прошу сделать оговорку: повесть
этого автора не имеет орической задачи и
не является политическим трактатом.

ЖИЗНЬ НИ ВО ЧТО

повесть А. Гайдара

1. О чем ревели гудки шотландянского звонда?

Повести А. Гайдара, посвященные уральским босвикам-партизанам, в «Звезде», «Уральском рабочем» и «Комсомольце» (Архангельск). Под заголовком «Жизнь ни во что» — портрет А. Гайдара.

ЖИЗНЬ НИ ВО ЧТО

(ЛБОВЩИНА)

Повесть ГАЙДАРА

Издательство ПЕРМКНИГА Пермь, 1926 г.

Обложка повести А. Гайдара, изданной
Перми. Издательство «Пермкнига», 1926.

Гайдару, которому не хватало еще умения развернуть тему, важно было высказать чисто публицистическую мысль о том, как изменятся отношения между людьми ко времени, когда Топ станет взрослым человеком, когда победит и утвердится новая, социалистическая мораль.

То же происходит и в «Первом пожаре». Это был один из двух рассказов, в которых Гайдар обращался к событиям из эпохи первой русской революции. Тема его — крестьянские волнения, поджоги помещичьих усадеб в 1905 году. Но развивается она в рассказе глухо и нужна Гайдару главным образом для того, чтобы сказать в конце:

«Через двенадцать лет, в 17 году Лешка видел еще и другой пожар, который уже не точкой, а кольцом охватывал горизонт и сквозь дым которого слышался треск и грохот, потому что сжигалось все, что могло сгореть, и взрывалось все, чего не могли сломать.

И в другом пожаре танцевали огненные языки красными флагами и судорожно вздрагивала от залпов батарей земля — на этот раз действительно и по-настоящему взбунтовавшаяся наконец земля — это было замечательно.

Но зато тот пожар, когда ярким фонариком горело имение «Уютное», зато тот давнишний пожар был первым».

Рассказу «Четыре рапорта» Гайдар предпослал эпиграф: «Дети времен гражданской войны, в зависимости от классовой принадлежности, часто имеют свои ярко выраженные симпатии к той или другой борющейся стороне. (О детской литературе)». Самим этим эпиграфом Гайдар утверждает иллюстративность рассказа, написанного в сатирической манере и, надо сказать, мало удавшегося. Главное внимание автора сосредоточено на построении сложной интриги, на переплетении всякого рода событий. Гайдара явно привлекала здесь, несмотря на эпиграф, не столько тема, сколько стремление построить приключенческий по форме, читабельный рассказ.

Однако есть во всех этих рассказах многое, что подкупает чи-

тателя, что ярко проявилось уже в «Р.В.С.»,— интерес Гайдара к детям, и не только интерес, но и способность видеть и показать душу ребенка.

Даже в самом слабом из упомянутых рассказов, в «Четырех рапортах», вдруг останааливают внимание какие-то меткие наблюдения, вызывающие улыбку взрослого читателя. Вот как рассказывается о поведении «адъютанта» «командующего белоповстанческими отрядами Кривополья» (оба они — гимназисты-младшеклассники):

«Адъютант» вздохнул, вырвал лист бумаги из тетрадки, «по трем с косыми», и засопел, склонившись над столом. Командующий ходил по комнате и, тщательно нагоняя морщины на свое ровное мальчишеское лицо, диктовал коротко и отрывисто.

— Кому? — спросил, заканчивая, адъютант.

— Трех агентам внешнего наблюдения и каждому в отдельности секретно.

Адъютант с тоскою посмотрел через окно, откуда доносились оживленные крики, адъютанту не хотелось писать еще два экземпляра, а хотелось идти играть в чижика.

В рассказе «Когда ЭТОГО не будет» главная мысль отодвигается на задний план, так как ее упрощенная прямолинейность не способна привлечь читателя в художественном произведении. Но то, как Гайдар рисует отношение ребенка к происходящему, заинтересовывает и порою захватывает остротой наблюдений, естественностью, верностью жизни. Вот как говорится в этом рассказе о болезни Топа:

«А через три дня, тяжелых серых дня, за которые ни от кого Топу ни слова, не говоря уже о картинке или игрушке,— через три дня мама куда-то пропала. Топ долго плакал, так, что у него открылся жар. Но под конец жар Топу понравился, потому что после плача было теперь тихо и часы тикали тик-так, тик-так. И потому что каждый день ставили ему под руку термометр с серебряной палочкой.

А отец, когда возвращался, сидел теперь подолгу у изголовья Топа и разговаривал с ним.

— Ну что, мой мальчик. Как ты? Выздоравливай скорей.

— А скучно папа, выздоравливать,— отвечал Топ. Скучно, когда все это бывает.

И в рассказе «Первый пожар» наибольший интерес представляет то, как видит и воспринимает события мальчик Лешка, сын судомойки в помещицкой усадьбе Вишевских.

«Ах, как было весело... как ужасно весело... Во-первых, вышла замуж старшая дочка Вишевского — Лидочка, во-вторых, сегодня вечером будет вечер, т. е. не простой, а особенный, с музыкой и танцами, а потом еще что-то такое будет.

Что? Он даже не знал хорошенько сам, но чувствовал, что что-то интересное и необыкновенное непременно будет.

Особенно сильно показалось ему это после того, когда, бегая за топленным маслом в деревню, он услышал краем уха, как говорил кривой Игнатий Ивану Солдатову:

— Хвейверк будет?

— Будет,— отвечал Иван Солдатов,— форменная люминация.

И сам усмехнулся. Чудно как-то усмехнулся — главное, что сам смеялся, а глаза сжал и руки в кулаки сжал.

Лешка забрал масло и выкатился возбужденный из избы.

Ах, как весело, как ужасно весело. На что уж деревня, всегда сонная, скучная, а тут сегодня — смотри-ка — ходят кучками, шепчутся чего-то. Вон Степан Лопатник побежал бегом куда-то, а вон двое — Яков и Мирон — от кузнеца вышли с шомполками, должно, не иначе, как на зайца охотиться собираются. Яков ничего, а Мирон — тяжелый мужик. Главное, его барин ругает, а он молчит. Барин рассердился, в морду его даже раз двинул, а он стоит, смотрит и все молчит, молчит».

Этот необычный вечер был прерван сообщением о том, что горит подоженное крестьянами соседнее имение «Уютное».

«И Лешка выбежал на двор, на крыльцо. А на дворе был тогда

голубой и звездный мороз, и у крыльца точно застыли два молчаливых казака.

— Земля бунтует,— хмуро сказал один.

— Нагайки захотела, вот и бунтует,— добавил другой и плюнул.

Но Лешка не поверил ни тому ни другому. Во-первых, какой такой дурак может захотеть нагайки, когда если иной раз барчук просто за волосы дернет, и то никакого удовольствия. А потом вовсе это не земля бунтует, а просто мужики жгут барскую усадьбу «Уютное», потому что такая пора пришла, чтобы жечь. Это самое еще вчера сказал старый дед Пахом, который все знает. И Лешка вздрогнул даже, когда увидел, что по двору, заложив связанные руки за спину, без шапки, под конвоем двух казаков идет куда-то старый Пахом».

Сам Лешка в рассказе не произносит ни одного слова, он лишь свидетель происходящего. Все, что приходит ему в голову, все, что он так или иначе оценивает, заключено в авторской речи, которая сливается с интонацией детской речи, следует неожиданным ходам мысли и ассоциациям деревенского мальчишки, наивного, но уже что-то начинающего понимать. И за этими мальчишескими рассуждениями и мыслями видится смутная, но грозная картина событий.

Все эти примеры — свидетельство, казалось бы, совершенно неожиданного у молодого писателя, да еще мало что видевшего, кроме войны, умения подмечать детали детского восприятия мира. С удивляющей точностью ощущает и передает он поведение ребят, их речь, их манеру думать.

Верно замечает он, что ребенок начинает понимать происходящее вокруг гораздо раньше, чем представляют себе это многие взрослые.

Интерес к детской теме, рано проявившийся у Гайдара, вызван был по сути дела рано прерванным детством самого автора.

В самом деле. Тринадцатилетним учеником реального училища он уже прикоснулся к революции, уже бывал в большевистском клубе, ходил на большевистские собрания, со-

стоял в ЧОНе, был ранен контрреволюционерами. В четырнадцать лет он уже ушел в Красную Армию. Живой, впечатлительный, удивительно подвижной подросток не доиграл в детстве. Это случилось позже, по выходе из армии. Он очень легко входил в интересы ребят, как совершенно равный с ними.

Естественно, что больше всего ему в художественной литературе давались тема гражданской войны и детские сюжеты.

Поэтому-то, думается нам, таким удачным был рассказ «Патроны», последний рассказ, опубликованный Гайдаром в «Звезде», на ее «Литературной странице». В 1933 году рассказ был перепечатан в журнале «Пионер» (№ 24, декабрь), а затем в переработанном виде, перед самой войной,— в «Пионерской правде» (27 мая 1941 года). После он включался во все собрания сочинений Гайдара и в ряд сборников. Первоначально «Патроны» не были специально адресованы детскому читателю. «Звездинский» вариант довольно сильно отличается от варианта, появившегося в «Пионерской правде» спустя пятнадцать лет. Первый вариант был почти вдвое короче, фабула его была проще, язык более грубый, не рассчитанный на детского читателя. Даже действующие лица, включая и главного героя, носили другие имена.

Приведем начала этого рассказа в вариантах «Звезды» и «Пионерской правды».

В «Звезде»:

«Началось это с того, что испуганные разорвавшимся снарядом лошади выворотили в канаву несколько ящиков с пулеметными лентами.

И лежали патроны там до тех пор, пока 8-летний Федька не наткнулся на них неожиданно. Восхищенный своей находкой, захватил он из дома мешок и, насыпав в него целую кучу желтых блестящих палочек, припер все домой.

— Вот, мам,— сказал он с гордостью, бухая ношу на лавку,— новенькие, без ржавчины. Я сейчас сбегая еще принесу.

Но, вместо того чтоб похвалить его, мать начала ругаться такими словами:

— И чего ты, идол, всякую дрянь тащишь, и на кой пяд мне сдались твои патроны.

— Совсе даже не дрянь,— обиделся Федька,— патроны германские без подделки, ежели его заложить в огонь, то он так шибанет.

— Шибанет? — в ужасе завопила мать.— Я вот тебе шибану кочергой по башке, ах ты, дьяволенок эдакий, то-то недавно у соседки Марьи всю печку разворотило. Тащи сейчас же обратно и побросай все в пруд.

Опечалился Федька, потащил мешок из хаты, но не выбросил, а спрятал недалеко за огородами и заложил сухими листьями.

В «Пионерской правде»*:

«При отступлении испуганные лошади опрокинули в придорожную канаву разбитый ящик с патронами. В спешке никто их не подобрал. И только через неделю, срезая для козы траву, наткнулся на них Гришка. Он вытряхнул козий корм. Навалил в сумку много патронных пачек, принес домой и похвалился:

— Вот, мама! Нашел! Блестящие, новенькие. Я сейчас побегу, принесу еще кучу.

Но мать быстро закрыла огонь в печке и на Гришку закричала:

— Умный ты, Гришка, или полоумный? Тащи сейчас же этот страх и утопи в пруду или в речке. Быстро, или я деда позову!

Вздыхнул Гришка: как тут будешь спорить? Взвалил сумку на плечо и понес из хаты.

Но патроны в речку не кинул. Оставил себе три пачки, остальные свалил в кустах, за огородом, накрыл соломой и засыпал сухими листьями.

Гайдар добавил в начало рассказа интересные детали, но в то же время сократил, сжал его, сделал более компактным, придав ему большую динамическую напряженность. Освободил его от целого набора ругательств, которым, конечно же, не место в рассказе, прямо адресованном детскому читателю. Впрочем, ту же

* Цитируем по собранию сочинений А. Гайдара в четырех томах, т. 3, 1964.

операцию произвел Гайдар и над всем рассказом. Он прояснил его язык, убрал такие, ставшие уже непонятными читателю слова, как «холодная», и такие, засоряющие авторскую речь, выражения, как «бухая ношу на лавку», «скорей на коней и удули» и т. п.

Все это говорит о том, каким взыскательным и требовательным к себе стал Гайдар — детский писатель.

Рассказ вырос в объеме за счет большего развития сюжета и введения дополнительных эпизодов, он стал тем детским рассказом, какой сейчас читают многие тысячи поклонников Гайдара.

Но если не считать вариант в «Звезде» детским рассказом (а так это, смеем утверждать, и было), то многое можно сказать в его пользу. Пусть на нем есть налет газетной спешки, пусть язык его порядочно засорен, он захватывает читателя (взрослого!) своим энергичным темпом, стремительностью действия, верностью передачи мыслей и речи самого Федьки (будущего Гришки), да и его матери. В нем ощущается интонация автора-рассказчика, глубоко заинтересованного в том, что он говорит. В нем, в газетном варианте, как и в «Р.В.С.», чувствуется то драгоценное зерно, из которого позже вырос детский писатель.

Повторим уже высказанную мысль. Рассказ потому удался Гайдару, что в нем соединились интерес молодого писателя к теме гражданской войны и его постоянный интерес к детям.

ПУТИ-ДОРОГИ

С 9 по 14 июля 1926 года, в четырех номерах «Звезды» был напечатан сравнительно большой рассказ «Пути-дороги»*, который Гайдар написал в июне, вскоре после своего возвращения из поездки по среднеазиатским республикам и Кавказу. Эта поездка, впечатления от которой были в какой-то мере вложены Гайдаром в его очерки — «Письма с дороги», вызывала воспоминания о не-

* Впервые после «Звезды» рассказ был перепечатан в еженедельнике «Литературная Россия», № 3, 17 января 1964 года.

давнем прошлом, о 1923—1924 годах, когда он после действительной службы в армии оказался человеком без места в жизни и мегался в поисках путей-дорог.

Рассказ ведется от первого лица и, безусловно, автобиографичен. Мы не можем сказать, в какой степени точности он воспроизводит действительные факты из жизни автора. В рассказе, например, Гайдар пишет по поводу своего пребывания в Харькове:

«Конечно, можно было первым делом, как полагается, в редакцию насчет гонорара, но надоело, и вместо этого в голову пришла мне замечательная идея такого направления: а что, если забыть про свою литературную профессию и попробовать прожить до конца лета просто так».

Но в Перми Гайдар никогда не говорил, что он работал раньше где-нибудь в газетах, и его товарищи по редакции были убеждены, что «Звезда» для него — первая газета, в которой он работает, как постоянный сотрудник. Так оно, очевидно, и было. Поэтому утверждение его, по всей видимости, является плодом перенесения в прошлое одного из штрихов его недавнего быта, литературным приемом.

Однако психологическая, а во многом и фактическая автобиографичность рассказа несомненна. Недавно, в декабре 1967 года, Н. П. Полякова рассказывала нам, что Гайдар действительно отдыхал осенью 1924 года в Гаграх, уехал оттуда почти без денег и скитался по пути в Москву.

Гайдар говорит в «Путях-дорогах» о своих скитаниях пешком по Харьковщине и Донбассу. В рассказ об этом он вводит эпизоды, имеющие самостоятельное значение. Они дают представление о большой жадности Гайдара к жизни, об интересе к людям. Рассказ очень интересен и доносит до нас ощущение живого Гайдара тех лет.

Продолжая повествование о своем пути, Гайдар пишет:

«И когда доел я последний пирожок, встал с бревен и тотчас же позабыл про свою литературную профессию, отверг с презрением мысль идти в редакцию, а вместо этого пошел к старьевщику.

Выбрал у него крепкие штаны из мешка и рубаху такого же фасона и предложил ему променять их на мой курортный костюм с условием — пятерка в придачу...

И потом купил я хлеба два фунта, небольшой мешок, старый солдатский котелок, у которого была маленькая дырочка на донышке, но зато за двугривенный. Набил полный кисет махорки и, закурив трубку, вышел из города. И там, где журчит речонка Уды, у зеленых тростников разбегались во все стороны разные пути, разные дороги.

Постоял я немного и пошел по той, что идет на юг, на Донбасс. С легким сердцем, с легким багажом и без всяких тревог.

А вверху сентябрьским хрусталем висело небо, а внизу земля дышала ароматом сохнувших трав и спелых дынь, а впереди была дорога — длинная и загадочная, как дымка снеговых вершин и долин душного Мцхета, — как и всякая другая еще не пройденная дорога».

Рассуждение о длинной и загадочной дороге, как и всякой другой еще не пройденной, отражало настроения Гайдара после поездки с Николаем Кондратьевым в Среднюю Азию и на Кавказ.

К мыслям о дороге, как символе активного движения по жизни, Гайдар возвращается в конце рассказа. А пока — он переходит к встречам, которые принесло ему странствование.

Недалеко от станции Змиевка он знакомится со стариком-сторожем и остается с ним у костра. И вот:

«Сдвинул мне сон брови, и захлопнул я осовевшие глаза. И слышал я сквозь сон, как долго молился богу и бормотал что-то старик, но разобрал я только такие молитвенные отрывки — что: за странствующих путешественников, а также за всех солдат, которые живы и которые погибли, и за всю Красную Армию.

Подивился я таким странным словам, потому что не знал я в ту минуту, что четыре сына погибли у старика: первый — в германскую, двое — красноармейцами, а четвертый *, сволочь, к махнов-

* В тексте «пятый» — явная описка,

цам ушел, и сейчас жив, и ничего ему, проклятому, не сделалось, но только погиб он для старика тоже».

В самом тоне этого отрывка, заканчивающего эпизод встречи со стариком, чувствуется, с каким удовольствием и удовлетворением воспринимает Гайдар это характеризующее старика отношение к сыну-изменнику, его ярко выраженную советскую жизненную позицию.

Следующая встреча — с беспризорниками на берегу реки Донец. Ребята эти сбежали из скучного детдома, о котором они рассказывают:

«Потом стали нам науки разные преподавать, только все бесполезные науки; две всего. Приходил к нам человек и каждый день читал нам политическую науку, ску-учная. Лучше б ремесло какое, а тут все про одно и то же, как вот, мол, у нас в России и как у буржуев за границей, а на другой день опять сначала, а потом еще старая медама приходила и учила нас гимнастическому танцу, как затянет себе «Р-аз, д-ва, р-аз, д-ва» и так до тошноты».

Рассказ об этой встрече, насыщенный великолепными наблюдениями над характерами беспризорников изповской поры, интересен тем, что мы видим в нем Гайдара такого, каким он был в жизни, — человеком, умеющим сойтись с ребятами, умеющим быть с ними на равных.

«Целую неделю мы бродили вместе, и ребята ворозали картошку по чужим деревням, и мы варили ее в моем котелке. Оба они были изворотливы, находчивы, и мы сдружились с ними здорово. Но на седьмой день возле Никитовки пути наши разошлись. Они остались на станции, с тем чтобы примоститься к поезду и уехать в Крым, я же пошел дальше, направляясь к шахтам».

Гайдар не навязывает никаких выводов из этой встречи. Она заканчивается просто:

«Я махнул им рукой, и поезд, скрывшись за поворотом, усилил ход под уклон и быстро умчал двух беспризорников навстречу... навстречу чему, не знаю».

И здесь повторяется мысль, что пути-дороги не ясны, что они должны еще быть найдены, определены.

Наконец, последний эпизод. За 27 рублей Гайдар нанялся вагонщиком в шахту, где еще не начиналась механизация, «заработал двадцать семь рублей и пошел опять по полям до города Артемовска. Шел днем, шел ночью,— а тогда были темные теплые последние ночи отцветающего лета. Взял в Артемовске билет и уехал в Москву».

Этим эпизодом заканчивается рассказ Гайдара о его походе. Но после него идет еще большая, глубокая по мысли, великолепная по форме лирическая концовка. В отличие от остального повествования, в котором встречаются неровности, в котором Гайдар может вдруг сбиться на тон очерка, концовка очень цельна. Вся она написана на одном дыхании. Она подводит какой-то психологический итог мыслям о путях-дорогах и представляет собой лирическую декларацию автора, перекликающуюся с концом первого опубликованного в «Звезде» рассказа «Угловой дом» («И она звонко, как никто, умела кричать: — Да здравствует революция!»), только эта концовка, при всей своей мужественности и определенности позиции автора, тоньше, мягче, лиричнее, глубже.

«...Шахты теперь далеко, и все далеко. Перебирая в памяти все, что прошло, что оставило след в душе после бескрайнего фронта и похоронного марша орудийных гулов, я чаще всего вспоминаю: реку Донец, лес, пересыпанный разводами узорчатых цветов. Впрочем, и многое, многое другое тоже вспоминаю. Но разве все разом рассказать.

Край мой, Россия. Родина моя советская, то, что было рождено в грохоте орудийных залпов, то, что было захвачено натиском умирающей атаки,— все наше и все мое. И когда, в минуту глупого сомнения, набегает иногда мысль о том, что ехать больше некуда, что все шесть концов, шесть сторон пройдены и пережиты,— так это только минута.

А потом...

Видишь тогда, как далеки темные глубины неба, усыпанные

огоньками пятиконечных звезд, видишь, как необъятны просторы и как убегают с горизонтом длинные бесконечные дороги и еще не пережитые и еще не пройденные пути.

И когда меня спросят — что я люблю больше всего — я молчу. Только:

...синее поле с шелестом убегающих трав да под шатром звездной ночи казачье седло, кривую шашку и стальные стремяна. Зарево ли пожаров сжигаемого старого, зарево ли коксовых печей дышащего огнем нового — но все, что в движении, все, что дает сигнал: аллюр два креста... вперед!».

В эту концовку Гайдар вложил весь жар своей подлинно революционной души, с огромной искренностью декларировал свой взгляд на жизнь. Она приобретает даже самостоятельную жизнь и воспринимается, как отточенное, мастерское стихотворение в прозе.

«Далекое» по-прежнему остается близким Гайдару.

Рассказы в «Звезде» были очень разные. Разные по темам, разные по литературным достоинствам. Объединяет их единая позиция автора, которой он всегда был и остается до конца верен, позиция писателя-бойца. В «пермских» рассказах Гайдар только еще накапливал писательское мастерство, как бы подготавливая будущий стиль простоты и лаконичности языка и мысли, глубины и умного подхода к читателю.

ПОВЕСТИ ОБ УРАЛЬСКИХ ПАРТИЗАНАХ

В декабре 1925 года страна праздновала двадцатую годовщину перзой русской революции. В газетах обильно печатались статьи и воспоминания о 1905 годе.

★
Внимание пермяков было, естественно, сосредоточено на соседней с городом Мотовилихе. Многотысячный рабочий коллектив расположенного там крупного казенного завода служил в 1905 году опорой большевизма и шел во главе революционных рабочих Урала. Здесь события приняли еще с весны этого года бурный характер, а в декабре дело дошло до вооруженного восстания. В Перми чествовали мотовилихинцев — участников восстания, доживших до победы рабочего класса, и чттили память погибших борцов.

В числе погибших вспоминался Александр Лбов.

Он-то и возбудил острый интерес Гайдара.

Лбов был участником декабрьского восстания — сооружал баррикады, возглавлял одну из дружин. После подавления восстания ушел в лес. Сначала просто скрывался там вместе

с другими преследуемыми полицией рабочими-боевиками, а потом возобновил вооруженную борьбу. Террористические акты против наиболее ненавистных слуг самодержавия, против провокаторов и предателей, дерзкие экспроприации создали ему на Урале громкую славу. В его отряде нашли приют и помощь сормовские и питерские боевики. Еще при жизни о Лбове стали ходить легенды. Так мало осталось героического в придавленной жандармскими репрессиями жизни, что многим хотелось видеть это героическое в неуловимых лбовцах. Личные качества Лбова позволяли создавать легендарную фигуру. От него веяло силой. Он был по-дерзкому смел. Жандармам долго не удавалось его поймать.

Александр Лбов погиб в неравной борьбе. Но он погиб, не сложив оружия, не отступив от идеи вооруженного ниспровержения царского режима. «Это ли не герой!» — думалось Гайдару. И он начал расспрашивать о Лбове. Рассказывать было кому: в то время жило еще много людей, лично знавших Лбова, да и мы, местная молодежь, были наслышаны о нем. Сколько было лбовцев? Их имена? Демон. Гром. Ястреб. Что может быть лучше! Какое оружие? Винтовки! Смит-вессоны. А маузеры? Были и маузеры! Ну конечно же, Александр Лбов ходил с маузером, как и он, Аркадий Голиков, когда сражался с белогвардейским офицерем, с наследниками тех (а может быть, просто теми?), против которых направлял когда-то свое оружие Александр Лбов.

Маузер, бессменный маузер! Лбов почувствовался, как родственная натура.

Решение писать повесть о лбовщине Гайдар принял быстро, еще до того как стал знакомиться с архивными материалами о ней. И это решение было одобрено редакцией газеты. Лбов а те годы не считался (как это стало позже) одиозной фигурой. Его имя носила одна из улиц в Мотовилихе, бывшая Томиловская. О близком знакомстве с ним, о помощи, полученной от него, о совместных с ним операциях с гордостью рассказывали старые большевикомотовилихинцы. В самом деле, повесть о Лбове может явиться для газеты находкой: революционная приключенческая повесть — что

может быть ценнее, как литературный материал для газеты, заинтересованной в привлечении читателей².

Газеты и журналы в свое время называли Лбова «уральским Ринальдо Ринальдини». Мы, молодежь, работавшая в редакции, не знали романа немецкого писателя Вульпиуса о добродетельном разбойнике Ринальдо Ринальдини. Но старшие товарищи, такие как П. Г. Черкасов (журналист, работавший в «Звезде» и незадолго до этого переведенный в окружном партии заведовать сектором печати), несомненно, знали этот роман, доставивший своему посредственному автору всемирную славу, роман, которым зачитывались в юности и декабрист Бестужев и Герцен. Почему же Лбов — уральский Ринальдо Ринальдини — не может стать героем нового популярного романа? «Ринальдо Ринальдини» мы, повторяем, не читали. Но шиллеровский Карл Моор, воодушевивший в свое время Вульпиуса, был перед глазами: ведь «Разбойники» наряду с «Коварством и любовью» в первые революционные годы входили в репертуар всех театров. Был и другой близкий пример — роман Леонида Андреева «Сашка Жегулев», вышедший в 1912 году и в двадцатых годах еще популярный. В нем Леонид Андреев воспевал молодого интеллигента, вставшего во главе отряда «лесных братьев», чтобы мстить за жертвы репрессий, которые реакция обрушила на революционную Россию. Прообразом Саши Погодина — Сашки Жегулева был реальный человек — действовавший в 1908—1909 годах в Могилевской губернии Александр Савицкий. Ключ, в каком написал свой роман Леонид Андреев, был далек

² В литературе о Гайдаре высказывались весьма различные и часто сбивчивые суждения о его повести, посвященной Лбову. Это обусловлено в значительной степени тем, что не учитывается история создания повести и своеобразие фактического материала, положенного в ее основу. Ряд верных мыслей о повести высказали литературоведы А. С. Рупева и Е. О. Путилова (А. С. Рупева. Первые повести А. П. Гайдара. Ученые записки Ленинградского государственного университета, № 275. Серия филологических наук, вып. 53. Л., 1959, стр. 105—106; Е. Путилова. О творчестве Гайдара. Очерки. Л., 1960, стр. 14—17).

Гайдару, но успех этого совсем близкого по сюжету и по времени произведения подталкивал взяться за материал о Лбове.

Писать о Лбове надо было немедленно, чтобы использовать интерес к событиям тех лет, возбужденный празднованием революционной годовщины. Гайдар обратился к материалу. Судебных дел в Перми не оказалось: лбовцев и самого Лбова судил Казанский военно-окружной суд, и дела осели в Казани, а ехать туда было далеко и совсем не с руки. Но в Пермском государственном архиве лежали дела жандармского управления, охранного отделения, полиции, канцелярии губернатора, хранившие переписку о лбовщине, а в истпарте (комиссии по истории партии и Октябрьской революции) окружкома — многочисленные воспоминания. Материала так много, что даже беглого ознакомления с ним показалось Гайдару достаточно для создания газетной повести. Правда, ознакомление с материалом рождало и некоторое разочарование: не все было хорошо в отряде Лбова. Да и дело-то, развернутое уже во время наступления реакции, было безнадежным. Старшие товарищи, и прежде всего возглавлявшая Пермский истпарт К. Г. Ольховская, предупреждали: не преувеличивайте значения лбовщины, не идеализируйте Лбова. Возбужденный Гайдар отмахивался.

Повесть писалась быстро. Гайдар даже не отвлекался от текущих дел: в газете продолжали появляться его фельетоны и рассказы.

22 декабря 1925 года «Звезда» дала рекламу повести Гайдара:

Лбов	
Читайте «Звезду»	
В январе «Звезда» начинает печатать повесть Гайдара «ЖИЗНЬ НИ ВО ЧТО» (Лбовщина)	
Выписывайте «Звезду»	
	Лбов

Дом А. В. Тимшиной в Александровске на улице Набережной (теперь ул. Гайдара), № 37, где останавливался А. Гайдар.

Брат Борис.

Был я крайне изумлен на полутьме от лампы
при виде посланца от папы. Но знал, что
ровнее в тысячу раз прилежнее и краше, чем
мне представлялся с учетом своего опыта.
И еще поразило а именно то, что собой
была мне внешне братом Павлом это в моем смысле
видения было бы брат Павел, пришедший
с архиепископом вставать мне с турло охран-
ной при чем слышны злы еяды и до у меня
в руке слышался кашель.

И была я в страшном смущении и сомнениях
еще же сам утасно дождит инокья от
из кобелей Колмама, которые слышны,
мы окрестил на св. воды.

Господи, ты видишь, как плохо ты делаешь
власти, ты же мятву доводишь, светил раздоре,
и ты же мятву инокья от папы - князь
ты же и злобствования.

С. М. М. М.

ред. А. Гайдара

25 декабря реклама была повторена в иной редакции, но с тем же призывом: «Выписывайте на январь «Звезду»!»

10 января началось печатание повести. Она заняла 29 подвалов газеты — последний был помещен 3 марта с рисованным портретом автора.

Повесть имела бурный успех. Читатели утром с нетерпением ждали газеты. Номера «Звезды» с «Лбовщиной» переходили из рук в руки, их подбирали и хранили во многих семьях. Если в очередном номере продолжение повести не появлялось, читатели возмущались. Некоторые нетерпеливые приходили в редакцию и просили рассказать им, что будет дальше (подвалы обрывались, как было принято, на самом интересном месте).

В конце января на собрании рабкоров, созванном в заключение выставки стенгазет, редакция провела обсуждение повести и поспешила сообщить в газете о его результатах:

«Повесть Гайдара вызвала почти одинаковые отзывы.

— Я пережил эту лбовщину,— говорит один,— и отчасти знаком с ней. Повесть может не удовлетворить только тем, что печатается не ежедневно. Если бы ее выпустить отдельной книжкой, она бы разошлась хорошо.

— Повесть интересна. Когда ее нет, газета кажется несколько сухой».

7 февраля «Звезда» особым объявлением сообщила, что «повесть Гайдара «Жизнь ни во что (Лбовщина)» по просьбе читателей со среды 10 февраля будет печататься ежедневно».

Гайдар ходил окрыленный этим успехом. Его популярность в городе быстро росла. Он завоевывал литературное имя. Через газету сделать это оказалось проще, чем через альманах или издательство.

Только одно несколько смущало. К. Г. Ольховская, читая повесть в газете, все больше и больше возмущалась и прибегала в редакцию с бурными протестами по поводу вольного обращения с фактами, примысливания каких-то несуществовавших лиц, незерной трактовки событий. Ее успокаивали: ведь это же повесть, а не

историческое исследование, это газета, от которой читатель ждет интересного чтения, и читатель предупрежден об авторском произволе.

В самом деле, Гайдар сопроводил свою повесть в газете пред-
уведомлением, которое звучало так:

«Материалы о лбовщине, а именно: переписка охранного отде-
ления, жандармского управления и полиции всего Приуральского
края — измеряются пудами.

Ясно, что после трехнедельного беглого осмотра затрепанных
страниц рапортов и донесений я не мог дать исторически точный
очерк лбовщины. Да я и не собирался этого делать. Моя задача
была дать для читателя «Звезды» крепко сколоченную, легко чи-
таемую сюжетную повесть и дать почувствовать эпоху и обстановку,
в которой работал Лбов.

Все главнейшие факты, отмеченные в повести, — верны, но, ко-
нечно, обработаны в соответствии с требованиями фабулы.

Имена главных героев — подлинны. Все остальные нарочно вы-
мышлены, ибо многие из участников лбовщины еще живы и я не
хотел находиться в зависимости от могущих быть замечаний с их
стороны по поводу некоторого расхождения повести с массой
мелких исторических фактов»*.

* Борис Камов, рассказывая в книге «Аркадий Гайдар» о том, как со-
здавалась «Жизнь ни во что», пишет, что Гайдар «изучал» в местном архиве
документы, в том числе рапорты «командиров войсковых соединений», что он,
«раздумывая над трагической участью Лбова...», внимательно просматривал «Исто-
рию пугачевского бунта» Пушкина, перечитывал снова и снова его «Капитанскую
дочку» (стр. 40 указанной выше книги). Тут много фантазии. Сам А. Гайдар
писал, как мы видим, о беглом осмотре, а не об изучении документов, и он
прав — изучение этих документов требует многих месяцев. Рапортов командиров
войсковых соединений среди них нет: против Лбова оперировали роты, до вой-
сковых соединений не доходило. Из «Капитанской дочки» заимствован один мо-
тив: Лбов, так же как и Пугачев, выступает в одном случае в качестве ящика.
Но «Капитанскую дочку» реалист Голиков знал, и перечитывать ее не было нужды.
Ровным счетом никакого другого влияния чтения Пушкина в повести «Жизнь ни
во что» не чувствуется. Больше того, язык повести позволяет утверждать, что
автор ее не находился под свежим впечатлением пушкинской прозы,

Сказано было вполне откровенно. Ссылками на эту оговорку, на успех повести у читателей и на возможность уточнить оценку лбовщины в последних главах мы, редакционные работники, успокаивали Ольховскую.

Печатание повести в газете только началось, а редакционный совет издательства «Пермкнига» 28 января (в день, когда в «Звезде» были опубликованы результаты обсуждения «Лбовщины» на рабковском собрании) предрешил выпуск ее отдельной книгой *. Издана она была по газетному тексту, автор его ни в чем не изменял, редакторская работа над повестью не велась. В мае книга вышла большим по тому времени тиражом — 8 тысяч экземпляров **. Она хорошо разошлась и стала библиографической редкостью. Еще в недавние годы на читательских конференциях в Перми часто задавался вопрос: «Почему не переиздается «Жизнь ни во что»? Ведь, говорят, это было так интересно!»

Успех был не только местным.

Положительный отзыв о новой повести Гайдара дал распространенный в те годы журнал «Книгоноша», ругательски изругавший его первую повесть «В дни поражений и побед».

«Гайдар-Голиков обнаружил достаточно умения и революционного пафоса в своей повести, относящей читателя к тем событиям 1906—1907 гг., которые и сейчас еще живы в памяти жителей Камы,— писал рецензент журнала В. Красильников.— ...Даже сама форма обычного авантюрного повествования не вызывает возражений— ведь все основные факты в лбовщине... так же как и настроения ее участников, застенографированы с исторической точностью. Читается вещь легко и увлекательно... Язык повести образен, интересен и почти лишен ляпсусов. После «В дни поражений и побед» «Жизнь ни во что» большая победа Гайдара-Голикова» ***.

* ППА, ф. 2, оп. 3, д. 230, л. 35.

** Г а й д а р. Жизнь ни во что (Лбовщина). Издательство «Пермкнига», Пермь, 1926, 72 стр., цена 40 коп.

*** «Книгоноша» (еженедельный журнал критики, библиографии и книжного дела), 1926, № 29, 9 августа, стр. 28—29.

Оценка была слабо мотивированной, но вполне определенной.

Гайдар задумал продолжение «Лбовщины» — «Давыдовщину», повесть о другом острове «лесных братьев», созданном в 1907 году при содействии Лбова в районе Александровского завода и Луньевских копей рабочим этих копей Алексеем Давыдовым.

И редакция «Уральского рабочего», областной газеты, в которую Гайдар перешел в феврале 1927 года, учитывая успех «Лбовщины», поддержала его замысел. Гайдар приезжал из Свердловска в Пермь, чтобы здесь, в архиве обстоятельнее познакомиться с материалом. Он ездил и в Александровский завод* и расспрашивал старожилов об Алексее Давыдове, его брате Иване, других участниках боевой группы. Результатом явилась повесть «Лесные братья (Давыдовщина)», публиковавшаяся в «Уральском рабочем» ежедневно подвалами с 10 мая по 12 июня (с № 105 по № 133, в 29 номерах, точно так же, как и «Лбовщина»). Почти одновременно, в мае—июле, она публиковалась в верхнекамской окружной газете «Смычка».

Публикации повести в «Уральском рабочем» предшествовала громкая реклама. Содержание повести характеризовалось в ней так:

«В 1906 году рабочий Мотовилихинского завода Александр Лбоз организовал боевую дружину террористов.

Долго нагонял он ужас на жандармерию Урала, долго перед его маузером дрожали сторожевые собаки самодержазия, но в конце концов, выданный провокатором,— был пойман и повешен великий бунтовщик Лбов.

* В Александровске А. Гайдар останавливался в скромном домике у Анны Васильевны Тимшиной на берегу пруда, на Набережной улице, № 37. Над этим домиком сейчас шефствуют пионеры из школы № 2. В январе 1964 года, когда отмечалось шестидесятилетие со дня рождения писателя, улица Набережная была переименована в улицу Аркадия Гайдара. Имя А. Гайдара носит средняя школа № 1 города Александровска. Местные краеведы ошиблись, отнеся приезд Гайдара в Александровск к весне 1926 года. В это время он находился в большой поездке по югу страны. Он приезжал в Александровск весной 1927 года, перед публикацией в «Уральском рабочем» «Лесных братьев (Давыдовщины)».

И все же дело его не погибло. На Северном Урале один из дружинников его отряда Алексей Давыдов снова прибег к террору, и на тех же ошибках сорвался, был также предан, судим и повешен в пермской тюрьме.

И о том человеке-мятежнике, которого помнит рабочий Урал, сообщает повесть «Лесные братья».

Как видно, и здесь Гайдар рассчитывал прежде всего на популярность «великого бунтаря» Лбова. Алексей Давыдов был куда менее известен, действовал он короткое время и значительно менее удачно, чем Лбов.

Успех повести был меньшим. Однако и она запомнилась читателям, даже читателям квалифицированным.

Весной 1927 года, когда началась публикация в «Уральском рабочем» «Лесных братьев (Давыдовщины)», Гайдар загорелся мыслью издать обе повести одной книгой под общим названием «Лесные братья». «На пробу» он послал в Госиздат первую часть, «Лбовщину», обещая быстро дослать и вторую. Рецензент, к которому попала рукопись, пришел к отрицательному заключению, мотивировав его тем, что фигуры второстепенных героев заслонили в ней боевиков. Отвергая рукопись, рецензент находил все же, что «Лесные братья» заслуживают «всяческого внимания», и писал, что повесть «могла бы положить начало серии советских «разбойников» и добросовестно сконкурировать и даже затмить массовые издания типа изданий «Копейки»*. Была потребность в книгах такого типа, несомненно, была.

В 1929 году, работая в Архангельске, Гайдар опубликовал «Жизнь ни во что (Лбовщину)» в молодежной газете «Комсомолец». Она пользовалась и там, вдали от места действия — Мотовилихи, успехом у читателей, о чем свидетельствовали опубликованные в газете отзывы **.

* ЦГАПИ, ф. 611, оп. 1, ед. хр. 235, лл. 15—16.

** Повесть публиковалась в газете «Комсомолец» (Архангельск) с 7 апреля по 18 июля, в № 15—21 и № 1—21, на четвертой странице (новая нумерация была введена в связи с тем, что Архангельск стал центром Северного края и «Ком-

Годом позже, живя в Москве, в Кунцеве, он обращался к приятелю в Пермь с просьбой прислать экземпляр «Жизни ни во что», вновь загоревшись надеждой издать в одной книге две повести об уральских партизанах. Но издание и на этот раз не состоялось.

Ему запомнился успех его произведений на тему партизанской борьбы уральских рабочих. Сама эта тема продолжала представляться ему благодарной. Главный герой повестей — Лбов — полюбился надолго. От своих ранних привязанностей Гайдар так просто не отрекался. Он был человеком верным.

Такова внешняя история повестей «Жизнь ни во что» и «Лесные братья».

АЛЕКСАНДР ЛБОВ И ЕГО ТОВАРИЩИ

Задание, которое ставил себе Гайдар, когда писал «Лбовщину», было сформулировано в посвящении, предварявшем повесть и в газете и в отдельной книге. Вот это посвящение:

«У Пермских лесов,— в зеленом шелесте расцветающих лужаек, над гладкой скатертью хрустящего под лыжами снега, под мерный плеск седоватых волн молчаливой, гордой Камы, при ярких солнечных блесках зимних дней и при темных тревожных шорохах летних ночей, охваченных кольцом ингушей и казаков,

— БЫЛО ВСЕ ЭТО.

Эта повесть — памяти Александра Лбова, человека, не знающего дороги в новое, но ненавидящего старое, недисциплинированно-го, невыдержанного, но смелого и гордого бунтовщика, вложив-

сомолеци стал выходить как орган Севрайоргбюро ЦК ВЛКСМ и Архангельского губкома ВЛКСМ). Отзывы читателей: Малютин — в газете за 21 августа, № 34, и Пескина — 13 сентября, № 46.

шего всю ненависть в холодное дуло своего бессменного маузера, перед которым в течение долгого времени трепетали сторожевые собаки самодержавия.

Памяти разбойника Лбова и его товарищей: Демона, Грома, Змея, Фомы, Матроса и многих других,—имена которых окутаны уже дымкой легенд по рабочему Уралу.

Памяти тех, которые нападали с криком, умирали со смехом и во время нервных, безрассудно смелых схваток ставили свою собственную

ЖИЗНЬ НИ ВО ЧТО».

Таково было задание. Как удалось его осуществить? И, прежде всего, какую разработку получил образ основного героя — Александра Лбова?

Здесь сказался (и не мог не сказаться) личный жизненный опыт Аркадия Голикова, в той степени, в той глубине, в какой он был осознан к этому времени им самим.

Мы можем судить о степени осознания этого опыта по самой первой повести Аркадия Голикова «В дни поражений и побед». О ней надо сказать несколько слов.

Первая повесть Гайдара, в которой зоркие люди — К. Федин, М. Слонимский, С. Семенов (назовем еще раз с благодарностью их имена) — увидели зерно заслуживающего поддержки таланта, вызвала единодушное осуждение куда менее зоркой литературной критики. Ее ругали, и ругали не без основания, за полное отсутствие характеров, за сбивчивость сюжета, обилие штампов. «Вялая любовная интрига, бутафорские буржуи, карикатурные офицеры и трафаретные бандиты дополняют фон этой книги, достаточно скучной, несмотря ни на какие взрывы и грохоты, устраиваемые автором, к которым читатель остается глух и равнодушен», — так раздраженно заключал свою рецензию видный в те годы критик Борис Анибал*.

* «Книгоноша», 1926, № 16—17, 5 мая, стр. 54.

Взрывы и грохоты оставляли равнодушными Бориса Анибала и подобных ему читателей. Но они не были безразличны для Сергея Горинова — героя повести, для его товарищей, для автора повести Аркадия Голикова и многих молодых ее читателей. Взрывы и грохоты — это была война, составлявшая в течение нескольких лет основное содержание жизни Голикова. Прочтите еще раз эту повесть (лучше в том варианте, который дан в альманахе «Ковш»), и вы легко заметите, с каким искренним увлечением пишет молодой автор о том, что обеспечивает победу в вооруженной борьбе: о военной хитрости, о находчивости при непосредственном столкновении с врагом, о быстроте и решительности действий. Его волнуют батальные сцены. Ему удается передать ускорение всего темпа жизни в те минуты, когда разгорается бой. Стиль его становится энергичным, у него находятся нужные слова, обстановка боя встает перед нами зримо.

Из человеческих качеств его интересуют те, которые нужны воину: верность революционному долгу, ненависть к врагу, бдительность, товарищеская выручка.

Все остальное — любовная интрига, характеры людей вражеского лагеря, — все это необходимые в литературе аксессуары, в создание которых он не может внести чего-либо своего, пережитого, прочувствованного, осознанного. И к этому он равнодушен, здесь он пользуется штампами.

В первой повести Гайдара сказалось не только отсутствие литературного опыта, но и ограниченное еще осознание своего собственного жизненного опыта. Эту повесть писал человек, только-только вышедший из боя, из горячего дела. Он еще живет текущими, неотложными интересами этого дела, погружен в них и не замечает ничего остального даже в своей жизни, не чувствует ее глубоких пластов.

Позже, через годы, взглянув на свою жизнь уже много больше повидавшим взглядом, он создаст куда более глубокую «Школу», ставшую классическим произведением советской литературы.

А сейчас, оторванному от родного военного дела, ему полюбился Лбов, до безрассудности смелый, ставящий свою жизнь ни во что, Лбов, который не сдался и в тяжелое время наступления реакции.

Гайдар рисует лбовщину как прямое, органическое продолжение вооруженного восстания. Повесть начиналась картиной этого восстания:

«Над рекой, над хмурыми берегами застывшей Камы, в пяти верстах от Перми, раскинулся по крутым холмам поселок — Мотовилиха...

В ночь на 13 декабря 1905 года этот поселок никоим образом не мог числиться входящим в состав Великой Российской Империи, ибо за день перед этим он плюнул в лицо этой империи свинцом винтовочных пуль, отгородился от нее баррикадами из выломанных заборов и вывороченных ворот и глядел огоньками раскинувшихся домиков, чутко всматривался глазами мерзнувших на перекрестках часовых вниз, в темноту, где черная морозная ночь изменчиво прятала темные папахи казачьего отряда».

Высокий черный человек виден в пламени костра на Висиме. Он строит баррикаду. Он сражается на ней до последней возможности и уходит, когда у него остается только один патрон. «Он остановился у ворот какой-то хибарки, заложил последний патрон и быстро оглянулся — на пустой улице никого не было. Бешеная усмешка перекосила его крепко завинченные губы, он бросился налево и за углом, почти лицом к лицу, столкнулся с конно-жандармским патрулем.

— Стой! — крикнул один, блеснувши шашкой, — бросай винтовку, чертов сын.

Черный человек грохнул в упор из берданки в нападавшего стражника, огромным прыжком вскочил на забор и крикнул оттуда:

— Ваша взяла покуда, сволочи, но мы еще не кончили.

Пуля взвизгнула над забором и понеслась мимо, за Каму, потому что человек отпрыгнул и кубарем скатился по крутому склону, по снегу, вниз.

— Вот дьявол,— удивленно проговорил один из стражников,— и как сиганул. Кто это?»

Читатель уже догадался, что это и есть Лбов.

Лбов уходит в лес. В доме у Николая Смирнова, подпольщика-большевика, Лбов перед уходом декларирует свою программу.

«Я за революцию,— коротко и упрямо повторил он,— за революцию, которую делают силой. И за то, чтобы бить жандармов из маузера и меньше разговаривать... И если бы все решили заодно, что к чертовой матери нужна жизнь, если все идет не по-нашему... если бы каждый человек, когда видел перед собой стражника, или жандарма, или испразника, то стрелял бы в него, а если стрелять нечем, то бил бы камнем, а если и камня рядом нет, то душил бы руками, то тогда давно конец был бы этому самому... как его,— он запнулся и сжал губы — посмотрел на окружающих,— ну, как же его,— крикнул он и чуть-чуть стукнул прикладом винтовки об пол.

— Капитализму,— подсказал кто-то.

— Капитализму,— повторил Лбов и оборвался. Потом закинул винтовку за плечо и сказал с горечью:

— Эх, и отчего это люди такие шкурники. Главное, ведь все равно сдохнешь, ну так сдохни ты хоть за что-нибудь, чем ни за что».

В лесу вокруг Лбова складывается отряд из таких же, как он, преследуемых, на все готовых людей, которые видят один возможный путь: путь вооруженной борьбы.

Одна из баррикад не сдалась. Она только отодвинулась вглубь, в прикамские леса и продолжала сражаться с казаками, жандармерией, полицией. Там у «лесных братьев» продолжал гореть неугасимый огонь вооруженной борьбы против царизма.

Такова схема, которую принял Гайдар, начиная работать над повестью.

Удачная экспроприация денег, пересылаемых по почте, продуманная подготовка к развертыванию операций, умелые уходы от полицейских облав в Мотовилихе, с которой Лбов поддерживает

постоянную связь, открытое, можно сказать демонстративное, нападение на Хохловку, столкновения с ингушами, ограбление почты на пароходе «Анна Степановна» — в этих боевых делах показываются Лбов и его товарищи. «Огневые минуты» и здесь больше всего занимают Гайдара.

Эти огневые минуты сливаются в веселую боевую жизнь.

«Весна стояла в полном цвету. По Каме свистели пароходы, по рощам свистели соловьи, по лесам свистели пули. И под эти веселые свисты шла веселая, напряженная и бурная жизнь...

Шайка Лбова с красными флажками, прикрепленными к дулам неостывающих винтовок, билась не на жизнь, а на смерть с жандармерией. Билась с веселым смехом, с огненным задором и с глущей ненавистью».

И в другом месте:

«Уже немало винных лавок разгромлено, уже немало крупных заводских контор разбито. В Полазне, Добрянке, Чермозе, Юго-Камске. Пеплом развеяны дачи-поместья многих князьков и дворян. Уже перерублены телеграфные столбы, то и дело перевертываются железнодорожные рельсы, а жандармы не ездят больше парами, а ингуши не гарцуют одиночками».

Здесь — преувеличение. Так хотелось Гайдару для своего героя, для его славы.

Автор не пошел вглубь в разработке характера Лбова. Лбов — твердый, предусмотрительный, способный молниеносно ориентироваться и принять нужное решение командир. Он ценен автору в одном, боевом его качестве. Автора не только забавляет, его искренне интересуется и восхищает случай, когда Лбов прикурил папиросу у постового полицейского, был узан им, но спокойно, не оборачиваясь, ушел. «Он не боялся выстрела в спину, потому что знал, что полицейский не в силах сейчас ни поднять десятифунтовую винтовку, ни раскрыть застегнутый кобур револьвера». К более глубоким психологическим столкновениям автор не идет. Он оставляет в стороне обстоятельства формирования характера Лбова. Он ни разу не прибегает для обрисовки его к внутреннему монологу. Он не

стремится выяснить действительную ценность характера Лбова для конечных результатов революционной борьбы, так как заранее принял: этот характер ценен.

Гайдар учитывал, что Лбов был малоразвитым в политическом отношении человеком. Он стремится подчеркнуть это и подчеркивает резко, грубо. Больше того — он рисует Лбова человеком азбучно малограмотным, читающим лишь по складам. Это не соответствовало действительности: Александр Лбов кончил сельскую школу, он помогал вести дела отцу, когда тот был сотским. Авторское преувеличение скорее сглаживало, чем подчеркивало главное — политическую отсталость Лбова.

Не углубляется Гайдар и в характеры соратников Лбова. Они наделены отдельными чертами: Фома — спокоен и рассудителен, Змей — сплетенный комок нервов, Матрос — широкая, гулящая натура. Людей можно различить, но не больше.

Да разве что-то нужно еще для произведения, задуманного как увлекательная повесть для газеты?

Видел ли Гайдар ограниченность лбовщины, ее отрицательные стороны, ее внутренние пороки? Да, видел.

В одной из последних глав повести — «Начало конца» — об этом говорится прямо:

«Лбова погубила его оторванность от подлинной рабочей массы, его анархичность и его собственная слава, так как со всех концов Урала к нему начали стекаться неустойчивые, чуждые делу рабочего класса элементы, желающие хотя раз в жизни погулять, повольничать, пограбить, пострелять в ненавистную полицию, но совершенно не задумывающиеся о конечных целях вооруженного восстания.

Лбов пользовался огромным авторитетом среди рабочих, как организатор, как человек, показавший, что в душе придушенного народа тлеет острая ненависть, которая готова вот-вот прорваться наружу, но Лбов и оттолкнул от себя всю сознательную массу тем, что он сам не знал, куда, зачем и во имя чего он идет».

Цитированное место обычно приводится в работах о первых повестях Гайдара, как свидетельство понимания молодым автором

основного порока лбовщины. Но нетрудно заметить, что это только вставка в ткань художественного произведения. Это прямая авторская оговорка, ответ автора на ту критику, которую вызвали первые главы повести, и средство отвести эту критику.

Были и другие, несколько более органично включенные в повесть моменты, свидетельствующие о понимании автором ограниченности и отрицательных сторон лбовщины.

На свидании с представителем большевистского подполья произошёл такой диалог:

«— Смотри,— сказал под конец пришедший,— смотри, Лбов, чувство к тебе сейчас огромное, но не покатысь только вниз, ребята твои что-то того.

— Чего? — Лбов пристально посмотрел на него.

— Не слишком ли уж они экспроприациями увлекаются.

— Говори проще, грабят, мол, много, так это правда, а вот погоди, еще больше будем. Мы не без толку грабим, а с разбором.

— Смотри разбирайся лучше, а то ты восстановишь всех против себя и даже...

— Вас, что ли? — резко перебил Лбов.

— А хотя бы и нас».

Лбов отвечает грубо. Но он сознает обоснованность этого предупреждения.

Еще раньше, во время операции в Хохловке, он круто расправился с новичком, членом отряда, убившим ни за что ни про что продавщицу винной лавки.

«— У меня, в Пермском революционно-партизанском отряде, который борется против царизма, бандитов не было и не будет»,— говорит он, расстреливая на глазах отряда и хохловских мужиков убийцу.

Гайдар показывает столкновение Лбова с атаманом одной из боевых групп — Матросом.

«— Что ты, Лбов, святыми, что ли, нас хочешь сделать?..» — возражает Матрос на упрек в пьянстве.

«— Не святыми, а распускаетесь здорово, грабить без толку начали. Вон вчера у Ворона один другого ножом пырнул, поделить не сумели чего-то.

— Так то у Ворона, а у меня этого нет, у меня, брат, всегда распределено, кому сколько.

— Ой, смотри, Матрос,— и усмешка мелькнула у Лбова,— не всегда и не на все у меня глаза закрыты, не слишком ли у тебя уж распределено, кому что и сколько. Бандитом настоящим того и гляди станешь».

Но Лбов, опьяненный успехами, все же часто закрывает глаза на неладное в поступках его дружинников. А когда он спохватился, было уже поздно. «Бесцельные грабежи начали входить в систему, и тщетно Лбов со своими помощниками пытался установить порядок, дисциплину». Шайки, пополнившиеся ненадежными людьми и просто уголовниками, выходили из его подчинения.

«В октябре Лбов еще раз созвал наиболее преданных ему товарищей и вместе с ними решил на целый ряд крутых и жестоких мер. Он запретил принимать кого бы то ни было в отряд, он приказал расстреливать всех бандитов, действующих под именем лбовцев, приказал прекратить на время всякую экспроприаторскую работу, уйти в леса, заняться постройкой зимних квартир и дать передохнуть населению от постоянного свиста пуль, набегов жандармов, массовых арестов и провокаций, с тем чтобы после этой передышки, весной, с ядром из крепко сколоченного, выдержанного отряда поднять настоящее революционное восстание».

Полиция, до которой дошли сведения об этом, еще больше успокоилась, «ибо ее ставка была на подрыв авторитета Лбова в глазах населения — ставка умная и правильная». Охранное отделение принимает последнюю меру — к Лбову подсылают Азефа*, и тот совершает с помощью своего человека предательство: главарь прикамских лесных братьев оказывается в руках полиции.

* Евно Азеф — крупнейший в России того времени провокатор. Данные о том, что именно он предал Лбова, не преверены.

И тут в повести верные мысли. Но они высказаны скороговоркой общих фраз. Они не получили художественного воплощения и остались поэтому неразвитыми, недодуманными. В результате дело свелось к личной ошибке Лбова: недооценке им, в опьянении успехами, дисциплины в отряде.

Но в лбовщине был значительно больший порок, чем недогляд по части дисциплины. Здесь был внутренний источник недисциплинированности. Он остался нескрытым.

Система художественных образов повести не была подчинена развитию верных мыслей, которые высказывались в ней, она оказалась подчиненной совсем другому.

Лбов и лбовцы выступали в повести по сути единственными представителями революционной рабочей среды, единственными носителями революционного начала. Продолжение дела революции 1905 года Гайдар был склонен видеть, хотел видеть в ее вооруженном, военном облики, к этому у него было естественное тяготение. Фигуры большевиков-подпольщиков, работающих в Мотовилихе,— Николая Смирнова (в действительности был Иван Смирнов), не названного даже представителя комитета, приходившего на встречу со Лбовым, остались на заднем плане, бледными тенями. Что они делали? Чем они жили? Неизвестно. Можно было думать, что бесплодными комитетскими разговорами, о которых так презрительно отзывался Лбов.

Такое игнорирование всех, кроме Лбова, выделяло его, делало единственным героем. Но это лишало автора возможности найти в революционной среде конфликт, который послужил бы основой сюжета и дал возможность развить верные мысли повести.

Не поискав конфликта здесь, молодой автор пошел другим, легким, но гибельным для повести путем.

РАДИ ЗАНИМАТЕЛЬНОСТИ

Чтобы дать своему произведению острый сюжет, сделать его занимательным, или, как принято было тогда говорить, читабельным,

Гайдар ввел любовную и комическую линию и соответствующих героев. Это было механическое приложение выработанных еще в давние времена в приключенческой литературе штампов к историко-революционной теме. Молодой, неопытный, работающий на газету и потому спешащий автор не искал интересного, захватывающего, напряженного сюжета в материале, а привлек его, так сказать, со стороны.

И если рабочие-большевики заняли в повести более чем скромное, почти никакое место, то очень большое место заняли молодая аристократка Рита Нейберг и таинственная Жидовка, несколько меньше — почтовый чиновник Феофан Никифорович Чебутыкин. Кроме того, благодаря Рите выросла и фигура хорунжего Астраханкина, который ведет борьбу со Лбовым. С этими героями было куда проще: здесь под руку литературные штампы. Они были взяты из далеко не первоклассного набора: Аркадий Голиков читал не только Пушкина, Гоголя и Толстого, а и бульварную литературу, попадавшую под руку.

Несколько сцен в повести дано в восприятии Чебутыкина, еще больше — в восприятии Ригы. На Рите построены главы: «Отчего было скучно Рите Нейберг», «Этой же ночью», «Раскрытое предательство», «Арест», «Последняя попытка Риты», да и некоторые другие: «Лбов закуривает папиросу» и «Начало конца».

Рита, эта очаровательная по замыслу автора девушка, оказалась, пожалуй, главным злодеем в повести.

Любовная интрига сводилась к следующему.

Жидовка, жена обреченного на смертную казнь революционера, получила обещание пощады ее мужу, если она сумеет выдать полиции Лбова. Жидовка проникает к Лбову, становится его любовницей и предает его.

Лбову удастся ускользнуть от врагов благодаря... Рите Нейберг.

Гайдару была, конечно, совершенно неизвестна жизнь чиновной среды, жизнь дворянского круга. Не столь уж крупный чиновник — правитель губернаторской канцелярии — отец Риты был обрисован им как крупный царский сановник, а Рита сделана рафинированной

Аркадий Гайдар (второй слева) в группе юнгов «Звезды». Рядом с ним — Галина Плеско. Крайний справа — Александр Дмитриевич Павлов

ГАЙДАР

АРЕС

ПОВЕСТЬ.

ТАЙНА ГОРЫ
ГАЙДАРА

Рис. Г.А.

**РЫЦАРИ
НЕПРИСТУПНЫХ
ГОР**

ПОВЕСТЬ **ГАЙДАРА**

Рисунки Г.А. Мухоморова

Мы стояли на мшистом холме. За двух быков. Старики говорили, что когда-то один хитрый дружинник принес в горы маленькие куры

аристократкой. «Пальцы у Риты — тонкие и длинные, а лицо — матовое», ее белые зубы сверкают «через прорез гибких, изломанных стрелочками губ», в комнате у нее болонка, на конюшне породистая лошадь Нэлла — словом, все атрибуты, которых требовали от аристократки дореволюционные издатели бульварных романов.

Рита тоскует от безделья, от однообразия светской жизни, от серости окружающих людей. Она ищет сильных ощущений и в этих поисках наталкивается на преследуемого ее поклонником Астраханкиным Лбова. Лбов обеспечивает Рите множество острых ощущений. Она же спасает его от предательства Жидовки и вместе с тем губит его.

Да, губит помимо воли автора.

Несколько неожиданно она оказалась в повести активной натурой и не только сжила со света Жидовку, но вытеснила и остальных и осталась вдвоем со Лбовым. Он — ее герой, а она любящая его и преданная ему женщина, готовая пожертвовать всем для его спасения.

Концовка повести построена на Рите, последняя фраза в повести принадлежит ей:

«— Милый, милый, если б ты знал, как я тоже ненавижу всех!» — говорит она, обращаясь мысленно к казненному уже Лбову.

Согласитесь, невелика честь — стать героем взбалмошной аристократки и невелик результат — возбудить у нее ненависть к окружающему, которая реализуется, впрочем, всего лишь в том, что Рита уезжает за границу. К такому печальному итогу привел неопытный автор своего любимого героя. Он взял его изолированно от рабочей массы, увел от сопоставлений, от критики и вот — погубил, уготовав ему разоблачение даже более страшное, чем тот заслуживал.

Повесть рушилась, можно сказать, изнутри. В ней были заложены противоречия — противоречия между намерением автора безоговорочно восславить центрального героя и материалом, который плохо позволял это сделать, противоречие между материалом, на котором строилась повесть, и притянутым со стороны сюжетом.

Все это легко понимается сейчас. Надо думать, многие из ошибок своей повести Гайдар осознал, вспоминая о ней в тридцатые годы, когда он стал зрелым писателем. Тогда же, в 1926 году, можем это свидетельствовать, внутренние пороки «Жизни ни во что» не были замечены ни автором, ни редакцией газеты, ни литературной критикой, ни подавляющим большинством читателей.

Читателей повесть многим подкупала. Материал, на котором она основывалась, был свежим, не тронутым художественной литературой* и почти не тронутым публицистикой. Он возбуждал острый интерес, так как о Лбове продолжали еще ходить рассказы и легенды, а прочитать о нем было негде.

Над началом повести Гайдар поработал. Оно сразу давало читателю настроение высокого накала, драматической напряженности. Гайдар по сути дела первый раз строил большую сюжетную повесть («В дни поражений и побед» построена хроникально). И кое-что ему удалось: он сразу ввел всех действующих лиц, дал их расстановку, заинтересовал читателя их отношениями. Развитие событий интриговало читателя. Некоторые главы действительно крепко сколочены, они экономичны и емки («Тяжелый день титулярного советника Чебутыкина», «О том, как титулярный советник Чебутыкин попал в Хохловку и какие странные вещи вокруг него творились», «Огрзбление парохода «Анна Степановна», «Смерть Змея»). Правда, хорошо начав, Гайдар к концу стал заторапливать повесть, комкать ее. Это произошло и по недостатку времени у автора (надо было кончать и сдавать в набор, газета не ждет), и потому, что в конце-то и надо было многое распутать, а оно плохо распутывалось.

Как и в первой повести Голикова, язык в «Жизни ни во что» был точен и динамичен, когда автор писал об «огневых минутах». Вот хотя бы одно описание:

* Известное нам исключение в художественной литературе составляет рассказ «Гражданское мужество» Б. Н. Никонова, опубликованный в 1908 году в литературных и популярно-научных приложениях к журналу «Нива» (т. II, май—август, стр. 393—406).

«Городовой прицелился, выстрелил — промахнулся, выстрелил еще и еще раз... Человек покачнулся, точно кто-то сильной рукой рванул его за плечо, и отскочил за угол.

Путаясь ногами в болтающейся шашке, городской бросился за ним, завернул на соседнюю улицу, но там никого уже не было. Он удивленно обернулся, недоумевая — куда же мог пропасть беглец,— потом, сообразив, что человек, должно быть, скрылся в ближайšie ворота, побежал к ним.

Но ворота ухмыльнулись ему в лицо разрисованной мелом школьников рожей, и слышно было, как они крепко замкнулись тяжелым засовом.

Городовой повернулся, вынул свисток и только что поднес его к губам, как услышал какой-то подозрительный шорох позади. Он хотел было отпрыгнуть, но не успел, потому-что из-за забора бабахнул негромкий револьверный выстрел и маленькая пуля от браунинга, ядовито взвизгнув, прошла через толстую черную шинель, через мундир, разукрашенный засаленным кантом, и маленькая пуля столкнула грузного человека в снег.

Падая, городской видел, как калитка дома распахнулась и четыре человека, поспешно выскочив оттуда, вынесли на руках пятого и все торопливо бросились в темную глубину соседнего переулка.

На выстрелы неслись конные дозоры стражников, бежали городские с соседних постов. Они подняли валяющегося полицейского и закидали его вопросами — в чем дело, кто, где и куда? Он хотел было открыть рот, чтобы что-то ответить, но рот не слушался, он хотел показать рукой, но рука уже умерла, тогда он покачнулся снова и стеклянными глазами — холодными и безжизненными, как серебряные пуговицы полицмейстерской шинели,— не сказал ничего».

Здесь почти все точно, зримо, просто. И полицейский, о котором мало, казалось бы, сказано, виден нам — неповоротливый в своей шинели и в своих, так же, как грузное тело, скованных, медленных реакциях.

Но в редакции «Звезды» не работали над языком повести, как работал, по воспоминаниям Гайдара, Сергей Семенов в редакции альманаха «Ковш». А урока, полученного там, было еще мало для начинающего писателя, и в «Жизни ни во что» у него постоянно прорывается стремление к красотам. Он пишет о крови, текущей из порезанной руки Лбова и «рубиновыми искорками падающей на пол». У Риты тоже «на побелевших и крепко стиснутых губах... выступила рубиновая капелька крови». Множество раз повторяется: «нервно», «нервный».

Гайдар склонен лепить усложненный, закрученный образ, что было распространенной тогда литературной модой. Вот как он рисует город Пермь: «...Скрепленный раззолоченными винтиками чиновничьих пуговиц, улыбался город уютными занавесочками морозных окон»; «Но город усмехнулся в ответ сотнями огней. Был он закован в каменные стены, был он богат белым серебром винтовочных пуль и красной медью казачьих шашек». Вот другая картина в этом же роде. Рита едет по лесу на лошади. «Изгибающаяся дорога швырялась в разгоряченное лицо Риты причудливыми изломами расцветающих полей, еще чуть освещенных красноватыми отблесками облаков, зажженных зашедшим солнцем». Или еще: «Иза смеющегося горизонта брызнули полосы вынырнувшего солнца, и волны Камы заплескались русалочьим смехом». Бывало и совсем плохо: «По лицу его забегали черточки, и казалось, что мысли его напряженной головы пробивались рывками через складки морщин лба». Вопреки утверждению рецензента, одобrivшего повесть в журнале «Книгоноша», в языке ее было много ляпсусов. И не только ляпсусов. Бесспорно правильно замечание Е. Путиловой, что эстетическая позиция автора сказалась на стиле («Жизни ни во что» — «вычурном, манерном, псевдоромантическом»).

При всем том «Жизнь ни во что» не рассматривалась ни Гайдаром, ни его товарищами-журналистами как неудача. Наоборот, это был успех, даже некоторым образом триумф. Если бы не так, то

* Е. Путилова. О творчестве Гайдара. Очерки. Л., 1960, стр. 16.

разве стала бы редакция «Уральского рабочего», значительно более солидной, чем «Звезда», областной газеты, поощрять Гайдара писать вторую повесть, на ту же по сути дела тему.

АЛЕКСЕЙ ДАВИДОВ —
ПРЕЕМНИК ЛБОВА

Редакция «Уральского рабочего» была квалифицированнее, требовательнее и богаче, чем редакция «Звезды». Поэтому Гайдар работал над повестью «Лесные братья (Давыдовщина)» дольше и тщательнее, чем над «Жизнью ни во что (Лбовщиной)». Сказалось на второй повести и то, что опыт разработки темы уже был налицо и его можно было учесть. Повесть «Жизнь ни во что», несомненно, критически читалась в редакции «Уральского рабочего».

Но и здесь Гайдар не отказался от задачи восславить людей, которые вели и после 1905 года вооруженную борьбу против царизма, пусть безнадежную, пусть обреченную на провал, но открытую борьбу.

Как и в «Лбовщине», он идет от завода и от революции 1905 года. Это небольшой Александровский завод в Соликамском уезде Пермской губернии и близкие к нему Луньевские копи. Здесь не было вооруженного восстания. Но здесь была забастовка.

«Главными инициаторами, главными вдохновителями забастовки были братья Иван и Алексей Давыдовы, в то время простые рабочие, позднее — сотоварищи по делу великого бунтовщика Лбова, позднее — грозные мстители за его смерть и смерть и каторгу сотен других революционеров и еще позднее — мертвецы, погребенные в глубоких тайниках каменных тюрем рядом с трупами многих десятков расстрелянных и повешенных товарищей.

Точное место их могил неизвестно, ибо нет над ними ни памятников, ни каменных плит, ни даже поросших травой холмиков набросанной земли. Но имена их живы и до сих пор в памяти рабо-

чих седого Урала, с благодарностью вспоминающих их славную жизнь и с горечью — их гордую смерть».

Это такое же, как в «Лбовщине», посвящение.

Давыдовщина — ответвление лбовщины, ее продолжение. Алексей Давыдова вдохновил на создание отряда пример Лбова. И в повести, естественно, надо было бросить ретроспективный взгляд на Лбова и лбовщину.

Александр Лбов для Гайдара по-прежнему «великий мятежник Урала», «легендарный террорист», «гордый бунтовщик». Но в рамки новой повести попадает лишь период упадка лбовщины. К тому же сам автор сейчас может уточнить свои оценки, несколько больше продумать их. И он делает это.

Лбов помогает Алексею Давыдову сформировать и вооружить дружину. После свидания с ним «великий бунтовщик» остается в лесу в одиночестве и задумывается.

«Долго думал, ибо чувствовал, что не справиться ему со взятой на себя задачей. Пусть еще гремят выстрелы его дружинников, расстреливающие полицию, пусть еще дрожат жандармы на темных перекрестках опустевших улиц, но все уже и уже стягивается вокруг него кольцо предательства и измены. И даже рабочие, уставшие от постоянных обысков и арестов и потерявшие веру в возможность нанести террором смертельный удар самодержавию, все холодней и холодней относятся к лбовцам, реже встречаются с ними, предпочитая на время глубоко замкнуться в самих себя.

Но крепок еще и могуч был дух гордого бунтовщика...».

Однако и тут Гайдар не пошел глубоко. Он повторяет, что Лбова погубили его успехи, «сказочное усиление», привлекшее неустойчивых людей.

«Мне надежные люди передавали,— рассказывает о Лбове Иван Давыдов,— что он гибнет. Кругом измена, провокация, начинаются грабежи, и даже он, Сашка Лбов, своей железной волею не в силах более поддерживать дисциплину».

Этот мотив уже был в «Жизни ни во что». Новое во второй повести в констатации: рабочие устали, рабочие отворачиваются от

Лбова. «Лбов не стал считаться с уставшими, издерганными рабочими массами и задумал только одно — нужно перевернуть все, нужно сразу, одним махом, одним натиском кончить все. Но старое было крепче Лбова. Все старое цепкими клещами впилося в измотанное тело массы, и уставшие рабочие начали говорить: «Зачем все?».

В том, что в повести посвящено непосредственно давыдовщине, тоже большая определенность оценок, чем в публиковавшейся в «Звезде» («Жизни ни во что»).

В «Давыдовщине» даны в некотором противопоставлении друг другу братья Иван и Алексей Давыдовы.

Старший, Иван, больше читает, больше думает. Он пропагандист по складу. Рабочий-слесарь говорит об Иване Давыдове:

«— ...Главное, он все больше на пропаганду надеется. Полиции, говорит, много, всю полицию не перестреляешь... Надо, говорит, народ организовать, а когда уж все один к одному, тогда и подниматься разом».

Иван понимает, что надо делать. Но он мягок, слаболовен и практически беспомощен.

Ивану противопоставлен Алексей — человек сильного чувства, импульсивный, немедленно переходящий к действию.

Из этого противопоставления все же не возникает конфликта: Иван без сопротивления подчиняется воле младшего брата и участвует в партизанских вылазках. Автор, восстановив по воспоминаниям александровцев различие между братьями, не нашел конфликта между ними и не захотел примысливать этот конфликт к фактическому материалу о главных героях повести.

В «Давыдовщине» значительно определеннее показано отношение между рабочей массой и отрядом, поставившим себе партизанские задачи.

Рабочие на первых порах сочувствуют Давыдову и его товарищам, относятся к ним, как к мстителям за свои несчастья и унижения, как к людям, которые способны хоть в неполной степени восстановить справедливость. Рабочие помогают давыдовцам укрываться, готовят для них на заводе оболочки для бомб.

Однако быстро назревает конфликт. Полиции известно сочувствие рабочих давыдовцам. Она не может поймать их и с тем большей жестокостью обрушивает репрессии на рабочих, подозреваемых в сочувствии давыдовцам. Власти сознательно стремятся посорить рабочих с лесными братьями. Те производят одну из немногих своих экспроприаций — экспроприацию денег у заводского кассира. Задерживается выдача заработной платы рабочим. И всю вину за это заводская администрация и полиция сваливают на давыдовцев: вот-де, мол, кто ваши деньги присвоил.

В «Лесных братьях» яснее, чем в «Лбовщине», показано, что за партизанские вылазки расплачиваются своими боками рабочие. Дело кончается тем, что к Алексею Давыдову приходят представители рабочих:

«— Конечно, мы знаем, что ты за нас, да только измучался народ через все это. Из дома ни шагу — всюду за тобой полиция следит».

И дальше:

«— Брось ты это свое дело! Ей-богу, брось. Передохни сам малость и дай народу поправиться. Многие тебя об этом просят. Устали очень, Алексей Иванович, а пользы никакой».

Это все. Это конец.

Отряд Алексея Давыдова был куда более скромным, чем лбовский. Операций он совершил немного. Материала для живописания «огневых минут» давыдовщина давала Гайдару значительно меньше, чем лбовщина. Он и здесь довольно умело построил интригу, сумел обойти весьма скромные размеры давыдовских операций, держать читателя в напряжении. И все же при более зрелом взгляде автора на вещи героизм неорганизованной и не руководимой партией рабочего класса вооруженной борьбы тускнел, тускнел на глазах у читателей.

Верный своим привязанностям, чувствующий свою эмоциональную близость встретившимся ему в прошлом беззаветно храбрым, горячим, дерзким людям, Гайдар надеялся еще на литературное будущее Лбова и Давыдова. Но фактически, по мере того как он вдумывался в материал, овладевал им, выяснялась невозможность про-

сто восславить полюбившихся героев, не разобравшись в них и окружающей их обстановке глубже, чего не позволяли сделать узкие рамки газетной повести.

МОЖНО ЛИ ПРОСТО ЗАБЫТЬ?

И зачем только он, Гайдар, взялся за Лбова?! Прошел бы мимо. Или взял другой, надежный, проверенный, бесспорный материал. И стоит ли сейчас вспоминать об уральских партизанских повестях Гайдара? Не проще ли признать их случайным заблуждением молодости и забыть?

Такие вопросы могут возникать. Они, собственно, и возникали, при этом ставились в более суровом и бесповоротно осуждающем Лбова и повести о нем тоне.

Усовершенствование истории, которое столь решительно производилось в годы культа личности Сталина, привело к тому, что все вызывающие сомнения и споры моменты истории революционного движения стали замалчиваться. Уничтожающий ригоризм, с которым подходили тогда к людям, заставлял забывать обо всех в том или ином отношении «неудобных» людях, хотя бы они погибли в борьбе с самодержавием и гибелью своей искупили ошибки. Все, вызывающее «неуместные вопросы», можно было просто считать несуществовавшим. Лбовщина стала замалчиваться или же оцениваться как явление с самого начала и в основе своей чуждое освободительной борьбе рабочего класса*.

Нельзя так подходить ни к Лбову, ни к Гайдару, увлекшемуся им.

Можно ли осуждать применявшиеся А. М. Лбовым и его товарищами приемы борьбы, как приемы сами по себе, безотносительно к условиям времени, вносящие деморализацию в ряды рабочего класса, приемы аморальные и политически несостоятельные?

* Исключению составляет книга Ф. С. Горюхова «Очерки революции 1905—1907 годов на Урале (по материалам Пермской губернии)», вышедшая в Перми в 1955 году. В ней лбовщина рассматривается конкретно-исторически, хотя специально сю автор и не занимается (см. стр. 162—164 указанной книги).

Такому осуждению противоречит то, что писал в годы первой революции В. И. Ленин. Если партия считает близким вооруженное восстание, она не может отказываться от партизанской войны, осуждать ее. Ленин развивал эту мысль в ряде статей, написанных до декабрьского вооруженного восстания и после него. Осенью 1906 года он радовался росту партизанских выступлений и призывал партийные организации поощрять их.

Против ленинской, большевистской линии боролись меньшевики, осуждавшие партизанский террор и экспроприации, как проявление анархистских тенденций. Меньшевикам удалось провести свою резолюцию по вопросу о партизанских выступлениях на IV съезде партии, и меньшевистский в своем большинстве Центральный Комитет, избранный съездом, настойчиво добивался уже в 1906 году прекращения каких-либо партизанских выступлений и роспуска боевых дружин.

Когда мы оцениваем лбовщину, привлечшую внимание Гайдара, нельзя забывать об этом различии в позициях большевиков и меньшевиков.

Гайдар смотрел на Лбова, как на фигуру исключительную. Но мы-то знаем, что это была фигура, хотя и ярко своеобразная, но далеко не исключительная, так как террористические акты и экспроприации, причем не менее смелые, свершались не только в Прикамье, а на всем Урале, да и почти по всей Российской империи.

Сразу же после декабрьского восстания на рабочие поселки Урала обрушился жестокий правительственный террор. Распоясалась черная сотня. А революционная энергия уральских рабочих далеко еще не была исчерпана, больше того, местами — на Северном Урале — она только пробуждалась. Взрывы рабочего негодования, яркие подъемы рабочего движения, успешная деятельность социал-демократических организаций в 1906 и начале 1907 года позволяли надеяться, что еще не все кончено, что близки новые открытые вооруженные бои. И рука рабочего тянулась к оружию.

На Урале имелась своеобразная подпочва боевистских настроений. Дикое, во многом еще докапиталистические приемы эксплуата-

ции часто толкали здесь заводскую молодежь на яростный, не знающий размышления и расчета протест. Был распространен заводской террор, обращенный против особо ненавистных мастеров и управителей. Хранились предания и песни о разбойниках, своеобразных заводских разбойниках, которые выражали протест крепостного горнозаводского населения.

Социал-демократические организации Урала, в подавляющем большинстве своем большевистские, развернули в 1906 году широкую боевую работу и продолжали ее в некоторых городах и заводских поселках не только в первой половине 1907 года, но и позже, после третьеиюньского переворота. В августе 1907 года состоялась областная конференция военных и боевых организаций Урала. К этому времени на Урале имелось шесть окружных боевых организаций. На Урале были замечательны боевики, с блестящим мастерством проводившие партизанские вылазки,—Иван Кадомцев, Михаил Гузаков, Александр Калинин и другие. Там, где боевая работа велась под руководством и контролем большевистских партийных комитетов, она не причиняла вреда, не вносила дезорганизации в социал-демократическую деятельность и рабочее движение.

Но так было на Урале не повсеместно. Боевую работу вели не только социал-демократы. Существовало несколько боевых групп, созданных социалистами-революционерами (эсерами). Было и несколько внепартийных групп, в их числе крупнейшая и наиболее громкая — лбовская.

В сложившийся вокруг А. М. Лбова партизанский отряд входили и социал-демократы — большевики. Он получал в отдельных случаях помощь социал-демократических организаций и сам помогал им, особенно тем, что укрывал преследуемых полицией.

И при всем том отряд Лбова оставался внепартийным. В этом источник его слабости. Поставив себя вне руководства и контроля партии, вооруженной марксистской теорией и борющейся за коренные интересы рабочего класса и всего народа, А. М. Лбов обрекал свой отряд на постепенный отрыв от освободительного

движения рабочего класса, на постепенное измельчение партизанских операций и разложение.

Но в этом была вина не только Лбова.

Праз старый большевик-боевик А. А. Миков, который, вспоминая уже в пятидесятых годах о далеком прошлом, писал: «Есть чья-то еще, не только Лбова, вина в том, что он шел по неправильному пути. По-моему, партийный комитет в Перми мало внимания обращал на партизанское движение, не взял под свое руководство стихийно возникавшие отряды. А люди там были честные и преданные революции. Они могли бы принести больше пользы»*.

Был один отряд трудящихся, перед которым в очень прямой и непосредственной форме стоял вопрос об отношении к Лбову. Этот отряд — солдаты, брошенные правительством на вылавливание лесных братьев. Издававшаяся в 1907 году Уральским областным комитетом РСДРП «Солдатская газета» не уклонилась от ответа на этот вопрос. В статье, озаглавленной «Кто такой Лбов», она писала:

«Правительство царское всех революционеров старается представить как воров, грабителей, которых мы, солдаты, должны ненавидеть, должны ловить и представлять по начальству.

А начальство с ними уже разделается. Достаточно у него и тюрем, и виселиц, и послушных солдатских винтовок для врагов своих, для друзей народа, для всех тех, кто не хочет покориться вора и душегубам — царским министрам.

Не вор и не грабитель Лбов.

Лбов — революционер. Кого из неповинных людей тронул Лбов? Никого. Кроме полиции, на кого нападает Лбов? Ни на кого. Разве не Лбов расстрелял своих трех товарищей за то, что они именем Лбова обижали людей неповинных?»

В статье говорилось о непригодности методов, которыми пользуется Лбов, но эти методы объяснялись и в какой-то мере оправ-

* А. А. Миков. Не на жизнь, а на смерть. Сб. «Под красным знаменем». Пермь, 1957, стр. 132.

дывались бесправием и произволом, царящими в России. Статья заканчивалась словами:

«Мы, сознательные солдаты, научились различать Лбова от остальных революционеров, мы отлично знаем цену лбовым, но никогда начальство не добьется от нас, чтобы мы смотрели на лбовых, как на остальных грабителей, не удастся ему, пользуясь ошибками лбовых, натравить свою армию на всех революционеров.

Пусть все, и малое и большое начальство, помнят, что кровь, пролитая Лбовым в состоянии обороны, падает на голову начальства»*.

Так писала большевистская газета.

2 августа 1907 года Пермский комитет РСДРП рассмотрел вопрос о положении в Мотовилихе в связи со лбовщиной, принял постановление по этому вопросу и выпустил на его основе листовку, обращенную к мотовилихинцам. В ней разъяснялась несостоятельность «всяких индивидуальных средств борьбы, борьбы в одиночку, борьбы, оторванной от масс, борьбы, в которой массы не участвуют, а только платятся своими боками»**.

В конце 1907 года и в 1908 году в большевистских газетах «Пролетарий» и «Вперед» появилось несколько корреспонденций из Перми, в которых освещалось состояние социал-демократической работы и затрагивался вопрос о лбовщине. В корреспонденциях отмечалось прежде всего, что лбовщина привела к усилению полицейского террора, который затруднял политическую работу в массах.

Все эти выступления против лбовщины относятся к периоду после 3 июня 1907 года, когда стало ясным, что вооруженное восстание в ближайшее время невозможно и партизанская борьба теряет свой смысл.

Лбов еще продолжал террористические акты и экспроприации. Но не так долго. В октябре 1907 года он прекратил всякие парти-

* «Солдатская газета», орган Уральской военной организации РСДРП, № 4. Статья Пермского рядового «Кто такой Лбов».

** Листовки пермских большевиков. 1901—1917. Пермь, 1958, стр. 348.

занские вылазки. Это произошло, когда после неудачных операций в Надеждинске Лбов увидел, что они в обстановке торжества реакции несут новые несчастья рабочим и что он не в силах пресечь разложение в своей дружине. Больше Лбов партизанской борьбы не возобновлял. Он попался в руки царских властей, выданный провокатором, в апреле 1908 года, когда остался почти совсем одиноким.

Власти все же боялись Лбова. Арестованного в Нолинске Вятской губернии его не позезли в Пермь, а поспешили судить в Вятке по обвинению всего только в убийстве полицейского и казнили там же.

Лбов лично был честным человеком. Решившись на борьбу, он отдал ей всего себя, без остатка и без раздумья. Он не уходил ни от опасности, ни от ответственности. Никакого личного расчета, ни малейшего корыстолюбия не было в его поведении. Это был идейный боец. Он не был распущенным и в быту. По свидетельству многих людей, лично знавших его, Лбов не пил вина и даже не курил.

Будучи пойман, Лбов никого не выдал и ни в чем не раскаялся, отказался от исповеди и встретил смерть спокойно. Засвидетельствовано современниками: на предложение исповедаться он ответил таердым отказом, сказав, что совесть его чиста, а на вопрос, страшится ли он смерти,— что не может бояться смерти тот, кто борется за правое дело *.

Нас и сейчас потрясает гордая смерть Овода. В 1908 году казнь Лбова потрясла многих. Как бы ни было сильно разочарование в возможностях партизанской борьбы, в пользу террористических актов и экспроприаций, бесстрашный Лбов и его тозарищи примером своим говорили: таятся еще в народе силы, необходимые для грядущей открытой борьбы за свержение ненавистного самодержавия.

* Газета «Вятская речь», 1908, 27 апреля, № 52, «К делу Лбова. (Из замечток и впечатлений на суде)»; там же, 3 мая, № 57. «Казнь Лбова»; там же, 9 мая, № 61, «К казни Лбова».

Были у Гайдара основания для того, чтобы увлечься Лбовым и загореться желанием отдать дань уважения его памяти. Он, Гайдар, был писателем, а не историком, и его симпатии привлекла смелая, гордая и в то же время вызывающая сострадание — одинокая и заблудшая — душа. Чем-то близок был Лбов Гайдару. И не только беззаветной храбростью, готовностью отдать жизнь делу, которому служишь. Может быть, горячим своим нетерпением, стремлением идти на подвиг сейчас, не откладывая ни на день? Может быть, одиночеством, только что пережитым Гайдаром?

Гайдара легко попрекнуть: ну взял бы другой, надежный и проверенный историко-революционный материал.

Но он был писателем по природе, его влекло открытие, находка. Он испытал к Лбову сочувствие и уже не мог его оставить. Повесть «Жизнь ни во что» писалась с использованием дешевых литературных приемов. И все же в основе ее лежало живое, трепещущее чувство писателя.

Близкая натура Лбова казалась понятной и доступной изображению. Но эта натура действовала, проявляла себя в очень сложных обстоятельствах, которые оказались для нее трагическими. Вот этого-то не учел Гайдар.

Тема представлялась ему простой. Казалось, она легко поддается литературной обработке.

Он был молод и неопытен.

Мастер, будь то плотник, кузнец или гончар, с уважением, как равный к равному, относится к материалу — дереву, металлу или глине. Он знает, что этот материал живет своей, не зависимой от него, мастера, жизнью и подчинится только в том случае, если проникнешь в его структуру, в законы его движения. Он считается с материалом, бывает осторожным в выборе его и обращении с ним.

Иное дело ученик. После первого, хотя бы слабого, успеха он, увлеченный этим успехом, начинает считать, что материал ему полностью подвластен, что он единственный господин. Но материал не терпит произвола, он так или иначе мстит самовольному ученику и дает ему тяжелые уроки.

Так и у Гайдара. К сложному материалу он подошел с легкостью самонадеянного ученика. Он заранее принял схему газетной приключенческой повести. А материал не укладывался в эту схему. В результате — внутреннее крушение «Жизни ни во что», которую Гайдар писал с таким увлечением.

История Лбова — история в существе своем трагическая. Это трагедия человека, который пытался оставаться беспартийным в эпоху, когда классовые противоречия достигли уже большой зрелости, трагедия человека, пытавшегося вести борьбу приемами добродетельного разбойника, странствующего рыцаря, человека, чья могучая воля оказалась не подкрепленной зрелым сознанием. Лбовщина — трагическая история незрелого революционизма. Но трагедия — это никак не газетный жанр, и о ней Гайдар не мог и думать.

Возникало в повести и другое противоречие, в конечном счете плодотворное для писателя.

Жизнь ни во что — формулировал тему Гайдар. В этом он видел доблесть Лбова и его товарищей, это хотел восславить.

А ему, Гайдару, жалко их, жизнь которых оказалась погублена безрассудно, жалко людей, принявших смерть не только в физическом, а и в моральном одиночестве.

Острой жалостью проникнута маленькая главка повести «Смерть Змея». В ней — предчувствие гибели всех лбовцев и гибель Змея, пригвожденного к земле пикой ингуша. Он, испытывавший в жизни так много тяжелого, не выдержал боли в ноге, случайно придавленной лошадью, вскочил, взбешенный, из канавы, в которой укрывался от патруля ингушей, и вот — убит. Душа у Змея была озлобленная и изломанная. Глаза у него желтые и злые, в жизни ничего хорошего не видевшие, разве что в последние месяцы, у лбовцев.

Обложка книги А. Гайдара (Аркадия Голикова). «Р.В.С.». Москва, Госиздат. 1926.

„ЖИЗНЬ—НИ ВО ЧТО“.

ПОВЕСТЬ ГАЙДАРА.

Памяти разбойника Ибеля и его товарищей: Демона, Грозы, Звези, Фомы, Матроса и многих других — имена которых известны уже дымящей легендой по рабочему Уралу.

С 10 МАЯ КОГДА???

С 10 МАЯ начинается печататься в «Уральском Рабочем»

повесть ГАЙДАРА

ЛЕСНОЙ БРАТ

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

В 1908 г. рабочий Моторин по случайности боится

Кто на апрель выпишет

„Звезду“

Тот будет читать новую повесть

„Р.В.С.“

Гайд.

Если к пятому числу не выпишешь „Звезду“, то не сможешь прочесть новую повесть ГАЙДАРА

„РЫЦАРИ НЕПРИСТУПНЫХ ГОР“

ЧИТАЙ в воскресенье.

Реклама повестей А. Гайдара в „Звезде“ и „Уральском рабочем“

Не испытал Змей никакого другого сильного чувства, кроме ненависти, и от случайного взрыва этой ненависти погиб, так и не увидев доброго.

Острая жалость возникает и к Александру Лбову в главе «Казнь». Он держится гордо, не хочет показаться врагам ни слабым, ни измученным. Он идет на смерть, как на завершение подвига, неизбежное и естественное. Вздрагивает перед казнью не он, а прокурор, которому Лбов с помоста виселицы предрекает в близком будущем такой же конец. И все же...

Казнили Лбова на исходе ночи, когда чуть забрезжил рассвет. «И Лбов посмотрел еще раз на небо, по которому сигнальными огоньками перемигивались звезды, жадно хлебнул глоток сырого свежего воздуха и, наклонив голову, вспомнил почему-то воду бурливой речки Гайвы, прелые листья, из-под которых начала пробиваться молодая трава, себя, Симку Сормовца, Стольниковца и разбойный свист мальчугана, вынырнувшего из-за кустов, — паренька, сообщившего о том, что боевики приехали. Весенняя вода тогда мутной стальной полоской прорезала лес, а в глубине солнечного неба блестели крыльями и перекликались задорными свистами пролетающие отряды журавлей».

Лбов поднял голову — перед ним силуэт виселицы.

И все.

Послужила ли его жизнь делу, за которое он хотел бороться, или она просто погублена ни за что? Этот вопрос неизбежно возникал не только у читателя, но и у автора. Кто Лбов — герой или только жертва, жертва уродливого строя, рождающего людей, вооруженных лишь жгучей ненавистью, жертва трагически сложившихся обстоятельств? Об этом надо было думать.

И верно ли — ставить жизнь ни во что? Даже свою, не говоря уже о жизни других. Если ценить жизнь с ее радостями рождения, роста и постоянной борьбы, ценить ее той высокой мерой, которой она заслуживает, то не надо ли думать о том, как разумнее отдать ее великому революционному делу? Не азарт бретера, не мелкая расчетливость мещанина. Готовность революционера,

которая рождается только в тесной, спаянной среде товарищей по партии.

И верно ли, что неугасимый огонь революции реализуется только в «огневых минутах»? Ведь огневые минуты остаются минутами, а преобразование мира, начатое революционным рабочим классом России,— неизбежно длительный процесс.

Над этим предстояло думать Аркадию Гайдару.

Аркадию Гайдару, автору «Судьбы барабанщика», были бы сильны сложные проблемы, которые ставила судьба Лбова. Тогда, в 1926 году, еще совсем молодой Аркадий Гайдар не справился с ними.

Но он честно, с хорошим, добрым чувством подошел к Лбову. Он писал о том, что его, Гайдара, волновало. И в этом — удача Гайдара в его уральских повестях. Пусть он совершил множество ошибок, он все же шел единственно верным, писательским путем.

ПРОТЕСТ ГАЙДАРА

РОЖДЕНИЕ «Р. В. С.»

Вскоре после того как закончилось печатание «Лбовщины», Гайдар предложил «Звезде» рукопись другой повести. Редакция, учитывая бурный успех «Лбовщины», приняла новую повесть и с 20 марта начала ее рекламировать.

Повесть печаталась в отсутствие автора, который отправился в путешествие по Средней Азии и Кавказу, и была опубликована в пятнадцати номерах «Звезды» с 11 по 28 апреля. Это — «Р.В.С.».

Написана «Р.В.С.» была раньше. Еще в 1925 году она появилась в № 2 (8) ленинградского журнала «Звезда» с подзаголовком «Рассказ» и подписана была — Арк. Голиков *. Гайдара, однако, не смущало тогда это обстоятельство, как не смущало его и то, что в журнале он подписал повесть своей подлинной фамилией, а в газете

* В своей статье «Аркадий Гайдар в Перми» (альманах «Прикамье», № 16, 1952, Пермь) мы ошибочно утверждали, что эта повесть впервые была напечатана в пермской газете «Звезда». К сожалению, и во всех других до сих пор опубликованных материалах о Гайдаре (в том числе в сборнике «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», изд. 3 М., 1964) и в вышедшем в 1964—1965 гг. четырехтомном собрании сочинений Гайдара, журнальная публикация повести не упоминается.

принятым им к этому времени псевдонимом. Было бы обидно, если бы читатель думал, что новая повесть написана каким-то Голиковым, а не полюбившимся и популярным в Перми Гайдаром. Впрочем, и газета, знай даже в редакции, что повесть уже появилась в мало тогда распространенном ленинградском журнале, не отказалась бы от нее.

В том же году «Р.В.С.» вышла отдельным изданием в Москве в Госиздате.

Таким образом, к середине 1926 года было уже три варианта «Р.В.С.». Два из них — варианты ленинградского журнала и пермской газеты — более близки друг к другу.

В журнале «Р.В.С.» была названа рассказом. Публикация в газете в течение всего времени сопровождалась подзаголовком «Повесть». Повестью для юношества названа «Р.В.С.» и в издании Госиздата. Думается, что правильно именно это жанровое определение.

Мысли об «Р.В.С.» возникли у Гайдара, возможно, довольно рано, так как уже в набросках его первого произведения «В дни поражений и побед», относящихся к 1923—1924 годам, встречается отрывок, который явно не связан с первой повестью и вошел затем в «Р.В.С.»*.

Современный читатель хорошо знает «Р.В.С.» в том виде, в каком она печатается сейчас. Поэтому мы не будем рассматривать повесть всесторонне, а сосредоточимся на истории ее публикации. Думается, что именно эта история является одним из убедительных доказательств, что не легендарно легким был путь Гайдара в литературу («с детских лет воевал — был у наркома по военным и морским делам с жалобой на увольнение из армии — выслушал совет наркома писать — стал детским писателем»), а путем сложным, трудным, не продиктованным извне, а найденным.

* А р к а д и й Г а й д а р. Собрание сочинений в четырех томах, т. 1, М., 1964, стр. 362,

Сам Гайдар считал «Р.В.С.» одной из своих удач. В автобиографиях 1934 года — для журнала «Пионер», 1937 года — для журнала «Детская литература», 1941 года — по всей вероятности для военкомата Гайдар неизменно называл «Р.В.С.» среди тех своих книг, которые он считал лучшими. «Р.В.С.» прочно вошла в золотой фонд нашей детской литературы. Однако «Р.В.С.» не сразу стала детской повестью таких высоких достоинств. Тексты ленинградского журнала и пермской газеты показывают, что, создавая «Р.В.С.», Гайдар не рассматривал ее как произведение для детей. Ведь и публиковалась-то она сначала в изданиях, не предназначенных для детей, и без всяких оговорок, что это для детского чтения.

Думается, что полезно будет рассмотреть сначала повесть в ее первых двух вариантах.

Когда Гайдар приехал в Пермь, у него с собой не было ни одного экземпляра журнала «Звезда» с «Р.В.С.». Можно полагать, что рукопись, которая была сдана в редакцию газеты, идентична той, которая находилась в распоряжении редакции журнала. Но в журнале повесть опубликовали после значительной правки и сокращений, а в газете — без какого-либо прикосновения редакторской руки. В основном же тексты журнального и газетного вариантов схожи между собой, но сильно отличаются от будущей повести для детей.

При сравнении этих первых вариантов повести история «Р.В.С.» представляется так. То, что напечатано в газете, — первоначальный текст повести. Это подтверждают письма Гайдара из Ашхабада во время поездки в Среднюю Азию и на Кавказ. В одном из них, без даты, написанном примерно в первой половине апреля 1926 года, перед тем как газета начала печатать «Р.В.С.», Гайдар просит: «Р.В.С.» проверяйте по смыслу и по форме, ибо вы ее печатаете с черновика». В другом письме, от 22 апреля, он снова пишет: «Вчера видел начало «Р.В.С.», есть ошибки, проверяйте лучше».

То, что опубликовано в журнале, хотя и на год раньше, — это текст, выправленный редакторами журнала.

Нынешнего читателя «Р.В.С.», вероятно, удивило бы начало повести:

«Кругом было тихо и пусто. Раньше иногда здесь подымался дымок, иногда к празднику мужики варили тайком самогонку, но теперь мужики уже перестали прятаться и производство самогонки перенесли прямо в деревню.

Раньше сюда забегали ребятишки затем, чтобы побегать, погоняться друг за другом, попрятаться в изломах осевших, полуразрушенных кирпичных сараев».

Таким начало повести было в газете. И почти таким же, только со следами достаточно опытной и доброжелательной редакторской руки,— в журнале:

«Кругом было тихо и пусто. Раньше кое-откуда здесь поднимался еще дымок, когда к праздникам мужики варили тайком самогонку. Но теперь уже давно перестали, не варить, конечно, а прятаться. И все производство перенесли прямо в деревню.

Раньше сюда иногда забегали ребятишки затем, чтобы побегать и полазить между осевшими и полуразрушенными сараями».

Не правда ли, странное начало для повести, если она адресована детям? Но в том-то и дело, что Гайдар первоначально вовсе не имел в виду детского читателя. В нашей памяти, например, не сохранилось ни одного разговора Гайдара с товарищами по редакции «Звезды», ни даже хотя бы единой обмолвки его о том, что он считал «Р.В.С.» повестью или рассказом для детей.

В повести, не предназначавшейся именно для детского читателя, та деталь, с которой раньше начиналась «Р.В.С.», была естественна и понятна.

А когда позже Гайдар создал новую редакцию своей повести, когда он уже ясно представлял себе будущего читателя, он по вполне понятным причинам выбросил эту деталь.

Был в самом начале повести эпизод, развивавший упоминание о том, что над общей ямой, в которой похоронены убитые, старый

нищий Авдей тайком поставил крест, а Димка, который видел все это, никому ничего не сказал. В газетном и журнальном вариантах это молчание Димки мотивировалось. Цитируем по газетному варианту:

«— Не говори только, милай... сердчать будут, а как жо без креста?.. Как скотина... нехорошо... тоже люди были, милай...

Димка не сказал, но удивился,— во-первых, если хорошие люди, то зачем же их убили, а, во-вторых, он сам слышал, как Никифор-староста говорил:

— Туда им, собакам, и дорога...

— По злобе, милай... по злобе,— прошамкал, одевая сумку, старик.— А Никифор, сынок, так и должен был сказать... так и должен... потому мужик он обстоятельный...

И ушел нищий Авдей. А Димка долго думал и никак не мог понять, за что «по злобе» и почему «обстоятельный» Никифор должен был называть убитых собаками, а побирушка старик — хорошими людьми.

И не понял все-таки Димка, как это убитые одни, а правды над ними две».

Вот еще один эпизод и тоже из начала повести, и тоже отмеченный позже автором. Этот эпизод, которого нет в журнальном тексте, шел сразу вслед за репликой матери в ответ на вопрос Димки: «Мам, а Козолуп зеленый?»

«— А пропади они все вместе взятые,— с сердцем ответила та...— Вот еще послал господь наказание. То все были люди как люди, а теперь поди-ка...

И она спросила у Димки, только что вспомнив:

— Слушай-ка, ты богу-то перед сном молишься?..

— Молюсь, молюсь,— поторопился он, натягивая поддевку на голову, испугавшись, как бы мать не вздумала расспрашивать дальше.

Так оно и выходит.

— Ой, врешь,— недоверчиво говорит мать.— А ну-ка прочитай «Ангелу-хранителю»...

Димке хочется спать. Димка боится, как бы мать не узнала, что он опять спит со Шмелем, кроме того, он никак не может вспомнить первого слова. И Димка отвечает сердито:

— Не буду, чего без толку-то...

— Как без толку, дурак? — вспыхнула озадаченная мать.

Но Димка и сам видит, что сболтнул лишнее, и отвечает искренне и плаксивым голосом:

— И что это, право... днем сама ругалась, бабка по башке стукнула, Головень по шеям... ляжешь спать, и тут никакого покоя...

В голосе его чувствуется нотка обиды, и смущенная мать оставляет его одного...»

Приведем наконец еще один небольшой отрывок из нынешней второй главы повести. Сейчас мы читаем:

«Приехали сегодня зеленые, человек двадцать. Заходили дзое к Головню. Гоготали и пили чашками мутный крепкий самогон.

Димка смотрел на них с любопытством».

Раньше с последней фразы этого отрывка начинался у Гайдара небольшой самостоятельный эпизод. Вот как выглядел этот эпизод в газете:

«Димка смотрел из-за печки с любопытством, и в окошко видно было ему, как сидел верхом на соломенной крыше наблюдатель и смотрел не в поле, а на улицу, покрикивая Пелагеевой Маньке:

— Иди сюда, иди сюда, Гарпусенька... А, не идешь, сукина дочь, вот я до тебя слизу...

Но не слез, однако, потому что из-за ворот вышел другой, должно старший, и крикнул сердито:

— О то я ж тебе слизу, бабник... — И, заметив испуганную Маньку, сказал успокаивающе: — Та не бойся же, кралечка, идем до дому... — И тихонько пхнул ее пальцем в грудь».

Как легко заметил читатель, первые два из приведенных нами отрывков написаны в интонации, которая явно имеет в виду взрослого читателя. Нет нужды доказывать, что рассуждения героя повести Димки о том, что «убитые одни, а правды над ними две»,

хоть и хорошо выражают направление мыслей мальчика, не могли быть в повести для детей. Зато они не только уместны, но и нужны, и важны в повести, не имеющей в виду именно детского читателя.

А последний коротенький эпизод с Пеллагеевой Манькой уж и вовсе не укладывается в рамки детской книги.

Это лишь несколько примеров, доказывающих, что вначале Гайдар предназначал свою повесть для читателя вообще. А их, этих примеров, много.

ПИСЬМО В «ПРАВДУ»

Гайдар предложил Госиздату свою повесть, и она была принята к печати. Книжку выпустили быстро. На титульном листе ее стояло: «Аркадий Голиков. Р.В.С. Повесть для юношества». Вышла она с рисунками известного ныне крупного советского графика, а тогда еще начинающего художника, А. Пахомова.

Казалось бы, большая радость, новый успех! Выходит в свет уже третья книжка, да еще в самом солидном издательстве — в Госиздате.

Но что это? 16 июля 1926 года в «Правде» появляется письмо Гайдара в редакцию:

«Уважаемый тов. редактор! Не откажите поместить следующее письмо.

Вчера я увидел свою книгу «Р.В.С.» — повесть для юношества (Госиздат). Эту книгу теперь я своей назвать не могу и не хочу. Она «дополнена» чьими-то отсебятинами, вставленными нравоучениями, и теперь в ней больше всего той самой «сопливой сусальности», полное отсутствие которой так восхваляли при приеме повести госиздатовские рецензенты. Слащавость, подделывание под пионера и фальшь проглядывают на каждой ее странице. «Обра-

ботанная» таким образом книга — насмешка над детской литературой и издевательство над автором.

Арк. Голиков-Гайдар» *.

Что же так возмутило Гайдара? Почему молодой писатель, перед которым начали открываться двери таких крупных издательства, как «Земля и фабрика» и Госиздат, не побоялся, что его письмо может надолго закрыть перед ним эти двери? Не очень-то ведь любят строптивых авторов, да еще молодых.

Возмутили Гайдара, взорвали его, вывели из равновесия скука морализации, отталкивающая поучительность, внесенные в книгу при редактировании.

Трудно сейчас сказать, какая рукопись была представлена Гайдаром в Госиздат. Скорей всего — журнальный текст. Многие в госиздатовском варианте совпадает с ним. Но редактор или редак-

* Д. Ершов в статье «Проступление Гайдара» («Литературная Россия», 1964, 17 января) писал об истории появления этого письма так: «Летом 1926 года А. Гайдар пришел в редакцию «Правды» необычайно взволнованный, возмущался тем, что над рукописью его повести «Р.В.С.» в Госиздате расправились непозволительным образом. М. И. Ульянова, приняв Аркадия Петровича, попросила его написать об этом в «Правду». Едва ли утверждение Д. Ершова верно. В летописи, опубликованной в первом томе «Истории советской литературы», говорится, что «Р. В. С.» вышла в свет в июне. Гайдар же мог быть в Москве, лишь возвращаясь в Пермь из своей поездки, не позже чем в начале июня. Ведь уже 13 июня, после двухс половиной месячного перерыва, в «Звезде» появился фельетон «Загиб мозгов», написанный безусловно по возвращении в Пермь. Более убедительно утверждение Р. Фраермана («Наш Гайдар» в сборнике «Жизнь и творчество А. П. Гайдара»), что «Р. В. С.» Гайдар увидел уже в Перми. Письмо же было послано в «Правду», а не явилось результатом посещения редакции.

Б. Камов, о легком отношении которого к фактам нам уже довелось говорить, в статье «Командир отдельного полка» с весьма обзывающим подзаголовком «Эпизоды биографии Аркадия Гайдара» (альманах «Прометей», т. 2, 1967), вскользь сказав, что в Госиздате в 1926 году плохо отредактировали «Р. В. С.», указывает: «Возмущенный Гайдар куда-то даже там писал. Но что толку, если книга все равно испорчена». Между тем Б. Камов не мог не знать, что писал Гайдар не «куда-то даже там», а в «Правду» и что «Правда» напечатала возмущенное письмо Голикова-Гайдара.

торы действительно «обработали» повесть, совершенно не считаясь ни с манерой автора (пусть еще не совершенной!), ни, что самое главное, со взглядами и позицией автора.

Когда Гайдар писал, опираясь на хорошо знакомый ему материал гражданской войны и на свой глубокий интерес к детям, повествование его оказывалось жизненным, правдивым, естественным. Он не приспособлялся, не принаравливался. Именно это было в «Р.В.С.». В повести нет навязывания морали. Она полна действия, а не поучений. В ней правда жизни, а не схема.

А что произошло?

Повесть отредактировали, «поправили», сократили, пригладили, принаровили к своим ограниченным взглядам на задачи юношеской литературы и, не показав автору, напечатали.

Вместо энергичного начала, насыщенного действием, появилось вялое, как скучная газетная статья, разъясняющее, «экспозиционное» вступление:

«В 1918 году немецкие войска захватили Украину. Заняли они и родное село Димки. Тут они свозили к осевшим и полуразрушенным сараям сено и солому, заготовляя корм для скотины. Немцев прогнали красные. По Украине во время гражданской войны бродило много банд, захватывавших села и города. Красные войска боролись с этими бандами...».

Легко можно представить, как, вероятно, вскипел возмущением Гайдар, едва только получил в руки экземпляр своей книжки, раскрыл ее и прочел эти первые... совсем не его, абсолютно чуждые ему строки.

И чем дальше читал Гайдар свою повесть, тем больше она казалась ему не своей, чужой, испорченной. И вполне понятно, что, раздраженный редакторской отсебятиной, он не увидел даже и того положительного, что было все же в редакторской работе.

Нелепую боязнь, что читатель будет сам о чем-то думать, недоверие к читателю, убежденность в том, что все ему надо разъяснять и разжевывать,— вот что увидел Гайдар и что не могло его не возмутить.

У Гайдара было:

«Потом, сообразуясь с результатами разведки, высылал в дело конницу. И с визгом врвался в самую гущу репейников и чертополохов, которые геройски умирали, не желая даже под столь бурным натиском обращаться в бегство.

Димка ценит мужество, у кого бы оно ни проявлялось, и потому забирает остатки в плен» *.

А в госиздатовской книжке стало:

«Потом он с визгом врвался в самую гущу репейников и чертополохов, изображая атаку. Оставшийся несломанным чертополох представлялся ему захваченными в плен врагами...»

Редакторам в шорах казалось совершенно неуместным, что Димка может ценить мужество во врагах! И им ничего не стоило заменить описание того, что происходит, разъясняющим сообщением, что «оставшийся несломанным чертополох представлялся ему захваченными в плен врагами».

У Гайдара деревенский мальчишка Димка изображает в игре то командира красных, то белогвардейского командира. Захватив пленных, он обращается к ним с гневной речью:

«— А... каиновы дети! продажные дети! против кого идете? против своего брата рабочего и крестьянина. Генералы вам нужны да адмиралы...»

Или:

«— Коммунию захотели, стервецы! Свободы захотели? Против законной власти...»

Но советскому мальчику, конечно, не пристало даже в игре становиться на позиции врага. И в книжке дается только первая реплика Димки, а дальше деликатно указывается: «Он изображал сейчас командира Красной Армии».

У Гайдара сцена, в которой незнакомец спасает Димку от избияния Головнем, заканчивается тем, что незнакомец и его отряд ис-

* Здесь и дальше, сравнивая с госиздатовским, мы цитируем журнальный вариант повести.

чезают на горизонте. Это кажется недостаточным госиздатовским редакторам, и они, ничтоже сумняшеся, от себя дописывают уточняющие, разжевывающие пояснения, дабы у читателя — упаси боже! — не осталось сомнения в смысле происходящего: «И с благодарностью Димка глядел вслед незнакомому всаднику в черном костюме, с красной звездой на груди, который спас его от Головня. Он не знал, что он очень скоро вновь встретится с этим незнакомцем».

У Гайдара рассказывалось (это великолепное место и сейчас сохраняется в тексте повести) о беспокойно бурлящей жизни, о том, что по селам то банды гонялись за красноармейцами, то красноармейцы за бандами, то банды дрались между собой. Редакторы же исправили, подчистили, и вместо картины действительности появилась новая вставка: «А война шла вокруг, задевая часто и родную деревню Димки. Красноармейцы гонялись за бандитами. Сильней других банд были банды Козолупа и атамана Левко. Козолуп и Левко враждовали друг с другом. А Красная Армия сражалась и против Козолупа и против Левки». Куда как благополучнее стало выглядеть положение дел!

У Гайдара Димка, которому нужен был йод, чтобы оказать помощь незнакомцу, идет за ним к попадье, но говорить ему придется с попом, отцом Перламутрием, которого он называет бабушкой. И это кажется редакторам неудобным, даже неприличным. Как же так, советский мальчик — да вдруг имеет дело с попом... И вот под редакторским пером происходит превращение. Поп уже не поп, а «Перламутрий, некогда священник, а теперь фельдшер, лечивший всю деревушку — и людей, и скотину». Ну а коли так, то Димке уже не приходится общаться со священником, и он уже может называть его не бабушкой, а дедушкой!

Современный читатель хорошо знает, как заканчивается сейчас «Р.В.С.» — очень лирично, немного грустно, а в то же время светло. Димка получил пропуск и уедет в Петроград, к отцу. Жигану выдали бумагу с полковой печатью, в которой содержится просьба «оказывать ему, Жигану, содействие в пении советских песен по

всем станциям, поездам и эшелонам». Отряд уехал. «Улеглось облачко пыли, поднятое копытами над гребнем холма. Проглянуло сквозь него поле под гречихой, и на нем — больше никого».

Именно так было у Гайдара и в журнальном и газетном вариантах повести. Но редакторам из Госиздата не понравился такой конец. Подобно полковому комиссару в повести, они засомневались, можно ли награждать беспризорника документом, поощряющим, санкционирующим беспризорничество. Но полковой комиссар у Гайдара сомневался очень недолго и, улыбнувшись, «тиснул по бумаге» печатью. А неспособные улыбнуться редакторы не могут решиться на такой поступок. Посомневавшись, они комкают весь конец, выкидывают великолепный эпизод.

Наскоро выдумывается история о том, как Жиган «хвастался и бахвалился так, как будто ничего ни от кого ему не нужно. И когда кто заикался о том, что в награду за подвиг он может о чем угодно просить, он махал рукой и заливался: «Он такой! он сам всякому награду дать может!» А ближе к концу сообщается: «Как он жалел потом, что хвастливыми словами отверг помощь всадника в черном костюме, с красной звездой на груди!» Впрочем, этого показалось мало. И редакторы (это ведь все их тексты!) еще раз напоминают: «Чем больше удалялся отряд, тем грустней становился Жиган. Он только теперь сообразил, куда его завело хвастовство. Опять ему ходить с песнями по эшелонам. А ведь могла в гору пойти жизнь. Не отказал бы ему в помощи незнакомец. Зачем бахвалился он, что не нужно ему ничего? Но было уже поздно раскаиваться...» Но и этого мало. После чудесной концовки повести, которая сохранилась почти в неизменном виде с чернового варианта и до ныне печатающегося, госиздатовцы сделали еще одну приписку: «И никогда больше не встретится Жиган с всадником в черном костюме и с красной звездой на груди. Худенькие руки Жигана крепко держались за перекладины, а большие синие глаза уставились вдаль».

Словом, в госиздатовском варианте Димка оказался в роли паймальчика, получившего награду за добродетель, а Жиган не ожи-

данно превращен в конце в бяку-мальчика, наказанного за хвастовство. И все очарование гайдаровского конца повести исчезло.

Очень жаль, что и до сих пор делаются попытки исправлять, приглаживать Гайдара, который, как детский писатель, замечателен как раз тем, что он разговаривает со своим читателем по-серьезному, не увлекается «нравственной назидательностью детского чтения», от увлечения которой предупреждал в свое время Н. А. Добролюбов, и показывает читателю правду жизни. О таких попытках убедительно говорит И. А. Свирская в интересной статье «О борьбе за подлинные традиции А. П. Гайдара в советской детской литературе»^{*}. И. А. Свирская приводит такой пример: «В пьесе И. Романовича «Судьба барабанщика» (М., Детгиз, 1959) автор, к великой радости тех мамаш, которые боятся этой повести, «улучшает» мачеху Валентину. Видимо, с этой целью совсем убирается со сцены ее второй муж, но зато вводится совершенно новый персонаж — некий Владимир Николаевич, квартирант семьи Сергея...» Ну как же, как же можно, чтобы советские дети-зрители думали и знали, что у иных женщин бывают вторые мужья!

Выше мы говорили о том, как Гайдар, превращая «Р.В.С.» в повесть для детей, избавлялся от интонаций повести для взрослого читателя. Но он никогда не считал, что от детей надо прятать правду жизни.

ХОРОШЕЕ НАЧАЛО

В «Р.В.С.», даже в ее первоначальной редакции, при всех ее многочисленных шероховатостях и стилистических недостатках (что даже тогда признавал сам Гайдар), заложено уже то, что сделало впоследствии Гайдара детским писателем, заложены качества, о которых мы говорили, разбирая его первые рассказы о детях. Это —

^{*} «Ученые записки» Горьковского пединститута им. А. М. Горького. Серия филологических наук, вып. 70. Горький, 1966.

его умение слышать, видеть, чувствовать, передать мир ребенка со всем своеобразием восприятия окружающего. Это — его ощущение детей и отношение к ним, как к равным себе. Это — его глубокая убежденность в том, что дети и взрослые не два разных мира, а один. Это — отсутствие даже малейшего оттенка снисходительности в отношении к детям.

Все это отчетливо ощущается в первых двух вариантах повести. Есть в них и острая наблюдательность молодого писателя, и способность раскрыть психологию ребенка, и умение видеть мир его глазами.

Не мудрено поэтому, что, прочитав свою книжку в госиздатовской «обработке», Гайдар был необычайно возмущен. Ведь он был совершенно прав в своем, мягко говоря, не очень-то вежливом письме, что в его повести появились и редакторская отсебятина, и нравоучения, и сопливая сусальность, и слащавость, и подделывание под пионера, и фальшь. Прав был Гайдар и в утверждении, что «обработанная» таким образом книга — насмешка над детской литературой и издевательство над автором. В этом злополучном издании повести в значительной мере выхолощена правда жизни. Мириться было невозможно...

К чести Гайдара надо сказать, что госиздатовская порча повести не охладила его и он продолжал работать над «Р.В.С.», совершенствуя вариант ленинградской «Звезды» и используя в какой-то мере и первый, черновой, газетный вариант.

В Перми, куда Гайдар вернулся из своей поездки в первой половине июня, он жадно набросился на работу в газете. С середины июня он уже снова обильно печатается в «Звезде». Появляется много его фельетонов, стихи, рассказ «Пути-дороги».

Письмо в редакцию появилось в «Правде» через месяц с лишком после возвращения в Пермь из поездки. Это было, конечно, известным моральным удовлетворением для Гайдара, который и в истории с «Р.В.С.» проявил прямоту своего характера, непримиримость с тем, что он считал неверным, вредным.

А. Гайдар (в центре) в группе работников редакции и конторы «Звезды». Слева от него — Н. Кондратьев. Мерт 1926 года.

Обложка, титульный лист и первая страница текста книги Арк. Гайдара «Всадники неприступных гор», выпущенной в 1927 году в Москве издательством «Молодая гвардия».

В ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОМ ЖАНРЕ

ПРОБА СИЛ

Появление в «Звезде» приключенческих повестей Гайдара отвечало требованиям читателя, который хотел видеть в газете интересный литературный материал, и требованиям редакции, заинтересованной в таком материале для усиления спроса на газету.

«Звезда» и прежде не раз пыталась создавать «романы с продолжением», подобные тем, какими привлекали читателя еще дореволюционные газеты. Печатались «коллективные романы» «Гуров с Заимки» П. Варасова и Г. Короткова, «Товарищ Газ» Л. Неверова и И. Орестова, остро-приключенческие романы «из заграничной жизни» — «Остин № 7» и «Секретный документ» А. Дьяконова. Все это были романы своих сотрудников. Увы, успеха они не имели.

Давала газета и другой литературный материал.

В 1924 и 1925 годах, летом, на своем хуторе Каменка под Пермью жил известный в стране и популярный среди пермяков поэт Василий Камечский, писавший и прозу. Он давал в газету не только стихи, но и рассказы и очерки — «Большой масштаб», «Бал в гумне», «Золото на подметках»,

«Селькор № 1», «Яшка — председатель школьников», «Железная кобыла», «Фейерверк в вагоне», «Деревенский театр» и др. Это были интересные в литературном отношении и ярко публицистические произведения. Часть их вошла позже в книгу «Лето на Каменке». Помещала «Звезда» рассказы А. Серафимовича, очерки М. Шагинян. Но не только этот доброкачественный материал перепечатывала газета...

Еще в 1923 году при «Звезде» была создана «мастерская слова «Мы», названная так в духе «Пролеткульта» и «Кузницы» и переименованная позже в «литературное гнездо «Звезды», а затем и просто в литературную группу. С февраля 1924 года стала появляться страница — «Литературный день «Звезды». Появлялась она нерегулярно, с большими перерывами, и несколько заметнее стала лишь в 1926 году. Позже литературная страница переросла в литературное приложение к «Звезде», очень скромное по объему. В нем пробовали свои силы начинающие. Привлечению читателя литературная страница служила слабо.

Газета была весьма заинтересована в литературном материале. И работа Гайдара оказалась ей очень полезной.

Как писатель, Гайдар в период жизни на Урале находился в непрерывных поисках, пробовал себя в разных литературных жанрах.

Взялся он и за приключенческие повести. Уже «Лбовщина» строилась как приключенческая повесть. Уже в ней Гайдар стремился создать легкочитающееся, занимательное по фабуле, увлекательное произведение. И когда он предложил редакции свою «Р.В.С.», он также, несомненно, учитывал, что происшествия периода гражданской войны, о которых в ней говорится, все перипетии спасения ребятами командира Красной Армии отвечают этой задаче.

Повести имели успех у читателя и давали Гайдару некоторые основания считать, что и чисто приключенческая повесть должна у него получиться.

Так появились «Тайна горы» и «Рыцари неприступных гор».

С 8 по 30 сентября 1926 года в семнадцати номерах «Звезды» была напечатана «Тайна горы». Как «Жизни ни во что» и «Р.В.С.», ей предшествовала широковещательная реклама. 31 августа появилось объявление:

«Тайна горы». Фантастический роман Гайдара.
Начнет печататься с первых чисел сентября».

С подзаголовком «Фантастический роман Гайдара» «Тайна горы» и печаталась. Однако такое определение жанра нового произведения было неверным.

По своему характеру, по охвату событий это, конечно, повесть, а не роман, и повесть приключенческая. Она изобилует описаниями самых невероятных происшествий, преследований, покушений, убийств, перестрелок, таинственных неожиданностей, которые интригуют читателя. Фантастическим в ней было только то, что Гайдар перенес действие на одиннадцать лет вперед, указав, что события, с которых она начинается, развернулись «в 9 часов вечера 25 июня 1937 года», да в начале повести пытался показать какие-то черты будущего быта. Тут появляются доставщик телеграмм на мотоциклете, телефон-автомат, беспроводный телефон на речном пароходе, саморазогревающиеся консервы — то, чего не было в обиходе, когда писалась повесть. Но это, кажется, и все. Дальше автор забывает о своем намерении показывать обстановку «будущего», и действие происходит в обычных для двадцатых годов условиях быта.

Повесть писалась специально для «Звезды», и Гайдару хотелось придать ей местный колорит. Упоминаются Пермь, ее Сибирская улица (теперь ул. К. Маркса) с находящейся на ней редакцией газеты, река Вишера, город Чердынь, Кама, пароход «Красная звезда», действительно существовавший в то время. Но упоминания эти очень мимолетны. Действие развертывается на Печоре, далеко к северу от Перми, причем Гайдар не очень заботился о создании северного локального пейзажа (на севере Урала Гайдар

не бывал). Задача его была другая: захватить внимание читателя и держать его с напряжением.

Надо отдать справедливость автору. Он обнаружил неистощимую выдумку в нагромождении всяческих происшествий. Повесть насыщена действием, события, одно за другим и одно другого неожиданней и таинственней, лавиной обрушиваются на читателя, заставляя его с нетерпением ожидать, что же произойдет дальше. Гайдар умел писать интересно.

Поскольку повесть переиздавалась всего один раз*, вскоре после опубликования ее в «Звезде», то есть сорок лет назад (сам Гайдар числил ее позже среди «совсем еще слабых»), знакомим читателя с ее содержанием.

Американские капиталисты получили где-то, на пятьсот километров к северу от Чердыни, на Печоре, концессию на добычу золота. Они хотят расширить ее и, обнаружив золото севернее района концессии, «умышленно подчеркивали, что делаются разведки к юго-востоку, давали фальшивые отчеты о якобы открытых в той стороне россыпях». Это нужно было американцам для того, чтобы легче получить северный участок. Советский журналист Реммер, действуя самостоятельно, на свой страх и риск, следит за неким Штольцем, который помогает концессионерам. Реммер подозревает в нем бывшего белогвардейца. События разворачиваются в связи с поисками пещеры, в которой должно быть очень много золота. Между группой Штольца и Реммером, действующим с женой Верой, приятелем Баратовым и случайно приставшим к ним вятским мужиком Иваном возникают стычки, доходящие до перестрелок. В конце концов Реммер оказывается со своей группой в пещере, где в последний раз сталкивается со Штольцем. Когда положение Реммера становится, казалось бы, безвыходным, на помощь ему приходит живущий с давних пор в гроте, высоко над основной пещерой, бывший красный партизан Семен Егоров. В 1919 году

* «На суше и на море». Первый сборник путешествий и приключений, М.—Л., 1927.

он бился против бродивших по северу отрядов чехословацкого генерала Гайды. В последней схватке с врагами Семен Егоров получил страшный удар в голову, разум его помутился, и он остался на всю жизнь в гроте пещеры. Он знал Штольца как яркого белогвардейца. Егоров умирает на руках Реммера, но благодаря оставленным им запискам становится известно, почему концессионеры так упорно искали таинственную гору, вокруг которой разворачиваются события*. Оказывается, убив одного из белогвардейцев, виновника несчастья Егорова, концессионеры овладели обрывком плана пути к богатой золотом горе. План попал в руки Штольца не целиком, и это осложнило поиски пещеры.

Таково содержание повести. И тут следует сказать, что даже в поисках занимательного сюжета Гайдар не хотел оторваться от тем, почерпнутых из реальной жизни, тем, близких ему. В «Лбовщине» он создавал читабельную повесть на основе исторического материала о партизанской борьбе против царского правительства. В «Тайне горы» он связал борьбу против прибегающего к грязным приемам иностранного капитала с минувшей гражданской войной. Он хотел показать, что на хозяйственном фронте продолжается та же борьба, что и здесь нужна бдительность.

В 1926 году, когда писалась «Тайна горы», советское государство еще продолжало практику сдачи в концессии иностранным капиталистам отдельных предприятий, начавшуюся с новой экономической политикой. В. И. Ленин указывал в 1921 году в брошюре «О продовольственном налоге», что, в силу нехватки машин, продовольствия, транспорта, советское государство может разрабатывать еще не все и что «в меру и осторожно прозеденная, концес-

* А. С. Рулева в своей работе «Первые повести А. П. Гайдара» (Ученые записки) ЛГУ, № 275. Серия филологических наук, вып. 53, Л., 1959) напрасно кажется нам, утверждает, что «в центре произведения — образ загадочного существа, помогающего Реммеру и Баратову...», имея в виду Семена Егорова. Не надо заметить, что помощь Егорова приходит лишь в самом конце. А на протяжении всей повести образ его не играет даже мало-мальски существенной роли в развитии действия.

сионная политика, несомненно, поможет нам улучшить быстро (до известной, небольшой, степени) состояние производства, положение рабочих и крестьян,— конечно, ценой известных жертв, отдачи капиталисту десятков и десятков миллионов пудов ценнейших продуктов»*.

В 1926 году, опираясь на успехи в восстановлении народного хозяйства, советское государство начало уже сильно сокращать заключение концессионных договоров. И Гайдар ошибался, отнес действие повести к 1937 году. К этому времени были ликвидированы почти все концессии.

Однако в то время, когда писалась повесть, ее мысль была еще безусловно актуальна, и она интересна, так как характеризует жизненные позиции Гайдара.

Но эта мысль отступает на второй план построением повести, той литературной манерой, в какой она написана. Преобладает стремление как можно более изощренно «закрутить», усложнить сюжет. При этом теряется порою логика повествования и логика поведения героев.

Концы с концами в «Тайне горы» не сходятся. Многие из происходящего в повести никак не объясняется автором.

В самом начале повести «серый англичанин в костюме, немного помятом в дороге, подъехал к квартире Реммера. Там он оставался не более трех минут, ибо в ней никого не было, кроме уходящей домой Веры. И Вера слышала, как он сказал своему спутнику...» Что делал в квартире англичанин? Почему Вера оказалась посторонней наблюдательницей и уходила «домой», если была в квартире, где живет с Виктором Реммером, своим мужем? У Реммера со Штольцем, утверждает в повести, были «старые счеты», но в чем они состояли, мы так и не узнаем. «Вятский мужичок» Иван был человек «хитрый и дошлый». Он, подобно многим другим, кинулся в верховья Печоры, прослышав о возможности разбогатеть на поисках золота. Почему этот жадный до богатства Иван

* В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 43, стр. 224.

неожиданно, без всяких объяснений, после первой же встречи с Реммером и Баратовым в лесу присоединяется к ним, вместе с ними участвует в борьбе против Штольца и даже, вопреки своим человеческим качествам, проявляет и мужество, и стойкость, и чувство товарищества? Каким образом Вера, Баратов и дядя Иван попали в пещеру, в которую случайно провалился Реммер, в пещеру, которую столь долго и безуспешно разыскивали все герои повести?

Такие «почему» постоянно возникают при чтении. Сказывалась поспешность, с какой создавалась «Тайна горы». Ведь написана она была за очень короткий срок, уже по возвращении Гайдара в июне из поездки на юг. Печаталась она «с колес», по мере того как писался очередной газетный подвал. Сказывалась, конечно, и нетребовательность Гайдара к себе.

Вот почему в «Тайне горы» постоянно появляются шаблоны и тривиальности, характерные для «Жизни ни во что». Рассказывая о прощании Веры с Реммером, Гайдар пишет: «Накинув ему на шею петель гибкие смуглые руки, она спросила напоследок...» Рисуя некоего мистера Пфулля, Гайдар говорит о нем словами старого романа: «Мистер Пфульль был дома, сидел в кресле с грелкой на животе и с ногами, укутанными в плед,пил какао». Налицо все аксессуары «великосветскости»! О раненом говорится, что «он гневно забормотал что-то, и розоватой пеной окрасились его губы». «Глаза Запольского засветились злым огоньком, и он добавил полупшепотом и странно улыбаясь». Реммеру мысль «показалась настолько дикой, что он рассмеялся странным горьким смехом», и у него же «кривая усмешка перекосила... ровное лицо».

Как видит читатель, художественные достоинства «Тайны горы» невелики. Но конец повести, в котором появляется старый партизан Семен Егоров, читается по-иному. Что-то изменилось в ней. И характер повествования изменился, и язык стал другой. Сам Семен Егоров произносит всего несколько фраз — герои повести встречают его уже умирающим. Но мы узнаем его и по оставленному им дневнику. Язык дневника неожиданно точный, выразитель-

ный, емкий, индивидуализированный. Это рассказ старого партизана о боевых делах.

«В 1919 огнезом году оторвался от главных сил отряд под командой т. Чугунова, и, очутившись в дебрях глухих лесов, поклялся т. Чугунов, а также и все революционные бойцы в ненависти к генералу Гайда и прочим контрреволюционерам и решили бить нещадно партизанским способом всех белогвардейцев и дожидаться, пока будет Советская власть либо пока самим конец не придет. И, на том порешивши, начали рыть землянки в лесу, чтобы можно было где после боев, а также от холода и дождя головы приткнуть. А в это время готовилась уж им контрреволюционная измена со стороны адъютанта т. Кречета, который впоследствии оказался не только не товарищем, а просто наемным агентом, да к тому же и бывшим офицером».

Егоров попадает в плен к белым:

«И бросили в чулан, а в чулане я лежу и слышу, как разговаривают они промеж себя и спешно под окнами отряд собирается, чтобы сделать, значит, нападение на то место, где стоит наш беспечный партизанский отряд. И, услышав такое дело, выломал я собственными руками доску из полу, пробрался под полом под крыльцо, а из-под крыльца убежал ночью и бежал все сорок верст без передышки, весь изорвавшись в кровь о сучья, но все же прибежал вперед и, взявши в руки свой неизменный сигнальный рожок, затрубил тревогу, и, когда понеслись со всех сторон партизаны, спросил меня сердито тов. Чугунов: «В чем дело, сигналист, и по какому поводу подаешь ты сигнал-тревогу», то ответил я ему на это: «Измена».

Заканчивается повесть строками, посвященными Егорову:

«Старый партизан умер, когда рассветало. Умер, крепко прижимая к груди сигнальный рожок, один из тех, которые давно-давно когда-то протрубили смерть генералу Гайде и всем прочим генералам белых банд.

Только теперь, днем, товарищи увидели широкий выход из пещеры, обращенный в сторону, совершенно противоположную той,

с которой его искали. И лучи, широким потоком ворвавшись в проход, ласково падали на седую голову умершего человека и перебегали светлыми пятнами по пыльному красному знамени, много лет стоящему над изголовьем прежнего красноармейца.

Во всем последнем эпизоде, в частности в дневнике Семена Егорова, отчетливо улавливается язык рассказов Гайдара на героико-революционные темы. Это язык Гайдара, когда он касается самой близкой ему темы, свежий, выразительный, насыщенный революционным пафосом.

«Тайна горы» имела меньший успех у читателя, чем «Лбовщина» и «Р.В.С.». Но успех все же был. И Гайдар написал еще одну повесть.

ДВЕ ПОВЕСТИ В ОДНОЙ

«Худшая моя книга — это «Всадники неприступных гор». Она какая-то недоделанная и, главное, манерная.

А писать надо только искренно, потому что сколько ни подлаживайся, ни манерничай, умный читатель всегда угадает и не поверит».

Так сурово и, более того, жестоко характеризовал свою повесть Гайдар в «Обыкновенной биографии в необыкновенное время», написанной для юбилейного, по случаю десятилетия, номера журнала «Пионер», в 1934 году.

Оценка эта относилась к книжке, выпущенной в 1927 году в Москве издательством «Молодая гвардия». Гайдар начал писать ее в 1926 году в Перми и заканчивал после переезда из Свердловска в Москву, в Кунцеве, о чем свидетельствует большой друг Гайдара Р. Фраерман*.

Еще в Перми, в «Звезде», был опубликован отрывок из книги, под названием «Рыцари неприступных гор».

* «Наш Гайдар», В сб.: «Жизнь и творчество А. П. Гайдара». М., 1964, стр. 162.

При всех действительных недостатках повести нельзя все же целиком согласиться с уничтожающей авторецензией Гайдара. Скорее можно присоединиться к мнению Р. Фраермана. Имея в виду «Всадников неприступных гор» и «На графских развалинах», он утверждает:

«Эти вещи хотя и были напечатаны, но успеха не имели. Критика встретила их молчанием. Они не были замечены в общем потоке литературы тех лет, не выделяясь ни одной своей стороной или особенностью.

И все же благосклонный, внимательный критик мог бы увидеть и в этих ранних произведениях Гайдара живой энтузиазм советского человека, хороший слог, умный, естественный разговор и присутствие поэтических картин, взятых из действительной жизни»*.

Повесть оказалась у Гайдара построенной весьма своеобразно. Это скорее две разнохарактерные повести, которые автор соединял одной общей мыслью о вечном рождении нового в жизни. Они разностильны; даже написаны по сути дела с разных позиций. В этом смысле прав был Гайдар, называя повесть недоделанной.

Первая, та, что опубликована лишь в книге **, — живой, часто взволнованный рассказ о путешествии трех приятелей по югу страны. В ней много искренности, непосредственности молодого Гайдара. В ней высказываются его взгляды на жизнь, отношение к ложной романтике и романтике действительности. Она напоминает рассказ «Пути-дороги».

А вторая часть, занимающая добрую половину книги, представляет собой почти самостоятельную приключенческую повесть.

Мы рассматриваем прежде всего работу Гайдара в газете, поэтому позволим себе обратиться сначала к той части, появлению

* «Наш Гайдар». В сб.: «Жизнь и творчество А. П. Гайдара». М., 1964, стр. 162.

** Арк. Гайдар. Всадники неприступных гор. Повесть. М.-Л., 1927.

которой на страницах «Звезды» несомненно было результатом продолжения поисков в жанре приключенческой повести.

Напечатанное в газете (в одиннадцати номерах, с 5 по 18 декабря 1926 года) — вторая часть книги с предшествующей ей заключительной главой первой части. В этой главе объясняется, почему товарищи Гайдара по путешествию покинули его и он остался один. Дальше начинается приключенческая повесть.

Как и каждый раз перед публикацией новой повести Гайдара, в «Звезде» появилась реклама. Одно из объявлений предупреждало и угрожало:

«Если к пятому числу не выпишешь «Звезду», то не сможешь прочесть новую повесть ГАЙДАРА «Рыцари неприступных гор».

2 декабря в газете появилось объявление, в котором читатель знакомился с тем, о чем пойдет речь в повести. Приводим это объявление целиком:

«5 декабря начинает печататься в «Звезде» вполне законченный отрывок повести Гайдара «Рыцари неприступных гор (В стране хевсуров)». Страна хевсуров действительно существует. Это маленькое, затерявшееся в горах Кавказа, племя, где еще до сих пор многие носят кольчуги, никогда не расстаются с оружием и, запершись в стенах каменных замков, ожидают нападения соседей или нападают сами. Умышленно смешивая действительность с вымыслом, Гайдар сумел составить острую, занимательную и с неослабеваемым интересом читаемую повесть».

Объявление было, по всей вероятности, написано самим Гайдзром, во всяком случае, при деятельном его участии. Оно правильно характеризует отрывок, названный в подзаголовке «В стране хевсуров». Подобно «Тайне горы», он насыщен всевозможными приключениями — стрельбой, схватками с оружием в руках, падениями в реку со скалы, замками, закованными в цепи пленниками, убийствами.

Говоря же о действительности, которая умышленно смешивается с вымыслом, Гайдар имел в виду слабовывявленную и заслонен-

ную происшествиями приключенческого характера мысль о борьбе за становление Советской власти в горной Хевсуретии.

События изображаются как сон, увиденный Гайдаром во время одного из приступов его болезни. Как и рассказ «Первая смерть», Гайдар начинает «В стране хевсуров» с воспоминаний о приступе болезни.

«Так прошла ночь. Утром поднялся разбитый, измученный, голова была тяжелая, а в виски стучали молоточки мерно и ровно: тук-тук, тук-тук.

Я вздрогнул. Я не люблю и боюсь этого стука — это стучит темнота. Часто после такого постукивания в голову врывались сумерки, и тогда предметы теряли свои очертания, а краски и оттенки сливались в одно и нога ступала наугад.

Тогда доктор 1-й московской психиатрической — Моисей Абрамович укоризненно покачивал головой над койкой распределительной палаты и говорил ласково:

— Ай-ай, батенька, опять к нам. Ну, ничего. Два-три дня, и все поправится.

Потом, когда выписывали, жал мне руку и предупреждал:

— Ну, пожалуйста... образ жизни самый регулярный. Травма... истеропсихо... и т. д. Пожалуйста, чтобы больше не попадать.

И на руки выдавалась справка о том, что «во столько-то часов был доставлен в лечебницу в сумеречном состоянии». И почти всегда перед этим загадочным состоянием молоточки в виски — тук-тук»*.

И заканчивается вторая часть книги опять-таки воспоминанием:

«Доктор Владикавказской нервной клиники, не Моисей Абрамович, — пожимал мне руку и говорил:

— Ну, смотрите, больше никаких потрясений. Травма. Истеропсихо... Образ жизни — самый регулярный. Больше пейте молока и чтобы никаких Хевсуретий».

Таким образом, вся история, происходящая в стране хевсуров,

* Здесь и дальше цитируем по книге, язык которой заметно чище, чем в газетной публикации. — Авт.

представляется как бредовый сон: «Далекий сон — страна умирающих рыцарей, страна железных кольчуг и каменных замков — странный сон уплыл прочь».

Суть вставной повести заключается в следующем. Гайдара захватывают всадники жестокого Уллы, главы племени хевсуров, не признающего ничьей власти, кроме своей собственной. Гайдар наблюдает и даже участвует в борьбе молодого Рума, затевающего восстание против Уллы для установления Советской власти.

В диалоге с Гайдаром Рум очень четко формулирует то, чего он добивается:

«— Жизни,— помолчав, сказал он.— Мы — мертвый народ. Мы живем в каменных норах, тысячу лет все там же и все так же. Я был внизу, я видел, что там работают, живут свободно, спокойно. Я видел там такое, чему здесь даже не верит мне никто... Надо все менять, надо перерезать горло всем главарям, таким, как Улла, потому что они мешают жить».

Это высказывание выражает основную идею повести. Старое не может сохраниться. Как бы оно ни цеплялось за жизнь, оно обречено на гибель. Жизнь, против которой выступает Рум, может быть, и привлекательна со стороны. Ведь она насыщена всяческой экзотикой. Но тех, кто вынужден жить этой жизнью, она не может удовлетворить. Это жизнь ограниченная, тупая, рабская. С ней надо бороться.

Однако, как и в «Тайне горы», основная мысль тонет в бесконечных приключениях, почти все время имеющих самостоятельное, самодовлеющее значение.

Совсем иной характер первой части повести, посвященной путешествию трех друзей. Один из них — сам Гайдар. Другой — Николай, лицо, наделенное многими чертами приятеля Гайдара Николая, с которым он в действительности совершил поездку по Средней Азии и Кавказу. Третья — вымышленная героиня — Рита.

Кстати сказать, в небольшой аннотации, которой сопровождалась публикация «Рыцарей неприступных гор» в «Звезде» (опять-таки, весьма вероятно, не без участия самого Гайдара), говорилось:

«Печатаемый ниже законченный отрывок повести Гайдара является только частью целой книги, выходящей скоро отдельным изданием в Москве. Хотя повествование ведется от лица автора, повесть эту все же нельзя считать автобиографичной, особенно во второй ее части». После такого достаточно наивного сообщения о том, что сверхприключенческая вторая часть повести не автобиографична, аннотация продолжает: «В первой — автор рассказывает о том, как, познакомившись с Ритой, танцовщицей, которую любил его друг Николай, — они втроем отправляются в Среднюю Азию. После целого ряда всевозможных приключений и встреч на пути от Самарканда до «каторжного города» Красноводска путешественники переплывают Каспийское море и попадают на Кавказ. Однако к этому времени Рита, тонко окруженная сетями все еще любящего ее Николая, начинает открывать у автора якобы ранее незамеченные черты эгоизма и черствости.

Отрывок начинается здесь как раз с описания того момента, когда напряжение во взаимоотношениях достигло крайней степени и последовал разрыв, в результате которого автор и попал в страну рыцарей».

Как легко можно заметить, аннотация, рассказывая о первой части повести, делает упор на любовную линию. Однако не чисто любовная линия основное в этой части. В ней нет напряженного сюжета. Связующим началом действительно являются взаимоотношения между Ритой и двумя приятелями. Но суть заключается в том, что герои повести — очень разные люди, и главное содержание составляют их столкновения, поводом для которых служат встречи и происшествия в дороге.

«— В Узбекистане женщины ходят с закрытыми лицами. Там цветут уже сады. В дымных чайханах перевитые тюрбанами узбеки курят чилим и поют восточные песни. Кроме того, там есть могила Тамерлана. Все это, должно быть, очень поэтично, — восторженно говорил мне Николай».

Но Гайдар возражает ему:

«— Могила Тамерлана, вероятно, так и осталась могилою, но в

Самарканде уже есть женотдел, который срывает чадру, комсомол, который не признает великого праздника Ураза Байрам, а потом, вероятно, нет ни одного места на территории СССР, где бы в ущерб национальным песням не распевались «Кирпичики».

И еще разговор.

«— Я люблю цветы,— сказал Николай и осторожно взял Риту за руку.

— Я тоже,— ответила она ему и еще осторожней отняла руку.

— А ты? — И она посмотрела на меня.— Что ты любишь?

Я ответил ей:

— Я люблю свою шашку, которую снял с убитого польского улана, и люблю тебя.

— Кого больше? — спросила она, улыбаясь.

И я ответил:

— Не знаю».

«— Мне нравится этот город,— сказал Николай.— Я много лет мечтал увидеть такой город, но до сих пор видел только на картинках и в кино. Здесь ничего еще не изломано; все продолжает спать и видеть красивые сны.

— Неправда,— ответил я, бросая окурочек.— Ты фантазируешь. Из европейской части города уже добирается до тубетеечных лавок полуразвалившегося базара узкоколейка. Возле коробочных лавок, в которых курят чилим сонные торговцы, я видел уже вывески магазинов госторга, а поперек улицы возле союза кошчи протянут красный плакат...»

Гайдар весь в сегодняшнем дне революции. Он видит положительное в жизни и верит в ее светлое начало. Но не закрывает глаз и на ее отрицательные стороны.

«— Так. Теперь мы совсем бесприютные и беспризорные (это говорит Рита.— Авт.). Я никогда еще не ночевала в развалинах. Но я ночевала однажды на крыше вагона, потому что в вагоне ночью лезли ко мне солдаты.

— Кто? Красные?

— Да.

— Неправда. Красные не могли лезть, ты выдумываешь,— возмутился Николай.

— Могли, сколько угодно,— сказал я.— Поверь мне, я был больше тебя там и знаю лучше тебя».

Так постепенно вырисовываются в повести основные герои. В их столкновениях, в скрещениях часто противоположных и, во всяком случае, очень различных взглядов на жизнь выявляются и взгляды автора.

Гайдар в повести — человек, глубоко уверенный в победной поступи социализма. Его привлекает сегодняшний день, сегодняшняя жизнь. Романтический ореол «красивой старины», «красивых снов» его не трогает. Он весь в кипучести жизни и борьбы. Он очень тверд в своих убеждениях.

Случилось однажды, что на улице города заметили ядовитую змею. Убивали ее все. Она оказалась живучей. Добил ее Гайдар. Это вызвало спор между приятелями. На одной стороне — Гайдар, на другой — Рита, которая возмутилась тем, что Гайдар все же добил змею. Риту поддержал Николай.

«— Да, но она выжила все-таки! Она страшно цеплялась за жизнь, и можно было бы оставить,— чуть-чуть смущенно заступился за Риту Николай.— Ты знаешь, существовал обычай, что преступнику, сорвавшемуся с петли, даровали жизнь».

— Глупый обычай,— ответил я.— Или не надо начинать, или, если уж есть за что, то пусть он сорвется десять раз, а на одиннадцатый должен быть повешен. При чем здесь случай и при чем здесь романтика?».

Иным предстает перед читателями Николай. «Он грезит девятнадцатым годом и из партии автоматически выбыл в двадцать втором».

Новая экономическая политика с ее допущением частного капитала в торговлю, в промышленность, в развитие производительных сил страны воспринималась частью коммунистов, как отступление от революции, как сдача революционных позиций. Иные из них выходили в то время из партии, потому что не были согласны

С У Д

Дело тов. Гайдара.

«Шумит ночной Марсель» — к недостаткам нашей работы в газете фельетона, за который тем помогали их устраивали. Личность Филатова отнюдь интересна для газеты и не

Пермский фельетонист под судом.

(От нашего специального корреспондента).

На днях, во время работы Пермского наркомата слушался интересный случай по обвинению Филатова в нарушении закона.

Филатов, являясь бывшим редактором газеты «Звезда» в Ленинграде, переехав в Пермь, занимался фельетонной работой в журнале «Пермский рабочий» и в газете «Уральский рабочий».

Пленум Газет

Преступление Гайдара.

Гайдар, являющийся в округе фельетонистом газеты «Звезда», присужден к семи годам лишения свободы за участие в преступлении. Дело разбирается в Пермском окружном суде.

Для выполнения работы общественно-политической газеты «Звезда» Гайдар, как и остальные фельетонисты, выполнял работу по привлечению внимания общественности к различным вопросам. В частности, Гайдар написал статью о нарушении закона в отношении фельетонистов. Эта статья была опубликована в газете «Уральский рабочий» и привлекла к себе внимание общественности.

В результате этого Гайдар был привлечен к ответственности.

Многие из нас считали, что Гайдар, выполняя работу по привлечению внимания общественности к различным вопросам, выполнял работу по привлечению внимания общественности к различным вопросам. В частности, Гайдар написал статью о нарушении закона в отношении фельетонистов. Эта статья была опубликована в газете «Уральский рабочий» и привлекла к себе внимание общественности.

Дело, рассмотренное в форме судебного заседания, привлекло к себе внимание общественности. В частности, Гайдар написал статью о нарушении закона в отношении фельетонистов. Эта статья была опубликована в газете «Уральский рабочий» и привлекла к себе внимание общественности.

Суд над А. Гайдаром. Материалы газет «Звезда», «Уральский рабочий», «Правда».

Здание, в котором в двадцатых годах помещалась редакция «Уральского рабочего» (Свердловск, улица Вайнера, № 12).

с ее новой политикой, не в состоянии были увидеть в ней политику построения социализма, воспринимали лишь внешние ее проявления и пугались их. Герой повести Николай был таким коммунистом.

«Он умыл руки, отошел в сторону», так как ему казалось, что революция и все ее завоевания гибнут. Он стал сторонним наблюдателем происходящих событий. «Но это бесцельное наблюдение скоро надоело ему. Погибель, несмотря на все его предчувствия, не приходила, и он вторично воспринял революцию, оставаясь, однако, при глубоком убеждении, что настанет время, настанут огневые годы, когда ценою крови придется исправлять ошибку, совершенную в двадцать первом проклятом году».

Он оказался в отчуждении от жизни, от сегодняшней советской действительности, и это сделало его склонным к увлечению прошлым, к романтизации прошлого. В нем есть позерство, есть какая-то внутренняя лживость.

Гайдар любит Николая: ведь с ним так многое связано в военном прошлом, но не прощает ему его неверия.

Еще более отчетливо видно пагубное влияние отхода с революционных позиций на Яшке Сергунине. Есть в повести эпизод встречи наших героев в одной из харчевен с ним, «с милым по прошлому, по дружбе огневых лет Яшкой». Но он вовсе отвернулся от революции. При встрече он пил «за упокой всего, что было», он уверен в том, что уже отжил свое, он все ненавидит. И, конечно, Гайдару он уже не друг.

Гайдар, герой повести, решительно, страстно и даже как-то болезненно остро спорит с Николаем. Это размежевание во взглядах, думается нам, отражает в какой-то мере внутренний спор Гайдара, автора повести, с самим собой. В жарких спорах с Николаем он старается укрепиться на своей жизненной позиции, в самом себе преодолевает склонность к романтике прошлого, против которой выступает, ищет выхода из покоя, который может захватить его. Ведь время написания повести — это все еще время его утверждения в жизни после вынужденного ухода из армии.

Гайдар строил произведение, в котором реалистическое повествование, постановка близких автору жизненных проблем», лепка характеров соединялись со специфически приключенческим элементом. И вторая часть повести вступает в противоречие с первой. В начале повести Гайдар борется против ложной романтики, а в конце сам своей художественной практикой утверждает романтику приключений в экзотической стране. Это привело к тому, что приключенческая часть книги заслоняет гораздо более интересную и живую первую часть.

В конце повести Гайдар пытается объединить обе части, свести их в общий ряд, заставить читателя воспринять их в одном плане. На самых последних страницах (их нет в газете) Гайдар, вернувшийся из путешествия и встретившийся с Ритой, которая вышла замуж за Николая, говорит:

«— Я жаден, Рита, и хватаю все что могу и сколько могу. Чем больше, тем лучше. И на этот раз я вернулся с богатой и дорогой добычей.

— С какой?

— С опытом, закалкой и образами встреченных людей. Я помню их всех: бывшего князя, бывшего артиста, бывшего курсанта, и каждый из них умирал по-своему. Помню бывшего басмача, бывшего Рума, бывшую дикарку-узбечку, которая знала «Лельнина». И каждый из них рождался по-своему...».

Доверительная откровенность повествования в первой части, хорошо чувствующаяся автобиографичность, подробности, какие сообщает автор о себе и своих друзьях, заставляют думать, что и герои повести, и те, с кем они встречаются в своем путешествии,— это образы реальных людей. Во многом так оно и было.

Гайдар сообщает: «В Асхабад мы приехали с двумя рублями»; «Рассчитывал зайти в редакцию, дать пару очерков, фельетонов или рассказов, в общем, все равно что — только бы заплатили несколько рублей». Он рассказывает, как путешественники попали в облэву и «в отделении милиции... пробыли до утра». Он пишет: «Вот уже две недели, как мы с Николаем работаем грузчиками в Крас-

новодске» и «зарабатываем мы с Николаем по рубль двадцать в день, и нам нужно во что бы то ни стало сколотить денег, чтобы переехать море...»

Все эти упоминания можно с уверенностью считать почти точными сведениями о том, как жилось Гайдару в поездке.

В образе самого Гайдара, несмотря на приданный ему резонерский характер, и заключается интерес первой части повести, в которой (именно в ней) действительно есть и живой энтузиазм, и умный естественный разговор, и картины, взятые из жизни, что увидел Р. Фраерман.

Герой повести Гайдар и автор повести Гайдар часто сливаются в одно. Только в Гайдаре из повести некоторые черты подлинного Гайдара сгущены, заострены, более резко очерчены. И наиболее ярко позиция Гайдара высказана в самом начале всей повести, в большом авторском вступлении. Говоря от своего собственного имени, Гайдар утверждает, что он не может жить вне движения, вне устремления вперед:

«Вот уже восемь лет, как я рыскаю по территории бывшей Российской империи. У меня нет цели тщательно исследовать каждый закоулок и всесторонне изучить свою страну. У меня — просто привычка. Нигде я не сплю так крепко, как на жесткой полке качающегося вагона, и никогда я не бываю так спокоен, как у распахнутого окна вагонной площадки, окна, в которое врывается свежий ночной ветер, бешеный стук колес да чугунный рев дышащего огнем и искрами паровоза.

И когда случается мне попасть в домашнюю спокойную обстановку, я, вернувшийся из очередного путешествия, по обыкновению измотанный, изорванный и уставший, наслаждаюсь мягким покоем комнатной тишины, валяюсь, не снимая сапог, по диванам, по кроватям и, окутавшись похожим на ладан синим дымом трубочного табака, клянусь себе мысленно, что эта поездка была последнею, что пора остановиться, привести все пережитое в систему и на серо-зеленом ландшафте спокойно-ленивой реки Камы дать отдохнуть глазам от яркого блеска лучей солнечной долины Мцхета или

от желтых песков пустыни Кара-Кум, от роскошной зелени пальмовых парков Черноморского побережья, от смены лиц и, главное, от смены впечатлений.

Но проходит неделя-другая, и окрашенные облака потухающего горизонта, как караваны верблюдов, отпраляющихся через пески в далекую Хиву, начинают снова звенеть монотонными медными бубенцами. Паровозный гудок, доносящийся из-за далеких васильковых полей, чаще и чаще напоминает мне о том, что семафоры открыты. А старуха-жизнь, поднимая в морщинистых крепких руках зеленый флаг — зеленую ширь бескрайних полей, подает сигнал о том, что на предоставленном мне участке путь свободен.

И тогда оканчивается сонный покой размеренной по часам жизни и спокойное тиканье поставленного на 8 утра будильника.

Пусть только не подумает кто-либо, что мне скучно и некуда девать себя и что я, подобно маятнику, шатаюсь взад и вперед только для того, чтобы в монотонном укачивании одурманить не знающую что ей надо голову.

Все это — глупости. Я знаю, что мне надо. Мне 23 года, и объем моей груди равен девяноста шести сантиметрам, и я легко выжимаю левой рукой двухпудовую гиру.

Мне хочется, до того времени, когда у меня в первый раз появится насморк или какая-нибудь другая болезнь, обрекающая человека на необходимость лечь ровно в 9, предварительно приняв порошок аспирина,— пока не наступит этот период, как можно больше перевертеться, перекрутиться в водовороте, с тем чтобы на зеленый бархатный берег выбросило меня порядком уже измученным, усталым, но гордым от сознания своей силы и от сознания того, что я успел разглядеть и узнать больше, чем за это же время увидели и узнали другие».

ИЗДЕРЖКИ ПОИСКОВ

Каждым своим произведением Гайдар звал читателя помогать революционному делу, утверждать новое.

Так было и с приключенческими повестями. Вспомним колоритную фигуру Семена Егорова в «Тайне горы». Насколько он ярче, полнокровнее, чем многие другие герои этой повести. Сильнее он как раз когда выступает как живое лицо в своем дневнике-рассказе о борьбе против белогвардейщины. Даже Рум во «Всадниках неприступных гор», фигура менее очерченная, привлекает своей твердой жизненной позицией. Животворная ненависть их обоих к старому, отживающему, роднит их и — очень близка жизненной позиции самого Гайдара.

По всему в этих повестях чувствуется, что именно эти герои должны бы быть главными. Но они не стали ими. Почему?

Задумывая свои приключенческие повести, Гайдар обязательно хотел опереться на реальную жизнь. В основу сюжета он всегда брал какую-нибудь существенную сторону действительности: борьбу против царского самодержавия в «Лбовщине» и «Давыдовщине»; борьбу с происками капиталистов-концессионеров в «Тайне горы»; борьбу за новую жизнь во «Всадниках неприступных гор». Но ставка на специфичность жанра, на создание приключенческой повести во что бы то ни стало вела к тому, что развивались второстепенные стороны и не главная мысль, а вышедшая из ее подчинения фабула вела за собой писателя.

Успех приходил. Но он не был и не мог быть прочным вследствие слабости художественной ткани повестей. И это было издержками поисков.

Гайдар оказался несостоятельным в приключенческих повестях. Не будем сожалеть об этом, он развернулся в большем. Все же приключенческие повести были для него школой. На них он учился строить занимательную, интригующую фабулу, насыщать содержание действием, учился лаконичности повествования — тем качествам, которые позже органически вошли в его зрелое творчество.

РАБОТА, РАБОТА, РАБОТА...

Как жилось Гайдару?

Всяко.

Он много работал. И сказанного достаточно, чтобы представить это. Просмотрите еще «Библиографию» в конце книги. Легко убедиться, что Гайдар был занят постоянным трудом для газеты.

Он работал в редакции, являясь, как и все, в установленное время к своему столу. Бывал польщен и сразу же приходил в прекрасное настроение, когда ему давали письма, адресованные «Гайдару».

Долго за столом делать было все же нечего. Но ведь надо походить по другим комнатам редакции, заглянуть к одному, к другому (не виделись со вчерашнего дня, шутка ли!), поговорить, порасспросить. Надо просто дышать редакционным воздухом. Иначе фельетона не напишешь.

Когда появлялась тема для фельетона, Гайдар оживлялся. Действовать, немедленно действовать! Найти подход к теме, ее наиболее выгодный поворот, а для этого проверить, уточнить, сходить или позвонить. Фельетон рождался бурно.

Свою литературную работу Гайдар считал основным и святым делом. Для нее он существует. При всей общительности характера в нем была и разумная доля необходимой для художника замкнутости, позволявшей выносить в себе замысел произведения, дать созреть его образам. О фельетоне он говорил: «А что, если так? А если по-другому?». Говорил о «Жизни ни во что» и о «Лесных братьях», в основе которых лежал фактический материал. Но не помнится, чтобы Гайдар делился замыслами других повестей и рассказов, в которых было больше личного (таких, например, как «Пути-дороги»). Их он приносил готовыми. И работал над ними дома. Они появлялись для нас, окружающих, неожиданно.

Многое удалось сделать за год с небольшим жизни в Перми: овладеть пером фельетониста, написать и опубликовать повести, заинтересовавшие читателя, написать несколько рассказов. Пермь признала и оценила Гайдара. Он стал популярной в городе фигурой.

И в Свердловске его работа не осталась незамеченной. Особенно повесть «Лесные братья (Давыдовщина)». Сохранилось весьма авторитетное свидетельство — замечание Павла Петровича Бажова в его выступлении в 1947 году на праздновании сорокалетия «Уральского рабочего». П. П. Бажов говорил о слабости литературного материала, который появлялся в газете в первые годы мирного строительства, и продолжал:

«В таких условиях было заметным литературным явлением, когда на страницах «Уральского рабочего» стала печататься с продолжением повесть Аркадия Гайдара, который тогда работал в газете.

Мне не случалось потом перечитывать эту повесть. Может быть, в ней было немало литературных недостатков и она была неверно направлена, но помню, какое огромное впечатление произвела эта повесть Гайдара на читателей. Видимо, люди сразу почувствовали, что пришел новый человек, раскрывший тему революционной романтики увлекательно и просто»*.

* П. П. Бажов. Сочинения в трех томах, т. 3. М., 1952, стр. 334.

В 1926 году, когда Гайдар жил в Перми, вышли первые его книги: «В дни поражений и побед» — в начале апреля, «Жизнь ни во что» — в мае, наконец «Р.В.С.» — в июне. Три книги подряд! Шутка ли!

Кроме того, съездив поздней осенью 1926 года в Москву, Гайдар сдал в издательство «Молодая гвардия» две повести: «Всадники неприступных гор» и «Тайна горы»*.

Наконец, в Перми же были написаны рассказы, вошедшие в сборник «Угловой дом», выпущенный Госиздатом в 1927 году в серии «На страже СССР».

Плодотворная работа: было сделано некоторое накопление и литературного опыта, и произведений, которые потом переиздавались.

СЛОВО К РАБКОРАМ

Занятый своим литературным трудом, Гайдар не мог все же оставаться в стороне от общих редакционных дел, особенно от работы с рабкорами. Да и влекло его к этому народу: рабкоры раньше других оценили Гайдара-фельетониста и приняли его, как своего сильного союзника. Он бывал на занятиях рабкоровского кружка в Мотовилихе, на городских и окружных совещаниях, писал о выставке стенгазет. Ему давали для ответа литературные опыты корреспондентов. Не по должности, а просто так: «Ты же сам пишешь».

В начале 1926 года в «Письмах рабкорам» была опубликована его статья «Об очерках, рассказах, стихах».

Начинал ее Гайдар, как это ему было свойственно, прямо и энергично:

* В издательстве «Молодая гвардия» внимательно и благожелательно отнесся к молодому писателю из провинции редактор И. Рубановский. См. ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. 2, ед. хр. 8, л. 1.

«Товарищи, давайте пишите в «Звезду».

Кому же, как не вам, находящимся на производстве, в кругу подлинных рабочих масс, кому же лучше вас может быть известно, чем живет, что думает рабочий.

Не спрашивайте у редакции: «О чем писать?». Вам, на местах, виднее, что больше волнует и интересует ваших товарищей».

Гайдар призывал рабкоров всеми средствами помогать рождению нового в быту.

«Революция сломала много старого, а новое еще только строится. И нужно, чтобы процесс этой постройки как можно ярче освещался в печати для того, чтобы через нее все достижения перенимались другими, а все ошибки служили для других предостережением».

Давайте только жизнь. Самую простую, неприкрашенную и чеподрисованную. Пишите, как рабочий живет с женой, как матери относятся к пионерам, сколько рабочих ходит в церковь и т. д.

Не давайте только голых фраз, например, вроде такой: «Отношение к комсомолу неудовлетворительное» или «Религиозный дурман рассеивается», а покажите пример этого самого неудовлетворительного отношения или дайте какой-либо характерный случай отхода от религии.

Пишите очерки, рассказы, стихи. Только не расплывайтесь по строчкам. Напишите очерк, прочитайте его и сократите. Всегда найдется несколько строк, которые можно заменить одной-двумя фразами, а иногда и просто их выкинуть вовсе...»

Гайдар приводил в статье пример такого сокращения и продолжал:

«Сокращать надо не только потому, что в газете места мало и нужно оставлять его для десятков заметок ваших товарищей, а еще и потому, что короткая фраза сильнее, крепче, и потому, что лишние слова разжижают смысл сказанного и труднее понять тогда, что именно хотите вы сказать».

Он говорил, что не надо писать на далеские, надуманные темы.

«Пишите рассказы из той жизни, которую вы видите и с которой сталкиваетесь ежедневно. Об этом писать вам легче, и это выйдет у вас лучше»*.

Советы, конечно, очень неполны, а местами наивны. И все же они интересны.

Уверенные в том, что газетчики все знают, мы в «Письмах рабкорам» под заголовком «О чем писать» расписывали в деталях темы по отделам газеты на каждый месяц. Гайдар почувствовал несообразность такой регламентации. Его слова «Не спрашивайте у редакции...» не сильно вязались с обычной практикой. Статья Гайдара основана на большом доверии к жизни. В самой жизни творится множество интересного, чего еще не замечаем мы, журналисты.

С ЛИТЕРАТУРНОЙ МОЛОДЕЖЬЮ

В Перми в те годы было порядочно молодежи, тянувшейся к литературному творчеству. Естественно, больше всего поэтов. Начало зреть дарование студентки Елены Вечтомовой, сейчас известной ленинградской писательницы. Как поэт выступал (и выступал интересно) Александр Спешилов, ставший позже прозаиком, автором много раз переиздававшихся «Бурлаков». Был замечен Валерьян Малышев. В «Страде» часто печатались Иван Баталов (Самобытник) и Фома Зубарев. Поэты были. Хватало и литературных критиков, среди них попадались люди и постарше.

Евгений Пермьяк, в те годы еще совсем молодой и полный кипучей энергии студент, напечатал в «Звезде» несколько стихотворений и фельетонов, создал с товарищами — членами университет-

* Письма рабкорам. Инструктивный материал рабкорам «Звезды», селькорам «Страды» и редколлегиям стенгазет. Пермь, 1926, 11 января, № 1 (24), стр. 2—3.

ского литературного кружка «Литературно-художественный альманах», но по-настоящему увлекся другим — живой театрализованной газетой. Она пользовалась в то время очень большой популярностью на клубных сценах. Энергией Евгения Пермяка было поставлено издание пособия для живгазет — журнала «Живая театрализованная газета», который приобрел общеуральское значение, да был известен и за пределами Урала. Вокруг журнала сложилась группа способной молодежи.

В работе с молодежью положительную роль играл заместитель редактора «Звезды» Александр Дмитриевич Павлов. Сам он не был ни поэтом, ни прозаиком, ни даже литературным критиком. Но он любил литературу и еще больше любил молодежь. А как это важно иметь такого человека на ответственном редакторском посту! Впрочем, внешне он никак не походил на человека, занимающего ответственный пост. Маленького роста, улыбочатый, всегда приветливый, он совершенно не был способен ни на какой повелительный жест и действовал только дружеской беседой. Как-то стоял он с группой звездинцев на крыльце редакции: расходились по домам, да разговор не кончался. Подскакал вестовой, спрыгнул с коня: «Где здесь редактор? Ему срочный пакет». «Редактора сейчас в городе нет, давайте мне, я его заместитель». «Не думаю», — сурово произнес вестовой и поскакал обратно. Слишком уж легкомысленным показался ему такой заместитель: в легкой рубашке с открытым воротом, подпоясанный шелковым пояском — шнурком с кисточками.

Вот этот милейший Александр Дмитриевич покровительствовал литературному объединению при «Звезде», взял на себя ответственное редактирование «Живой театрализованной газеты» (Евг. Пермяк был литературным редактором) и в меру сил охранял литературную молодежь от всяких напастей. Заботливее, чем все мы, все другие редакционные работники, относился он к Гайдари.

Что выделяло Гайдара из этой литературной молодежи?

Выделял талант. Талант прозаика. С прозой у местной молодежи никак не ладилось. Подражали больше старому неторопливо-

му бытописанию, а оно газете было уже совершенно не нужно. В Гайдаре же искрилось новое, активное начало.

Выделял несравненно больший жизненный, общественно-политический опыт. Об этом и говорить нечего.

И выделяло еще одно — страстная приверженность к газете, стремление делать прежде всего то, что нужно газете, что может пойти ей на пользу.

Гайдар не был любителем литературных обсуждений, споров, дискуссий (впрочем, много ли таких любителей среди людей, чувствующих свое писательское призвание?). Не на собрании, а за письменным столом его место. И всякий вопрос решается делом: садись и пиши.

Но он не избегал обсуждений. Первые опубликованные в «Звезде» рассказы Гайдара — «Угловой дом» и «О том, как хоронили Левку» — обсуждались на собрании литературного кружка в совпартшколе, «Жизнь ни во что» — на рабкоровском собрании и в Мотовилихинском рабочем клубе, рассказы «Первая смерть» и «Четыре рапорта» — на литературном объединении при редакции.

Он был занят своей работой, ему самому надо было прочно встать на ноги. Но он не отказывал в помощи другим.

Уже в недавние годы Е. А. Вечтомова вспоминала, как группу литературной молодежи, возникшую при окружной библиотеке имени Горького, позвали в редакцию «Звезды» к Гайдару, тому самому, грозному и беспощадному обличителю.

«В редакции, куда нас пригласили, в назначенное время никого не было. Одна пустая комната. Вторая. В третьей — полусидел на столе высокий мальчишка в синей рабочей блузе, серая кепка на затылке... Мальчишка смотрел на нас насмешливыми голубыми глазами.

— Скажите, пожалуйста, как нам увидеть Аркадия Петровича Гайдара?

— Гайдар — это я, — сказал мальчишка.

Трудно передать мое изумление. Но разговор и все последующие разговоры, которые случались время от времени в течение

года нашего пермского знакомства, поражали еще больше. Говорил Аркадий очень требовательно, как бы с равными себе, а не с начинающими. Эта черта у него была общей с Маяковским, с Николаем Тихоновым, с которыми я встретила позже. Но интересно, что в то время мне некоторые мнения Гайдара казались «невыдержанными». Я писала лирические стихи, но стеснялась их и предпочитала, чтобы во мне видели автора-«трибуна», автора-«публициста». Каково же было услышать, что казавшееся мне самым серьезным стихотворение — начиналось оно так:

Не наш, кто не поймет начавшиеся
будни,
Не наш, кто отступил в решительной
борьбе,—

слабое, невыразительное, а то, что я считала неудачным,— наоборот, хорошо:

Розовый до дерзости шиповник
Глупости болтает у окна.
Прыгнула ко мне на подоконник
Милая курьинская луна.

...Гайдар держался очень свободно. Ходил, засунув руки в карманы, имел вид незанятого человека. А в «Звезде» продолжали регулярно выходить его фельетоны, статьи, рассказы, повести. Как он успевал работать? Удивляло нас и то, что при такой небрежной манере держаться Гайдар был очень дисциплинирован. Если свидание назначено в 12 часов, ни раньше, ни позже Гайдар был на месте*.

В этих воспоминаниях много верного, в частности верно замечена способность Гайдара работать как-то незаметно. «И когда только он успевает?» — такой вопрос не раз возникал.

* Елена Вечтомовл. Гайдар в Перми. «Костер», 1965, № 11, ноябрь, стр. 12—13.

А ведь была тогда не только работа в «Звезде», были и другие дела, казавшиеся ему неотложными. О них и пойдет речь.

ЮЖНОЕ ТУРНЕ

Одним из таких, казавшихся неотложными дел была поездка в Среднюю Азию и на Кавказ, о которой нам приходилось уже не раз упоминать.

Расскажем здесь о ней по порядку.

Через несколько месяцев работы в «Звезде» у Гайдара завелись деньги. Он заново экипировался. Появились черная бархатная куртка, брюки-бриджи и изготовленные по его проекту совершенно исключительного покроя высокие сапоги с невероятным козырьком, ну совсем ботфорты рыцарских времен, удобные для верховой езды, но, безусловно, затруднявшие гражданское пешее передвижение. Ботфорты эти стали предметом наших насмешек, к которым Гайдар относился спокойно, считая, что мы в таком важном вопросе, как сапоги, все равно ничего не понимаем. К видным сапогам у него было особое пристрастие. Да и вообще-то он не прочь был пощеголять в одежде своеобразного и броского фасона. Только держалась она на нем уж очень недолго, так как почти всегда бывала единственной в его гардеробе.

Ободренная успехом гайдаровской «Лбовщины», редакция «Звезды» приняла у него для печатания в газете (с правом издать и отдельно) «Р.В.С.». В марте Гайдар съездил в Москву. Там выходила в издательстве «Земля и фабрика» отдельной книгой повесть «В дни поражений и побед». Возможно, тогда же он дал «Р.В.С.» и Госиздату, хотя не исключено, что это произошло раньше — в 1925 году.

Появились большие по тому времени деньги.

И Гайдара потянуло в путь.

Проект быстро созрел: в Среднюю Азию и на Кавказ. Манила экзотика этих мест. Ехать решили вместе с Николаем Кондратье-

вым. С редакцией пришлось произвести полный расчет. Поворчали, но согласились отпустить.

Для путешествия приоделись: были заказаны и изготовлены в самом срочном порядке дорожные белые костюмы (юг, жара!), появились чемоданы. Ну просто знатные путешественники!

25 марта выехали в Москву. Дальше путь лежал на Самару, Оренбург, Актюбинск, Кзыл-Орду — тогда столицу Киргизской (Казахской) республики, затем на Ташкент, Самарканд, Полторацк (старый Асхабад, ныне Ашхабад), Красноводск, морем в Баку, оттуда до Тифлиса (Тбилиси) и обратно — в Пермь.

Этот путь нашел тройное отражение: в письмах Гайдара, предназначенных для «Звезды» (командировочных он не получал, но удостоверение специального корреспондента было ему выдано), в личных письмах и в первой части повести «Всадники неприступных гор». О повести уже говорилось.

Письмам в «Звезду» свойствен принятый Гайдаром тон доверительной беседы с читателем, и в них мы находим не только впечатления Гайдара, а и заметки о некоторых деталях дорожного быта.

В Кзыл-Орде Гайдар увидел «почти что нетронутый Восток». «Улицы узкие, на улицах десятками груженные верблюды, на маленьких ишаках, свесивши ножки, важно разъезжают кайсаки». (Первое письмо — «У ворот Средней Азии»).

В дороге случались происшествия. Попутчик, представившийся бывшим князем Ухтомским, долго сетовал на падение нравственности в Советской России, а потом исчез по подозрительному совпадению одновременно с исчезновением шляпы Гайдара («О корзинке, шляпе и нравственности»).

В Ташкенте и особенно Самарканде — уже настоящая Азия. Там еще сильно старое во всем бытовом укладе, но там и сильнее борьба с этим старым и все громче заявляет о себе новое.

В Самарканде у наших путешественников произошла встреча с двумя девушками. «Увидев нас, одна задернула паранджу, но не закрыла совсем, а осторожно поглядела, потом оглянулась, не за-

метив никого, поколебалась немного и откинула паранджу обратно». С ней удалось поговорить. И на вопрос: «Слышали ли они когда-нибудь про Ленина?» — девушка «закивала голозой, рассмеялась: — Лельнин... Лельнин знайм...» («О городе Самарканде, дороге по крышам и женщинах без лица»).

Кое-что из этих писем с дороги удалось опубликовать в ташкентской «Правде Востока».

В Самарканде с заработком оказалось совсем плохо. Иронизируя над своим положением, Гайдар рассказывал в «кино-этюде» «Из тысячи и одной ночи»:

«Это случилось как раз в то время, когда у нас осталось всего 33 копейки основного и оборотного капитала. За 9 копеек мы купили два десятка превосходных папирос «Маяк», а на оставшиеся — две великолепных свежих лепешки, единственным недостатком которых была их мизерная и несоответствующая нашим аппетитам величина.

Через некоторое, весьма короткое время лепешки прекратили свое брренное существование, и мы, два странствующих журналиста, усевшись на обломок глиняной стены, осыпанной розовыми лепестками урюка, закурили папиросы и молча посмотрели друг на друга.

Мы были в совершенно незнакомом городе, в котором 75% населения не говорило по-русски и в котором не было ни одной завалающей редакции газеты, хотя бы с двухтысячным тиражом».

Заканчивал Гайдар этот очерк таким признанием:

«Возвращались мы домой опечаленные. Карманы были у нас пусты. Ничего не поделаешь, мы позвали к себе старьеэщика, и я продал ему весь свой чемодан».

В Полторацке (Ашхабаде) было лучше — там издавалась на русском языке «Туркменская искра».

Сохранилось два письма Гайдара из Ашхабада, написанных около 20 апреля*.

* Оба письма из Ашхабада — на хранении в ЦГЛЛИ, в фонде А. П. Гайдара — фонд 1672.

Артём Гайдар и Александр Плеско в редакции газеты
«Красный воин». Москва, конец 1927 года.

Аркадий Гайдар с женой Л. Л. Соломянской и сыном Тимуром Аржанельск, зима 1928-29 года.

«Письмо это пишется на лужайке сквера, где мы валяемся и греемся на солнышке,— писал Аркадий.— Настроение у нас пре-восходное. Ведем бродячий образ жизни, много впечатлений и при-ключений. В попадающихся городах останавливаемся по причине любознательности, а также и отсутствия денег. Заходим в редак-цию, раз, два, и червонец в кармане. Печатают меня весьма охот-но, за самый малюсенький фельетон, не торгуясь, дают десятку. «Правда Востока» взяла сразу шесть штук, а в «Туркменской искре» на стене висит мой фельетон (последний), наклепленный над столом на стене.

Дня через три будут деньги, и мы дальше к Каспийскому морю».

«Нас приняли за шпионов и вели под конвоем в милицию»,— сообщал Гайдар в этом же письме об одном из дорожных при-ключений.

Пусть не смущает читателя подчеркивание вопроса о гонораре: гисьма адресовались секретарю редакции, в функции которого входила разметка гонорара, и почему бы не оказать на него не-которое моральное давление? «Звезда» платила скупое. Средне-азиатские республиканские газеты были, конечно, богаче.

В следующем письме, написанном также в Ашхабаде, тон не-сколько меняется:

«Живем мы хорошо, но стали настоящими бродягами, ночуем когда на вокзале, когда в разваленном доме, а когда и просто на улице.

Зарабатываю я хорошо, платят дороже чем у вас вдвое-втрое, но деньги я получаю сразу после каждого фельетона и на выезд никак не наберу.

Жить здесь негде, пятьдесят домов размыло весной ливнем, и жилищный кризис очень остер.

Колька скулит и мечтает о Перми, я бы тоже приехал [...]. Будем ждать ответа еще три дня, если не ответите (а стыдно все-таки), то уедем на Кавказ.

У нас украли шахматы. — Жалко — ужас.

Жму ваши лапы. Читайте «Правду Востока» и «Степную правду» и «Турк. искру» — фельетоны мои идут ходко — но скучаю на Востоке, Боричка.

[....]

Вечер сегодня роскошный — Колька грустит, а я хохочу. Я здорово окреп и поправился, Колька черен как араб».

Было в этих письмах некоторое преувеличение своих успехов. «Правда Востока», орган Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б), очень крупная, столичного типа газета, располагала весьма квалифицированными сотрудниками. Редактировал газету Н. Н. Кузьмин, один из лучших редакторов того времени. Большой фельетон на второй странице газеты вел Михаил Рогов, тоже крупный и талантливый журналист. Были и другие постоянные фельетонисты и очеркисты. Шести фельетонов Гайдара нам в комплекте этой газеты разыскать не удалось (возможно, они были приняты, оплачены, но не помещены, — такое в газетной практике двадцатых годов бывало). Напечатанные в этой газете фельетоны Гайдара на общем ее фоне не блистали. Не выглядел Гайдар яркой кометой и в «Туркменской искре». Да это и понятно: фельетонист может по-настоящему вернуться лишь когда у него появится хорошее знание местной жизни, возникнет контакт с читателями*.

Гайдар подчеркивал свой успех потому, что в это время они

* В газетах городов на пути Гайдара нам удалось разыскать следующие его фельетоны:

В «Правде Востока»: «Обыкновенная история» (под рубрикой «На темы дня»), 1926, 12 апреля, № 85; «Урок хорошего тона», 1926, 13 апреля, № 86,

В «Туркменской искре»: «Рецепты богатства» (под рубрикой «Быль фельетонная»), 1926, 28 апреля, № 96; «Глиняные горшки (Красноводск)» (под рубрикой «По Советскому Туркестану»), 1926, 29 апреля, № 97; «Похвальная предусмотрительность» (под рубрикой «Быль фельетонная»), 1926, 9 мая, № 103.

Газета «Степная правда» в городах, через которые проезжал Гайдар, в 1926 году не издавалась. В Кызыл-Орде издавалась газета «Советская степь», в ней фельетоны Гайдара не обнаружено. Не нашли мы их и в «Степной крестьянской газете», издававшейся в Актюбинске. Ничего не дали поиски и в газетах Оренбурга и Баку. Но, возможно, наш просмотр не был достаточно полным, а взгляд — острым,

с Кондратьевым уже запросились обратно в «Звезду», рассчитывая, разумеется, на аванс для дальнего обратного пути, но не гарантируя, как видно из писем, быстрого возвращения.

Не дождавшись ответа, наши приятели отправились через Красноводск и Баку на Кавказ. Деньги пришлось добывать физическим трудом: в Красноводске и Баку работали грузчиками, картины этой работы во «Всадниках неприступных гор», видимо, достоверны.

Удалось добраться и до Тбилиси (тогда Тифлиса). Но там пришлось не сладко: не было денег, с заработком трудно, ночевать приходилось на вокзале (правдивая картина дана в «Фельетоне по поводу», который был приведен выше).

Бродячая жизнь надоела, безденежье стало систематическим, и это не способствовало доброму согласию между приятелями.

Николай Федорович Кондратьев был на четыре года старше Аркадия. В Арзамасе он вел активную работу. Избирался председателем уездного комитета и членом Нижегородского губкома РЛКСМ, был одно время инструктором этого губкома. Служил в армии, а после армии работал секретарем редакции арзамасской газеты «Молот». Но в Пермь он приехал в 1924 году с канцелярской работы в кооперации, приехал малоактивным в общественном отношении человеком.

Добросовестный, любящий газету редакционный работник, он не блистал литературным талантом. Любил принимать позу умудренного жизнью и разочарованного человека. Это была больше поза. Но склонность к грусти, безвольной задумчивости, беспредметной мечтательности у него действительно имелась. «Поговори хоть ты со мной, гитара семиструнная...»,— любил он напевать. И при всем том оставался хорошим товарищем.

В повести «Всадники неприступных гор», в первой ее части, Гайдар передает свои споры с Николаем. Тут Николай Кондратьев служит только прообразом. То, что в нем было в зародыше, в возможности (в жизни не реализованной) писатель Гайдар показал, как вполне определившуюся жизненную позицию литературного героя, против которой считал нужным бороться.

Но если в действительной жизни не было ни столь принципиальных идейных расхождений, ни Риты, которая способствовала их обострению, то были разные мелкие житейские неприятности, которые привели к ссоре.

Прятели вернулись каждый по отдельности — Гайдар в первых числах июня, Кондратьев несколько позже. Сначала они почти не разговаривали и о причине ссоры хранили хмурое молчание. Но так было недолго. Дружеские отношения скоро восстановились и сохранялись многие годы.

По воспоминаниям Л. Л. Соломянской, Аркадий Гайдар вернулся с юга через Астрахань. Сам он писал во «Всадниках неприступных гор» — через Владикавказ и Сталинград. И на обратной дороге пришлось работать грузчиком, а ночевать где придется, например, в саду под эстрадным помостом.

Вид у Аркадия был жалкий. Еще недавно такой роскошный белый костюм безнадежно утратил и первоначальный цвет, и какую-либо форму: он держался только благодаря тому, что был (довольно остроумно!) пришит в нескольких местах к нижнему белью.

Пермь после этого турне была желанным родным домом. Здесь жена, здесь приятели. Гайдара вновь зачислили, даже немного задним числом — с 1 июня, в штат редакции (на прежних скромных основаниях)*. 13 июня в газете появился его первый после большого перерыва фельетон. Жизнь вошла в привычную, правда, далеко не ровную колею.

КАКИМ ОН БЫЛ

В повести «Всадники неприступных гор» Гайдар рисует себя челсеком в высокой степени уравновешенным. Он спокоен как классический английский джентльмен. Он холоден и сух.

* ГАПО, ф. 52-р, оп. 1, д. 41, л. 177 (Распоряжение по издательству «Перм-книга» № 58 от 16 июня 1926 года).

Легко заметить, что не вяжется этот характер с образом действительного Аркадия Гайдара. Это же не Филеас Фогг из жюльверновского романа «Вокруг света в восемьдесят дней», который холодным взглядом окидывает проносящиеся мимо картины стран и континентов.

Почему же в повести он нарисовал себя таким? Только по писательской неопытности?

Нет. Гайдару хотелось быть спокойнее, сдержаннее, строже, не давать прорываться ни ребячеству, ни нервному возбуждению.

Но таким Гайдар не был. Он сложнее и интереснее нарисованного во «Всадниках» автопортрета, по которому ему хотелось хоть немного подравняться. Художническая натура не могла бы сформироваться в таком всегда внутренне подтянутом и будто замкнутом в рыцарские латы человеке. Она несравнимо больше способна быть затронутой, раненной впечатлениями бытия. Да и болезнь не оставляла Гайдара на пороге нервной клиники, когда он выходил из нее. Она лишь таилась, постоянно готовая дать знать о себе новым острым приступом*.

Каким же был Гайдар?

Очень хорошим человеком, замечательным человеком с золотым сердцем и острым умом. И все же разным. Даже самое лицо его менялось, что можно заметить и по фотографиям — оно то расцветало и светилось, то становилось осунувшимся и темным.

Совершенно неподобным был Аркадий, когда работа ладилась, отношения с окружающими не были ничем омрачены, уверенности в себе ничто не мешало. Тогда от него шли волны, источались

* В основе его — травматический невроз. Сам А. Гайдар-Гоголев писал, что получил в армии «острое расстройство нервной системы» (см. заметку «Сибирская страница жизни Аркадия Гайдара», жур. «Наш современник», 1966, № 12, декабрь, стр. 117). В справке о службе, видимо с его слов, было записано: «Сильно истерпаны нервы. Долго лечился в больнице нервноболевых. Физически вполне здоров» (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. 2, ед. хр. 2, л. 1). В 1926 году подошел срок призыва гайдаровского возраста в армию. И он отправился в призывную комиссию, но вновь был признан негодным к военной службе (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. 1, ед. хр. 3, л. 9).

флюиды благожелательности, он становился изысканно-любезен, добродушно-ироничен, он хотел всем покровительствовать, всех взять под свою опеку, каждому сказать доброе слово.

Гайдар много работал, и работа помогала поддерживать внутреннее равновесие. Но ему хотелось большего и большего, жизнь закручивала его, и нужен был все убыстряющийся ее темп. И загонявший самого себя Аркадий превращался из обычно приветливого, открытого товарища в задерганного человека, будто стремящегося куда-то убежать (от кого? от себя?). Общераспространенное и всегда доступное средство успокоения помогало только на первых порах.

«СХИМНИК РАБ АРКАДИЙ»

Летом 1926 года Гайдар работал особенно усиленно. В июле в «Звезде» появилось рекордное число его фельетонов — 20. Был написан большой рассказ «Пути-дороги». Задумана и начата повесть «Тайна горы», на местном материале, для «Звезды». Тогда же возник замысел другой повести «Всадники неприступных гор», навеянный недавними кавказскими впечатлениями. Жил Аркадий в это время очень неустроенно. Жена, ждавшая ребенка, уехала к родителям в Архангельск.

Мы стали замечать, что с Аркадием творится неладное. Он изработался, издергался. Чаше стал появляться нервный тик. Так дело могло дойти до нового приступа болезни. Надо Аркадия спастись. И было постановлено: отправить его за город на отдых.

Летом мы почти каждый выходной день, иногда в субботу, с ночевкой, выезжали за город. Ездили на лодке вверх по Каме — на Гайвинские острова, к Заозерью (там сейчас верхний бьеф Камской ГЭС), забирались и в устье Чусовой — к Городищу, Красной Слудке. Аркадий участвовал в таких поездках. Он часто бывал с женой в Нижней Курье. Но сейчас ему был нужен более или менее длительный отдых. И с него взяли слово — провести за горо-

дом, вдали от всех соблазнов, десять дней. Возможность такая была: работал он фактически на гонораре. И место было: замечательная по своему положению деревушка под странным названием Винный Завод, на берегу Сылвы, вблизи села и станции Ляды. Там когда-то, в незапамятные времена, существовал винокуренный завод, но давно уже не осталось ни его следа, ни винного духа. Река, заливные луга по ее низким берегам, а на коренном берегу — сосновый бор классической красоты. В деревне всего семь дворов. Тишина и покой.

Слово товарищам Аркадий дал, но поехал не сразу: несколько раз собирался уезжать, прощался и... оставался в городе. Будто что-то не позволяло вырваться из неладного, с бешеными перебоями, ритма последних недель, из закрученного им же самим колеса.

Все же уехал. С вокзала (с Перми I — в самом городе!) прислал сумбурное письмо. В нем — декларация симпатий и антипатий к окружающим его людям, выражение любви к «Звезде» и признание в страхе.

«В голове у меня следующая кутерьма: почему я боюсь десять дней, когда не боялся раньше и сотни».

В самом деле — почему? Ехать-то было два часа поездом да час пешего хода. Что это ему, гонявшему по стране за тысячи верст? И жить всего десять дней в относительном одиночестве: все же деревня, люди, среди них и знакомые. А он смотрел на предстоящее, как на подвиг: «Я должен пробыть в деревне десять дней», «попробуйте сделать то, что делаю я». И прощался, точно навек: «Вспомните о моей грешной душе», «Всем привет теплый и хороший»*.

В первом письме, написанном на Винном Заводе 9 августа, еще сохранялись бешеная скачка нервов и боязнь:

«В окна ползут сумерки, тишина необыкновенная. В пятидесяти шагах от дома темный сосновый бор. А в трех шагах от сердца темная тоска, потому что здесь я в ссылке...»

* Письмо, в котором много чисто личного, остается в частном хранении.

Второе письмо, написанное на следующий день и помеченное с обидой: «Ляды (ссылка)», уже спокойнее:

«Господи, укрепи мя в моем благом начинании. Господи, в руки твои предаю дух мой.

С-ку-учно, скучно.

Лег спать в половине десятого, встал в семь».

И дальше шла просьба-поручение:

«Боричка. Передаю тебе письмо, если сможешь сделать так, чтобы оно попало по адресу — сделай, пожалуйста.

Но во всяком случае я надеюсь, что оно не попадет в руки того, кто мог бы из пустого любопытства или еще из каких-либо соображений распечатать его.

Твой Гайдар.

Если не сможешь передать, оставь только у себя»*.

Гайдар был почти один. В доме жила, немного за ним присматривая и заботясь о еде, Ольга Назаровская, человек совсем иного склада, со своей маленькой дочкой. Часто, чуть не каждый день приезжала Лидия Алексеевна Назаровская, к которой Аркадий питал большую симпатию; она была, как и мать Аркадия — Наталья Аркадьевна, фельдшерницей и так же приветливо относилась к молодежи. Приятелей же в Винном Заводе не нашлось.

Острое чувство любви к природе развилось у Гайдара, видимо, позже. А природа, от которой в эти августовские дни так и истекло мудрое спокойствие, все же действовала на него благотворно.

К своему положению «ссылного» он стал относиться с легкой иронией и начал игру. Винный Завод превратился в «Лядовскую обитель» («Виннозаводская обитель» — совсем уж не звучало), сам он — в «схимника Аркадия», изгнанного на покаяние из многолюд-

* Это и следующие письма — на хранении в ЦГАЛИ, в фонде А. П. Гайдара — ф. 1672.

ной «городской обители». Пошли письма в духе посланий монахов-подвижников. Ему надо было жить в ритме, поддерживать в себе этот ритм, и стиль церковнославянского языка подходил к обстановке.

«Ссылка, 11 авг. 1926
(Лядовская обитель)

Боричка!

Я молю Господа Бога, чтобы письмо, которое я передал тебе с Ружицким *, не было оставлено в редакции и не попало в чьи-либо руки.

Ибо одному всевышнему видно, что из этого вышло бы.

И если бы только не твердое упование на его бесконечное милосердие, я бы вчера еще, едва мне пришла эта мысль, примчался в Пермь.

Но... на все его святая воля, и если этому суждено уже было совершиться, я с спокойствием, свойственным истинному христианину, приму на себя всю тяжесть последствий этого рокового случая, хотя и молю беспрестанно — да минует меня чаша сия.

И мне припоминаются слова св. Симона Капернаумского, где в книге «О искушениях дьяволом человека» он говорит, что «лучше бы предотвратить безгреховно, и поелику возможно несчастье, нежели умышленно вызвать его, дабы причислиться к сонму пострадавших, ибо если сказать: Господи, во имя твое обрубаю палец, то не приемлет Господь столь безрассудной и никчемной жертвы».

Не удивляйся, брат мой о Христе, сиему благочестивому раздумью, охватившему меня, ибо уединение и отдаленность от суетной жизни с соблазнами ее, невольно наводят на подобные размышления.

Передай мой привет всем инокам вашей городской обители: брату Николаю, Павлу и послушнику Константину. Скажи им, что

* Ружицкий — знакомый, живший летом на Винном Заводе. Упоминаемые дальше брат Николай — Николай Кондратьев, Павел (брат Павел в следующих письмах) — Павел Варасов, послушник Константин — Константин Камский, — все работники редакции «Звезды».

денно и ночью я взываю к Господу, дабы не оставил он их в их добрых начинаниях. Аз многогрешный, презрев мирскую жизнь, занимаюсь умерщвлением плоти и возвышением духа и питаюсь лесными ягодами, плодами земли и млеком, приносимым добрыми поселянами.

Брат Борис!

С трепетом и страхом кончаю мое письмо. Душа моя чиста и безвинна. И потому с глубокой верою остаюсь надеяться, что Господь через тебя не даст совершиться страшному греху.

Воспоем же хвалу ему, Всеблагому, и да простит он нам прегрешения вольные и невольные, ибо все мы люди, все человеки, и аз есмь среди них первый.

Схимник
раб Аркадий».

В посланиях «схимника» все же прорывались мирские тревоги. «Брат Борис!

Был я крайне изумлен, не получив от матери Лидии послания от тебя. Но зная твоё рвение в поисках у философов и книжников мыслей, разнящихся с учением св. отцов Маркса и Ленина, дабы поразить еретиков их же словоблудием, а также неустанное пребывание в молитве, посте и прочих богоугодных состояниях, я простил тебе твоё вынужденное молчание, хотя ответ на мятущий мя вопрос о письме зело мне необходим.

Пребываю в надежде видеть тебя в своей обители в субботу к вечерней литургии и тем паче был бы счастлив понеже склонил бы ты к этому брата Николая.

Но передай оному, пусть он по слабости человеческой не поддается козням диавола и слуг его и не захватывает с собой из мира ничего, что могло бы пагубно смутить покой и мир нашей скромной обители.

Ибо аз, отрекшись от всего земного, не приемлю и с божьей помощью не приму и впредь ничего, что умерщвляет душу и опьяняет плоть.

И еще передай брату Павлу, что в ночь сегодня было мне послано врагом человеческого рода видение: будто бы брат Павел, придя в ярость велию, всаживает мне в горло острый нож, причем смеется зело ехидно, ибо у меня в руже сломился клинок.

И быша я в страшном смятении, и стенаша сквозь сон ужасно, дондеже инокиня Ольга из соседней комнаты, сотворив молитву, не окропила мя св. водой.

Господи, господи, почто ты дал волю властителю междуусобиц, сеятелю раздора и смутителю человеческого покоя — князю тьмы и злобствования.

Схимник
раб Аркадий».

Почерк писем становился все ровнее, а голос «схимника» все тверже и увереннее. Он уже беспокоился не о себе, а о поведении оставшихся в городе братьев.

«Брат Борис!

С нетерпением ожидаю твоего прибытия. Трудно заставить себя, оторвавшись от мира, тотчас вычеркнуть из души всякий суетный интерес к нему.

Тем паче тревожит меня судьба брата Николая, не впал ли он во грех и не посещает ли противу данной клятвы места иде же предаются неразумные человеки пианству и разврату с блудницами и прочими непотребными созданиями.

Брат Борис! Ты, как человек известный своим благочестивым образом жизни и способный выдержать искушения втрижды сильнейшие, чем те, что были посланы св. отцам Антонию и Иосифу Смертнику,— повлияй благотворно на его неокрепший дух [...].

И еще болит у меня душа о брате Павле, и всякий раз непристойные видения бывают мне о нем, будто бы позабыв иноческое достоинство, плясаша и скакаша он с гармоникой, во все горло вопия нечестивые песни.

И еще скорблю я о юном послушнике брате Константине, поелику доходят до мя слухи, что вместо того, чтобы заниматься

приготовлением себя к монашеской жизни, он занимается [...] начальными приставаниями к инокиням [...]

Господи! Неужели же мне по возвращению, подобно Моисею, спустившемуся с гор Синая и зрящему, како беснуется оставленный им народ, придется в гневе призвать к ответу виновных.

Брат Борис, егда узришь преосвященного епископа Павла *, начальника звездинской епархии, то передай ему мой земной поклон и скажи, что его св. молитвы обо мне несомненно доходят до Господа Бога.

А к тебе у меня есть просьба, захвати с собой последний номер «Православной Звезды» и «Христианской Правды».

Да будет над всеми мир, а также Божеское и мое грешного благословение.

Аминь.

Схимник
раб Аркадий».

Он еще подписывался «схимник раб Аркадий», но чувствовал себя уже на пророческой высоте.

Мы застали его в деревне в самом хорошем расположении духа, окрепшим, выпрямившимся, задорным. Немного рыбалки, походы за грибами, игры с совсем еще маленькой, трехлетней Светланкой, купанье (не только в реке — Аркадий ухитрялся бочком затискиваться в колоду у ключа с постоянной температурой 4 градуса) — вот и все, что требовалось тяжело травмированному человеку для поправки. Он был готов к работе и новым встряскам.

А встряски предстояли.

НОВЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ

К новым крупным неприятностям привел фельетон «Шумит ночной Марсель», появившийся в газете 27 июля 1926 года, незадолго до отъезда Гайдара в деревню. В нем говорилось о нелепом и не-

* Епископ Павел — Александр Дмитриевич Павлов, заместитель редактора «Звезды», о котором уже говорилось выше.

допустимом совместительстве: народный следователь 3-го судебного участка города Перми Филатов по вечерам играл в оркестрике, услаждавшем пеструю публику ресторана «Восторг».

Фельетон был написан в форме киносценария. В первой части давалась сцена в кабинете следователя; он, солидный, спокойный и неторопливый, снимает допрос с некоего опустившегося гражданина, затеявшего драку в пивной. В третьей же части этот гражданин, пьянствуя с приятелями в ресторане «Восторг», узнает в музыканте следователя и требует, чтобы тот по долгу службы угождал публике.

В фельетоне был, разумеется, вымысел.

Вымысел такого рода постоянно применялся фельетонистами двадцатых годов. Прием изложения факта, при котором он делается выразительным средствами обогащения вымышленными деталями, носил название метода красок.

Он признавался вполне законным. Один из ведущих фельетонистов того времени, фельетонист «Правды» А. Зорич писал: «Я лично являюсь сторонником свободного, беллетристического изложения факта даже в тех случаях, когда речь идет о конкретных людях и совершенно конкретных действиях этих людей, подлинные имена которых мы называем в печати»^{*}. Законность художественного вымысла в фельетоне признавалась и теоретиками журналистики. М. Браз и М. Гус в книге «Статья и фельетон» приводили в пример фельетоны того же А. Зорича и популярного дореволюционного фельетониста В. Дорошевича и утверждали, что в фельетоне применим «художественный вымысел с присущими ему изобразительными средствами», ибо бывает необходимо «оперировать образами, а не формально-логическими абстракциями: вымысел должен более ярко и красочно выявлять реальный факт, реальное требование, вполне конкретную идею»^{**}. Для выявления сущности имевшего место в действительности факта фельетонист

* «Журналист», 1926, № 11.

** М. Браз и М. Гус. Статья и фельетон, М., 1928, стр. 260.

вправе поставить его в такой ряд вымышленных событий, который дает читателю возможность лучше представить значение этого факта в общественной жизни. Художественный вымысел в фельетоне не вводит читателя в заблуждение: фельетонист не маскирует своих намерений, он строит сюжет фельетона на глазах у читателя, обнажает свой фельетонный прием.

Так было и у Гайдара. Его фельетон имел подзаголовок — «Кино-эскиз». Читателю было совершенно ясно, что сцены в кабинете следователя и в ресторане «Восторг» — художественный вымысел фельетониста, но вымысел достаточно обоснованный: совмещение работы следователя с работой в частном ресторане дает почву для таких сцен.

Н. И. Филатов, то ли в самом деле не находивший в своем совмещительстве ничего предосудительного, то ли решивший, что наступление — лучший способ обороны, подал на Гайдара в суд, обвинив его в клевете в печати и в оскорблении личности. Нашлись в соответствующих инстанциях недостаточно вдумчивые люди, и дело было принято к производству*.

Были, видимо, колебания, доводить дело до суда или нет, и оно двигалось медленно.

В начале сентября 1926 года с Гайдара сняли допрос. В фельетоне «По бригаде особого назначения П.М.Х.—приказ» («Звезда», 10 сентября 1926 года) он писал так:

«Всякие неотложные дела, в том числе и приятные объяснения по поводу нескольких прошедших фельетонов с некоторыми облеченными властью лицами, как, например, со старшим милиционе-

* Несколько позже, 3 мая 1927 года, наркомат юстиции и прокурор РСФСР обратились к судам и прокурорам с циркуляром, в котором констатировалось, что судами принимаются к производству без достаточных оснований и даже в случаях явного отсутствия состава преступления дела по обвинению в клевете в печати, в результате чего наблюдается совершенно ненужное дерганье работников и дискредитирование, и предлагалось, со ссылкой на прежние директивы, особо осторожно подходить к вопросу о возбуждении уголовного преследования за клевету в печати («Рабоче-крестьянский корреспондент», 1927, № 11, 15 июня, стр. 23).

ром первого участка, человеком весьма приятным в обхождении и обладающим недюжинными литературно-протокольными способностями, заставили меня на некоторое время оторваться от текущей работы...»

Филатов тщательно готовился. Только сейчас стал известен один характеризующий его документ. 20 сентября он, используя свое положение в личных интересах, на служебном бланке запросил от психбольницы «по встретившейся надобности» «копию истории болезни на гр-на Голикова Аркадия Петровича». Откуда-то узнав, что Гайдар побывал в психбольнице, он надеялся найти в истории его болезни зацепки для того, чтобы дискредитировать Гайдара. Но история болезни такого материала не дала.

В конце октября — начале ноября Гайдар ездил в Москву. Вернувшись, он в первом же фельетоне, опубликованном 11 ноября, заговорил о предстоящем процессе.

«Вообще-то говоря, настроение у меня сейчас мрачное. Приехал из Москвы в самом радужном состоянии.

— Здравствуйте,— говорю,— дорогие товарищи!

— Здравствуйте,— отвечают мне,— а только, между прочим, здесь на ваш счет повестка имеется.

— Какая такая,— говорю я,— может быть мне повестка, ежели Комтресту у меня сполна заплачено. Денежных переводов тоже не предвидится...

— Нет,— говорят мне,— дорогой товарищ. Повестка вам вовсе не по такому приятному поводу. А вызывают вас в пролетарский суд 2-го участка на 13-е число сего месяца на предмет осуждения вас по 173 и по 175 статье Уголовного кодекса.

И от этих слов потемнело у меня в глазах, и если не лишился я чувств, то только по причине принадлежности к мужскому полу...»

Заметив далее, что обвинение в клевете тревожит его меньше, чем какое-либо другое, Гайдар переходил к своей почте. В ней, в числе других, письмо о беспорядках в клубе «Профинтерн», порожденных заведующим этим клубом. Гайдар излагал письмо. И продолжал:

«И вряд ли обратил бы я внимание на этот мелкий факт, так как таких случаев кругом сколько хочешь и страниц газеты не хватает, но внизу стояла приписка:

«Тов. Гайдар, пишите осторожней и без лишних фраз, потому что человек этот самолюбивый и вряд ли заметку стерпит».

Прочел я и задумался.

— Вот,— думаю,— тут и напиши. Нет,— думаю,— писать об этом факте не буду. Пусть разделяются по профсоюзной линии как хотят, а что мне жизнь, в конце концов, надоела, что ли?

Но потом сообразил:

— Эх, мама, пропадай моя телега и т. д., была не была, дай напишу, несмотря на весь отчаянный риск. Был,— думаю,— рискованым человеком, таким, видимо, и помирать придется.

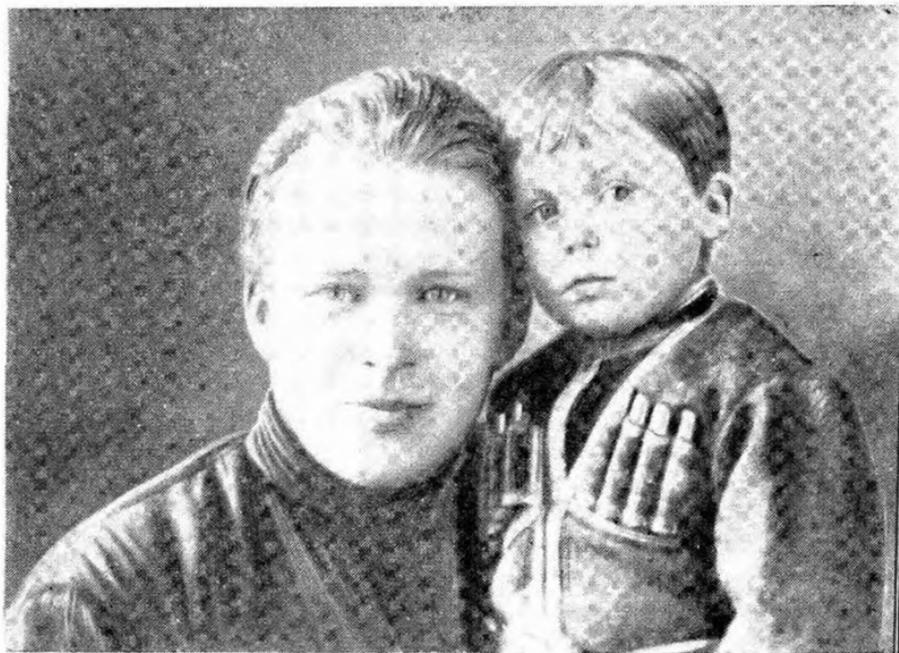
Взял и написал».

Это была своеобразная декларация фельетониста перед судом. Это была попытка обратить внимание на то, в какое положение ставится фельетонист, когда любому человеку, обиженному им, дается возможность тащить его в суд.

СУД НАД ФЕЛЬЕТОНИСТОМ

Суд все же состоялся.

Дело слушалось 13 ноября 1926 года в народном суде 2-го участка Пермского округа. Редакцию представлял на процессе и выступал в качестве общественного защитника заместитель редактора Александр Дмитриевич Павлов, человек мягкий, внимательный, пользовавшийся общей любовью в коллективе и всегда опекавший, в меру сил, Гайдара. Филатов выставил со своей стороны ни мало ни много одиннадцать свидетелей. Все они дружно показывали, что Филатов человек некурящий (в первой части гайдаровского киноэскиза Филатов закуривал), нельющий, хороший семьянин и добросовестный работник (что в фельетоне и не отрицалось). А. Д. Пав-

Аркадий Гайдар с сыном Тимуром. Москва, 1930 год.

Письмо А. Гайдара С. Милицину
 в Пермь из Хабаровска. 1932 год.

[The body of the letter contains several lines of handwritten text, which is extremely faint and difficult to decipher. It appears to be a personal letter or a short report.]

10/4 31
 [The bottom of the document features a small rectangular stamp or label with some illegible text and a date-like notation.]

Письмо А. Гайдара С. Милицину
 в Пермь из Хабаровска. 1932 год.

лов разъяснил назначение и особенности фельетона, как литературной формы, сказал о задаче данного фельетона: максимально выразительно указать на недопустимость совмещения работы в органах юстиции с увеселением публики в частном ресторане, в котором еще сохраняются старые нравы.

Факт совместительства не мог быть опровергнут. В своем приговоре народный суд записал: «Данными судебного следствия установлено, что фельетон «Шумит ночной Марсель» дает правильное освещение факта недопустимости совмещения работы следователя с игрой в ресторане «Восторг» и читателям этот факт дан для оценки с точки зрения общественности по мнению суда верно»*. Суд признал обвинение Голикова-Гайдара по статье 175 Уголовного кодекса — обвинение в клевете — не доказанным и по этой статье его оправдал. Своим частным определением суд направил копию приговора в дисциплинарную коллегия областного суда «на рассмотрение для привлечения к дисциплинарной ответственности в отношении поступка т. Филатова, как судебного работника».

Однако в то же время суд нашел, что автор фельетона Голиков-Гайдар «касается Филатова как личности, называя его судейской душой, Филаша выпьем и дурак» и таким образом нанес Филатову оскорбление.

Действительно, в третьей части гайдаровского «кино-эскиза» (сцена в ресторане «Восторг») пьяный дебошир, узнав в музыканте Филатова, говорит:

«— Да это никак тот самый, что из меня сегодня на допросе всю душу вымотал. Эй ты, катая дальше, судейская твоя душа, изобрази-ка мне «цыганочку»! Н-нет, постой, лучше... Филаша, вы-

* Приговор цитируется по копии, сохранившейся в Пермском партийном архиве в делах окружной контрольной комиссии (ППА, ф. 1107, оп. 1, д. 151, лл. 93—93 об.). В делах народного суда 2-го участка, переданных на хранение в государственный архив Пермской области, дела Голикова-Гайдара, как и многих других уголовных дел, нет, они, по-видимому, на архивное хранение не сдавались. В делах нарсуда сохранилась лишь запись об этом деле в «Настоящем реестре по уголовным делам». См. ГАПО, ф. 391, оп. 1, д. 1059, лл. 329 об.—330.

пьем... Пей, дурак, когда предлагают, и нечего кочевряжиться, раз музыкантом зачислился, умеи публике потрафлять».

Эта реплика была вложена в уста явно отрицательного персонажа, пьяницы и драчуна. В фельетоне она носила характер предупреждения; смотрите, что может выйти, смотрите; в какое неудобное положение ставит себя следователь Филатов своим соизволением. Это соображение суд игнорировал. Суд нашел, что по статье 173 Уголовного кодекса (оскорбление личности) «Голиков изобличается вполне». Суд приговорил: «Гр-на Голикова Аркадия Петровича по ст. 173 УК подвергнуть лишению свободы сроком на одну неделю... Суд, приняв во внимание, что Голиков социально-опасным для общества не является, на основании ст. 28 УК считает возможным наказание Голикову смягчить, заменив лишение свободы общественным порицанием на общем собрании сотрудников редакции «Звезды». Но при этом суд применил все же в отношении осужденного меру пресечения. «Меру пресечения Голикову избрать подписку о невыезде»,— записал он в своем приговоре *.

Филатова приговор суда не устраивал. Наказание грозило ему самому. Он подал кассационную жалобу в Уральский областной суд. Сессия областного суда приговор утвердила. Лишь после этого, 29 декабря, народный суд послал копию приговора местному редакция «Звезды» для оглашения вынесенного Гайдару общественного порицания **.

Дисциплинарная сессия областного суда, куда пошло дело о недостойном поведении Н. И. Филатова, подтвердила недопустимость совместительства. Филатов был освобожден от работы следователя

* Борис Камов в книге «Аркадий Гайдар» утверждает, что в суде «дружки» Филатова вынесли Гайдару обвинительный приговор, после чего «Гайдара арестовали» и он был освобожден лишь в результате выступления «Правды». Здесь все нефантазировано. Нет никаких оснований утверждать, что судья А. К. Лифанов был другом Филатова. К Филатову суд подошел достаточно строго. По обвинению в клевете Гайдар был оправдан. Никто его не арестовывал, и ни одного дня в тюрьме он не провел. Во всем этом Б. Камов мог убедиться из публикации о Гайдаре, появившихся еще задолго до выхода его книги.

** ГАПО, ф. 391, оп. 1, д. 1059, л. 336

народного суда. Таким образом, он понес наказание, и правильность фельетона тем самым была еще раз подтверждена.

Но был ведь осужден и Гайдар. У суда имелось, по-видимому, желание как-то уравновесить приговор, чтобы и та и другая стороны получили свое, желание не допустить полного торжества фельетониста, по мнению суда, чрезмерно бойкого. И совсем не было у суда понимания того, что его приговор означает объективно осуждение самой формы фельетона.

ПОСЛЕ СУДА

Работники редакции «Звезды», близкий к редакции рабоче-крестьянский актив были возмущены приговором. Редактор был настроен по-иному.

Многие и в вопросе о привлечении Гайдара к судебной ответственности и в реакции на приговор суда зависело от позиции редактора, от степени твердости в защите фельетониста, которую он проявит.

Позволим себе общее замечание. Для того чтобы газета обладалась собственным фельетонистом, фельетонистом смелым и популярным, необходимы три условия: наличие в числе ее сотрудников человека со способностями сатирика, предоставление ему возможности отдавать свои силы фельетону и готовность редактора принимать на себя большую часть неприятностей, связанных с сатирическими выступлениями газеты (неприятностей совершенно неизбежных).

Первое время редактор «Звезды» и помогал Гайдару и защищал его.

Но количество неприятностей росло. Гайдар к тому же не был «удобным» в житейском отношении человеком да и не всегда прислушивался к редактору. И у редактора ослабевала твердость в защите фельетониста. Он все чаще советовал Гайдару умерить фельетонный пыл, переключиться на другие жанры. К тому же фелье-

гон «Шумит ночной Марсель» был опубликован в то время, когда редактор находился в отпуске.

«Звезда» поместила 19 ноября (то есть со значительным опозданием) очень сдержанный отчет о суде. В нем еще раз разъяснялись особенности фельетонной формы и отмечалось, что именно эта форма подвергалась осуждению.

24 ноября в газете «Уральский рабочий» (областной газете, органе Уралобкома) появилась заметка из Перми специального корреспондента Я. Грина (Я. Гринвальда) «Пермский фельетонист под судом». В ней давалась более определенная, чем в «Звезде», оценка приговора: «Этот странный приговор суда, не разобравшегося в том, что караемые законом выражения фельетона вложены в уста отрицательного персонажа фельетона, дебошира и пьяницы, сильно взволновал общественное мнение и редакцию «Звезды», которая и направила приговор суда, копию фельетона и все относящиеся к делу бумаги в высшие судебные инстанции. Наряду с этим Пермская секция печати и редакция «Звезды» сообщили об этом исключительном приговоре суда над советским журналистом, самим судом признанным отвечающим своей задаче вскрывать общественные язвы и бичевать виновных, редакции газеты «Правда» и редакции «Журналиста».

К сожалению, тогда, по свежим следам, на дело Гайдара никто, кроме «Уральского рабочего», не откликнулся.

31 декабря 1926 года — 2 января 1927 года в Перми проходило большое окружное совещание рабселькоров. В нескольких выступлениях на совещании говорилось о несправедливом осуждении Гайдара. Говорил об этом и сам Гайдар, участвовавший в работе совещания. На совещание приехал заведующий отделом рабочей жизни редакции «Правды» Д. Ершов. Гайдар беседовал с ним по поводу своего судебного дела.

Но и непосредственно после совещания никто на осуждение фельетониста не реагировал.

Секция работников печати, более активная в защите Гайдара, чем редактор «Звезды», решила найти способ объясниться с руко-

водящими работниками округа по поводу фельетона. Это намерение поддержал приехавший в Пермь из областного центра — Свердловска редактор «Уральского рабочего» В. Филов. На 26 января 1927 года в большом зале центральной публичной библиотеки был назначен диспут о советском фельетоне с вступительным докладом В. Филова. Участвовать в диспуте секция работников печати пригласила большую группу руководящих работников округа — окружка партии, окрисполкома, окрКК, окрпрофбюро, прокуратуры и т. д., причем извещение об этом опубликовала в газете. Был приглашен, в частности, и народный судья 2-го участка А. К. Лифанов.

Пришло много народа, но большинство получивших персональные приглашения участвовать в диспуте не пожелали.

В докладе Филова значительное место занял разбор случая с фельетоном «Шумит ночной Марсель». Многие из выступавших также говорили о неправильном осуждении фельетониста. Народный судья Лифанов, имевший мужество прийти на диспут и выступить на нем, писал несколько позже: «Когда открылся диспут, то я понял, что меня пригласили для того, чтобы устроить надо мной и приговором суда 2-го участка от 13 ноября 1926 года суд работников печати»*. Это было не так: приглашался далеко не один Лифанов, да и диспут не свелся к обсуждению случая с Гайдаром. Но намерение объясниться с работниками партийных, советских и судебных органов по вопросу о фельетоне у организаторов диспута было. Стоит заметить, что судья Лифанов свое выступление начал, как он писал, с оговорки, что «в области фельетонов рассуждать с людьми, занимающимися этим делом, я, конечно, не сумею», и свел свою аргументацию правильности приговора к тому, что в новом Уголовном кодексе (кодексе 1926 года) статья, карающая за оскорбление личности, оставлена.

Наконец, выступила «Правда». В ней появилась большая и имевшая принципиальное значение статья Е. Двинского (Д. Ершова) «Преступление Гайдара». Д. Ершов, рассказывая, уже в недавние

* ППА, ф. 1109, оп. 1, д. 151, лл. 90 и 90 об

годы, об этом эпизоде, свидетельствует, что статья была подготовлена по указанию тогдашнего секретаря редакции «Правды» Марии Ильиничны Ульяновой, которую страшно возмутил приговор суда над Гайдаром *. В статье сообщалось о приговоре суда и констатировалось:

«Для газетного работника общественное порицание не легче семидневного заключения в исправдоме. Но, к счастью осужденного, общественного порицания не получилось. Наоборот, общественное мнение восстало против приговора суда. Общественное мнение оказалось на стороне Гайдара. Рабочие ряда крупнейших заводов, рабселькоровское окружное совещание, областная газета «Уральский рабочий» высказались в защиту Гайдара».

В статье доказывалась далее несообразность приговора суда, из которого следует, что «фельетонную форму произведений надо изгнать из газеты», и заявлялось, что читатель с этим не согласится.

«Нет и нет. Рабочий-читатель это понял и встал на защиту Гайдара. Рабочий-читатель знает, что партия и Советская власть на газету смотрят не так, как на суд 2-го участка г. Перми».

Автор статьи в подтверждение этого приводил мнение, высказанное на собрании рабкоров «Правды» заместителем председателя Центральной Контрольной Комиссии А. А. Сольцем:

«Бичевать только в форме протокола нельзя. Протоколом заинтересовать нельзя... Печать должна разоблачать, а когда она разоблачает, она имеет право немного преувеличивать. Нельзя просто описать факт, нужно представить его в смешном виде, в карикатурном виде, и это правильно, так как это газета, а не протокол».

«Вот почему,— говорилось в заключение статьи,— приговор суда читательской массой не поддержан. «Преступление» Гайдара рабочим читателем воспринято как его заслуга. Читатель толкает Гайдз-

* См.: Д. Ершов, Большой друг рабселькоров. М., 1959, стр. 14. Воспоминания Д. Ершова об этом эпизоде публиковались также в журнале «Рабочекрестьянский корреспондент», 1958, № 6 и 7; в газете «Звезда», 1958, 10 сентября и в еженедельнике «Литературная Россия», 1964, 17 января, № 3 (55).

ра на новые такие преступления, и Гайдар продолжает эти преступления совершать там же, так как он дал подписку о невыезде.

Может быть, нарсуд изменит меру пресечения? Может быть, вообще, в согласии с общественным мнением, суд найдет возможным пересмотреть свое, несомненно ошибочное решение?».

Эта статья означала полную победу Гайдара-фельетониста в затянувшемся споре. Он был поддержан «Правдой». Что может быть лучше?

Все было хорошо в этой статье. За исключением одного: появилась она очень поздно, только 5 апреля 1927 года, почти через пять месяцев после суда. И Гайдара в это время в Перми уже не было. Он уехал отсюда в начале февраля.

«Звезда» даже не перепечатала статью Е. Двинского из «Правды». Это сделал «Уральский рабочий», сопроводив ее примечанием: «В настоящее время тов. Гайдар работает в «Уральском рабочем» *.

Бюро расследований «Правды» обратило внимание Пермской окружной контрольной комиссии на статью Е. Двинского «Преступление Гайдара» и просило сообщить, что предпринято по ней. С большим опозданием, 2 июня 1927 года, окрКК за подписью заместителя председателя препроводила в редакцию «Правды» весьма невнятное объяснение, в котором приговор суда, к тому же неточно изложенный, оправдывался **. Тем дело и кончилось.

ЧТО ОСТАВАЛОСЬ ДЕЛАТЬ?

Гайдара давно уже не было в Перми. Работа его здесь сделалась невозможной.

На диспуте о фельетоне, о котором говорилось выше, тогдашний редактор «Звезды» не только не поддержал своих фельетонистов (Гайдара и Михаила Черныша), но даже заявил, что они

* «Уральский рабочий», 1927, 8 апреля, № 80.

** ППА, ф. 1109, оп. 1, д. 151, лл. 87—93,

«деклассированный элемент» и потому неспособны отразить настроение рабочих и правильно подойти к теме. Во второй половине января редактор забраковал подряд пять фельетонов Гайдара без сколько-нибудь серьезной мотивировки. Когда же вопрос об этом был поднят сотрудниками на редакционном совещании, редактор заявил, что считает фельетоны слабыми и надеется, что Гайдар, поголодав, будет писать лучше¹.

Что оставалось делать Гайдару? Оставалось только одно — уходить. А как раз в это время в Пермь приехал умный, талантливый редактор «Уральского рабочего» В. Филов. И в феврале 1927 года Гайдар оказался сотрудником этой, значительно более крупной, чем «Звезда», газеты. И здесь Гайдара встретили хорошо: его фельетоны печатались на первой странице, тогда как другие фельетонисты (а в это время в «Уральском рабочем» их было несколько) выступали на внутренних страницах. Когда руководители завкома Карабашского медеплавильного завода прислали в редакцию «Уральского рабочего» развязное и наполненное оскорбительными выпадами опровержение фельетона Гайдара «Смерть примиряющая», другой фельетонист газеты — С. Телегин выступил с гневной отповедью опровергателям².

В одном из первых своих произведений в «Уральском рабочем» — очерке «3000 вольт» — Гайдар выступил со слабо завуалированным объяснением своего конфликта с редактором «Звезды». Этому было посвящено пространное вступление к очерку.

«Как-то раз редактор одной из провинциальных газет призвал меня к себе и начал отчитывать следующими словами:

— Что это вы, дорогой товарищ, все больше сенсационными разоблачениями занимаетесь, пишете все в отрицательном смысле, совершенно игнорируя светлые стороны текущего момента. Все это

¹ Излагаем эти факты не столько по памяти, сколько по сохранившемуся документу того времени — заявлению трех работников редакции коммунистов А. Павлова, М. Черныше и Б. Назаровского в окружном партин, См. ППА, ф. 2, оп. 4, д. 192, лл. 13—16.

² «Уральский рабочий», 1927, 3 марта, № 51. С. Телегин. «Кто автор?»

говорит о том, что вы еще недостаточно прониклись духом пролетарского мирозерцания...».

Редактор посылал Гайдара на предприятия, на всякого рода заседания и совещания, происходившие там, но они Гайдара не воодушевляли.

«Это было давно, и тогда на почве высказанных мною пессимистических взглядов у меня с редактором вышли серьезные разногласия».

Дальше Гайдар рисовал картину пуска электростанции.

«И я подумал, кто прав, кто виноват — дело темное, но только здесь гул машин, запертых рукой человека в полупустом зале, молчаливый поворот рычага рабочей рукой заставили меня почувствовать дух эпохи гораздо сильнее, нежели на торжественных заседаниях, скучных докладах и однотонных собраниях, в которых я не мог уловить того, чего от меня требовали».

Конфликт с редактором «одной из провинциальных газет» отнесен в давнее прошлое для отвода глаз, чтобы не давать основания для каких-либо ответов со стороны редактора близкой «Звезды». Речь шла, конечно, о нем. Да и предприятия-то назывались такие, которые были в Перми.

Но Гайдар, воодушевившийся в Свердловске пуском новой электростанции, и здесь остался фельетонистом. Борьбу со всем старым, разоблачение негодного, мешающего социалистическому строительству, он считал тогда в своей журналистской работе первой и главной задачей.

7—10 мая 1927 года в Свердловске проходило совещание редакторов газет Уральской области. В нем участвовал и на нем выступал Гайдар. Сохранилась только очень краткая протокольная запись его выступления:

«Г а й д а р. Некоторые газеты смело помещают разоблачительный материал, другие — нет. Нужно побольше смелости при помещении разоблачительного материала»*.

* Партийный архив Свердловской области, ф. 4, оп. 5, д. 449, л. 88.

Редактор «Звезды», выживший Гайдара, недолго удержался на месте. Чаша терпения журналистов, работавших в «Звезде», переполнилась. Одно за другим пошли в окружном заявлении с просьбой отпустить из округа и заявления о неправильном поведении редактора» *. И окружком в апреле 1927 года пошел на смену редактора.

Но фельетониста, талантливого фельетониста, и быстро растущего молодого писателя Пермь лишилась.

ПАМЯТЬ О ПЕРМИ

Гайдара долго вспоминали в Перми.

И ему самому запомнилась Пермь, запомнилась главным образом тем хорошим, что было в ней: здесь он стал журналистом, здесь вновь ощутил счастье полнокровной жизни, счастье борца.

Он встречался с пермскими товарищами в Москве. Тот же Александр Плеско помог ему найти более или менее постоянную работу в «Красном воине», Галина Плеско — в «Голосе текстилей». Со Степаном Милициным, с которым подружился в Перми, Аркадий работал в Москве, встречался с ним позже в Севастополе.

С товарищами, оставшимися в Перми, постоянной переписки у Гайдара не установилось. Но отдельные письма свидетельствуют о теплом чувстве, которое он продолжал питать к этому городу, несмотря на все неприятности, выпавшие здесь на его долю.

Первое письмо написано в 1930 году в Кунцеве (тогда еще пригороде Москвы). Это было спокойное для Аркадия и счастливое время: жил он с семьей — женой и сыном, уже вышла «Школа», принеся ему полное признание, все шло хорошо, и урзновешенное настроение отражается в письме. Оно, как это часто бывало у Гайдара, немного ироничное, с лукавинкой и игрой:

* ППА, ф. 2, оп. 4, д. 192, дл. 12, 13—16, 19, 50, 54, 56.

«Здравствуй, Борис!

Вот ты сейчас получил письмо, посмотрел на конверт, и, вероятно, не угадал почерка. От кого бы это такое могло быть это письмо? И решил, вероятно, что это дело темное,— почерк что-то знакомый, и, вероятно, пишет тебе какая-нибудь давно забытая «она» — или тихая девушка с грустными глазами или веселая милолетняя любовница, одна из тех, с которыми проводил ты многие минуты своего досуга в бытность свою в Москве.

А пишу это вовсе я — Арк. Гайдар — проведая от добрых людей, что работаешь ты в Перми — жив, здоров — холост, а посему спокоен и мудр.

Боренька! За эти два года — что мы не видались — постарел я также ровно на два года, и сейчас мне не больше и не меньше как 26 годов и сколько-то там месяцев. Много за это время я ездил по Северу, а теперь вот уже полгода, как живу в Москве. Не работаю пока в газете нигде, но скоро буду работать — потому что долго без газеты скучно. За это время в ГИЗе у меня вышла повесть «Школа» — десять печ. листов, и в «Молодой гвардии» — «На графских развалинах». Кроме того, в «Ром.-газете» печатается (первую часть посылаю) «Обыкновенная биография». Лиля (Раля) жива, здорова и работает редактором радиопионерской газеты. Тимур — нигде не работает — все больше бегаёт, загорает и задает вопросы приблизительно такого рода: «Что такое батарея?» — А это, вот, одна пушка, да другая пушка, да еще пушка, вот тебе и батарея. — А почему лес — не деревья, а лес? — А это одно дерево — значит дерево, а другое дерево, да третье дерево, да еще деревья — вот тебе и лес. (Пауза). — А если батареи с лесом сложить (???), то что тогда получится? И т. д.

Был у нас на днях — проездом из Старого Оскола (из отпуска) в Ташкент — Грегуар* с женой и дитем. Грегуар стал очень ученым человеком и написал какую-то статью, до того мудреную, что, как он уверяет, никто из его друзей, кроме тебя, ее не поймет —

* Грегуар — Игорь Орестов, перешедший тогда на научную работу.

из чего ты можешь заключить, сколь высоко ценит он твои познания. Видел я на днях Шурку П.* — С ним мы встретились случайно. Перекинулись несколькими словами и, как говорится, мы «холодно руки друг другу па-а-жа-али и молча расстались навек». Странное ощущение осталось у меня от этой встречи.— Хороший он парень был в свое время. Гостил у меня несколько дней Николая*.— Этот все такой же, только роговые очки стали еще шире, а борода еще острее. Степа* — женат. Вот, брат Борис, какие дела. Напиши мне что-нибудь о себе и о ком знаешь. Где Павлик Маленький? Пашка Большой? Вурдалак?* . Интересно, остался ли в «Звезде» хоть один человек, который при мне, или при котором я работал. Счастливое, хотя и немного слишком озорное было время.

Боренька! У меня к тебе огромная просьба исключительной важности. Не можешь ли ты мне помочь в ней.— На Урале сейчас сидит писательница [.....] и пишет книгу о Лбове. Но ведь все равно лучше меня не напишет [.....] — и здесь одно очень почтенное издательство должно в срочном порядке издать мою повесть («Лбовщина» переработанная вместе с «Давыдовщиной»). Но вот вся беда — у меня нет ни рукописи, ни одного экземпляра «Лбовщины» («Давыдовщина» есть), и достать ее нигде здесь нельзя. А дело очень спешное. Может быть, ты достанешь в Перми и пришлешь мне эту книжку. Может быть, у тебя остался экземпляр. Пришли, пожалуйста. В магазинах здесь нет. «Книга-почтой» не высылает, а нужно до зарезу, ибо я на этом промедлении могу потерять очень большую сумму денег.

Пришли, пожалуйста, по адресу: — Москва — Кунцево, Большая Кунцевская, дача № 24, Гайдару.

Бог вознаградит тебя за доброту твою, и я до гроба буду поминать тебя в своих молитвах.*

Если бы я не знал, что ты добр, как Христос и Магомет вместе

* Шурка П.— Александр Плеско, в отношении которого к Гайдару наступило тогда охлаждение. Николая — Николай Кондратьев. Степа — Степан Милицин. Павлик Маленький — Александр Дмитриевич Павлов, называемый Маленьким за свой рост. Пашка Большой — Павел Варасов. Вурдалак — Михаил Черныш.

взятые, я был бы уверен, что, прочтя сии строки, ты злорадно сказал бы: — Ага, сукин кот, то не писал, не писал, а то как понадобилась книга, сразу нашел и время и средства для отправления письма, так вот, пусть и т. д.

Но остерегись, Борис, так поступать. Ибо как ты, человек, изучавший диалектику и философию, должен помнить слова св. Нафанаила-постника, который писал о царе Егудииле: «Всуде сей человек к господу возносит очи, моля — Господи даждь мне — ибо очерствело сердце его (Егудиила), многожды проклиняемое всяк день всуде просящими его».

Боренька! Посылаю тебе портрет двух Гайдаров, один теперешний, другой будущий. Напиши мне, нет ли у тебя какого-нибудь дите, если есть, то какое и как его зовут, а заодно и главные подробности о том, как это все вышло. — Кроме того, напиши, кто у вас теперь редактор, долго ли ты будешь в Перми, и еще что-нибудь.

А пока крепко жму твою лапу и остаюсь в ожидании твоего ответа, известный тебе

Арк. Гайдар.

1/IX 1930
Москва»*.

Ласковая просьба подействовала. Книга была немедленно послана. В ответ пришло следующее письмо:

«Боренька!

Большущее тебе спасибо за книги. Что-то это такое, однако, ты не удосужился приписать хоть несколько строк.

Я опять вернулся в лоно журналистики и работаю сейчас фельетонистом в «Рабочей газете» (редактор Филов, замред Цехер!)**.

* Письмо, как и следующие два, — на хранении в ЦГАЛИ, в фонде А. П. Гайдара — ф. 1672. Фотография Аркадия Гайдара с Тимуром в черкесске, о которой идет речь в письме, помещается в этой книге.

** Фамилии Филова и Цехера Гайдар отметил восклицательным знаком в связи с тем, что они же руководили «Уральским рабочим» в 1927 году, когда он работал там.

Читай при случае и восторгайся.

Вчера видел после долгого перерыва «Звезду», подписанную твоим именем, хотя и не твоим почерком. Возрадовался. Посмотрел на тираж — 34 000. В мои времена было только 14.

Боря, интересно — есть у тебя борода, или ты бреешься, или еще как?

Возможно, что мне случится скоро быть на Урале, — будет по дороге или нет, а в Пермь я заеду обязательно.

Настроение и самочувствие у меня хорошее (еще лучше после получения «Лбовщины»). Погода в Москве пока превосходная, но бутылка постного масла стоит 12 рублей без сдачи.

Обязательно напиши мне о том, о чем я спрашивал тебя в первом письме.

Крепко жму твою руку. Арк. Гайдар.
17/IX 1930»

В Пермь Гайдар не заехал, хотя на Урале вскоре побывал: он ездил в командировку в Магнитогорск.

Прошло еще почти два года. Гайдар — в Хабаровске, в «Тихоокеанской звезде». Он узнает, что Степан Милицин вновь работает в Перми, в «Звезде», и шлет письмо ему (письмо это было переслано Милициным Назаровскому, работавшему в Свердловске).

«Здравствуй, Степа!

Вот уже четвертый месяц, как я работаю на Дальнем Востоке.

Работаю разъездным. Сегодня получил письмо от Кольки. Чтобы не пересказывать — пересылаю. Все это: Крым, Севастополь, наша встреча, — осталось позади, как и многое еще другое.

Жизнь здесь у нас странная. Ветер с Тихого океана дует очень горячий.

Я недавно был на берегах озера Ханка — это на самой границе Манчжурии. Был в лесах у подножья очень дикого хребта Сихотэ-Алиня. Вскоре поеду (поплыву) на Сахалин.

[...] Здесь я неожиданно встретил одного человечка из Перми. Может быть, помнишь, был у нас такой тихий, скромный правщик

некий Г. Печорин. Он работает здесь редактором одной из районных газет.

Степа, напиши мне о Перми. Какая она теперь. Что находится на тех местах, которые посещали мы в дни далекой неповторимой молодости.... Напиши как: ну вот идешь ты, конечно, немного подвыпивши, останавливаешься перед какой-нибудь «белой акацией» и громко поешь: «Вот мельница, она уж развалилась».

Напиши, Степа! Где Борис, если он в Перми — то передай ему от меня самый теплый привет. Может быть, ты встретишь какого-либо убеленного сединами старца, который еще помнит наши минувшие подвиги. Поклонись тогда от меня этому почтенному человеку, и да пошлет ему господь-бог мир на его беспутную голову. Где сейчас редакция — в том же доме или нет?

Пока, Степа, всего хорошего. Привет твоей жене и твоим детям. Все вы, свзлочи, [...] живете в покое и мире, окруженные почетом подчиненных, уважением начальников и любовью чад и домочадцев.

А я — гоним судьбою, и как робкий зверь все сигаю то от Архангельска до Тифлиса, то от Крыма — до берегов Тихого океана.

Прощай пока, Степа!

Напиши мне. И если Борька здесь, то пускай он тоже напишет. Будь жив здоров. Арк. Гайдар.

10/V. 32.

Дальнезосточный край. г. Хабаровск. «Тихоокеанская звезда». Мне.

Напиши: — ведь когда-нибудь еще встретимся».

Мало внимания, заботы, ласки получал от нас Аркадий Гайдар. А он нуждался в поддержке, в добром и ласковом слове.

Тогда, в 1932 году, фраза об убеленных сединами старцах звучала иронически. А сейчас и таких старцев, помнящих работу Гайдара в Перми, осталось мало.

Но память о Гайдаре, о его жизни в Перми, сохраняют не только старцы, а, что много ценнее, все новые и новые молодые поколения.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начало литературного пути Гайдара во многих посвященных ему произведениях рисуется упрощенно, по следующей схеме.

С юных лет Аркадий Голиков воевал. Ранение и болезнь оторвали его от родной Красной Армии. Нарком обороны посоветовал огорченному юноше: займись литературой. И Аркадий Голиков, понимая, что Советской стране еще не раз понадобятся преданные и храбрые воины, стал рассказывать ребятам в книгах о себе, о своем боевом пути. Он быстро сменил оружие и снова скакал впереди. Так появился писатель Гайдар.

Эта схема не столь далека от действительности. И все же ограничиваться ею — значит говорить о Гайдаре до обидного мало, да и утверждать некоторые просто неправильные вещи. Разве можно стать крупным писателем, основываясь лишь на своем жизненном опыте? Надо же осознать, осмыслить свой опыт, а для этого понять и почувствовать жизнь народа. И разве тема Гайдара — гражданская война? Его тема шире — революция.

Путь Аркадия Голикова — прям. В служении родине он — рыцарь без страха и упрека. Но путь его труднее и сложнее, чем обычно рисуются. И не следует слишком уж упрощать его.

Сам-то Гайдар был безусловным противником слащавости, приукрашивания и лжи, хотя бы и продиктованной благими педагогическими намерениями. Зачем же нам теперь, даже в работах, предназначенных, безусловно, для взрослых, расписывать: «Ранние повести и рассказы А. П. Гайдара... сыграли большую роль в развитии метода социалистического реализма...»; «Автору удалось в первой повести создать систему художественных образов положительных героев того времени» и т. д. и т. п. * Гайдар не нуждается в таких неумеренных комплиментах. А литературную молодежь они могут только запутать. Уж очень простой оказывается задача овладеть художественным словом и даже развивать социалистический реализм.

Нужен живой и реальный портрет Гайдара, а не икона. Время икон прошло.

Вера Смирнова справедливо пишет:

«Гайдар был самоучка в литературе — тот интеллектуальный скачок, который он должен был сделать, пересев из красноармейского седла на капризного Пегаса, потребовал от молодого Гайдара невероятного напряжения сил и воли».

Она продолжает так:

«По счастью, то было время самоучек в литературе, и Гайдару не пришлось терпеть поражений и неудач на первых порах своей литературной деятельности. На литературном пути Гайдара почги не было внешних препятствий — недоброжелательной критики, помех в издании книг, непризнания писателями и читателями. Но было, очевидно, много трудностей внутренних — с самим собой, с овладением «технологией» литературной работы, с поисками своего пути» **.

Тут хочется внести некоторые поправки и уточнения.

* Е. И. Петряева. О первой повести А. П. Гайдара «В дни поражений и побед». Труды Одесского государственного университета, т. 151, Серия филологических наук, вып. 11, Одесса, 1961, стр. 153, 155 и др.

** Вера Смирнова. Аркадий Гайдар. М., 1961, стр. 122 и 123

Была недоброжелательная критика. Мы говорили об этом¹. И первую повесть Гайдара «В дни поражений и побед» ругал не только цитированный нами выше Борис Анибал. После публикации ее в альманахе «Ковш» беспощадный приговор Голикову вынес бойкий и язвительный литературный критик Михаил Левидов. Аркадий Голиков — смельчак, — замечал иронически этот критик, — смельчак, решившийся выступить с произведением, на успех которого у читателей рассчитывать просто невозможно, так как нет для этого успеха никаких оснований. Тема повести — гражданская война. «На эту тему написано и пишется очень много. Тема, значит, не основание. Сюжет? Вместо него банальный эпизод. Действующие лица не живут. Языка нет, так, серая пыль»^{**}. Критик находил совершенно неудавшейся попытку Гайдара беллегризировать имевшийся у него материал, он считал повесть просто несостоявшейся.

Таково же было суждение критика из ленинградского журнала «Звезда», рецензировавшего вторую книгу альманаха «Ковш»:

«Разные перипетии гражданской войны описывают М. Борисоглебский («Буча») и Арк. Голиков («В дни поражений и побед»). Но художественностью эти описания не отличаются. Ценный бытовым материал гибнет благодаря неумению авторов его литературно организовать. Газетные интонации, шаблон, общие места, отсутствие стиля — разве это художественная литература»^{***}.

Немногим лучше был отзыв рецензента московского «Октября»^{****}.

Всякое с критикой бывало. Об этом стоит сейчас напомнить, чтобы литературная обстановка двадцатых годов не рисовалась

¹ См. главу «Гайдар и Лбов».

^{**} Статья Мих. Левидова цитируется по его книге «Простые истины», вышедшей позже — в 1927 году, в издании автора. Она вошла в книгу в качестве второй главы «Еще двадцать два». Повести «В дни поражений и победа» посвящен первый параграф — «Случай с Голиковым».

^{***} «Звезда» (Ленинград), 1926, № 4 (10), стр. 290.

^{****} «Октябрь» (Москва), 1926, № 9, стр. 157—158.

идеальной и чтобы литературная молодежь знала, через какие критические испытания приходилось проходить писателям первого советского поколения.

О степени внимательности критики можно судить и по тому, что первую публикацию «Р. В. С.», публикацию в ленинградском журнале «Звезда», никто не заметил*.

На новом, литературном поприще Аркадия Голикова ждали не одни успехи. Дни поражений и побед ему пришлось пережить и здесь. И сам он не всегда мог сразу разобраться, в чем именно его победы, а в чем поражения. Критика же плохо в этом помогала.

Были внешние препятствия. Но права Вера Смирнова: главные преодолённые Гайдаром трудности — это трудности внутренние.

Аркадий Голиков пришел в литературу, если говорить в общем и целом, так же, как пришли многие другие советские писатели первого призыва: через армию и газету. Д. Фурманов, В. Иванов, А. Фадеев, Л. Леонов, В. Вишневский, П. Павленко — все они и в Красной Армии служили, и в газетах работали. Все же путь Гайдара был своеобразен и значительно более труден. Армия заняла в его жизни очень большое место, а расставание с ней было не простым и не гладким — оно носило характер катастрофы, которую Гайдар долго и болезненно переживал. Газета же была не мостом, помогающим постепенно перейти к художественной литературе, а скорее некоей резервной позицией, на которой удалось закрепиться после того, как первая попытка взять приступом высоты художественной литературы не увенчалась полным успехом и сразу удержаться на этих высотах не удалось.

Примем во внимание еще одно обстоятельство.

Красная Армия воспитала много, очень много замечательных людей. Не только военачальников, а и партийных, государственных, хозяйственных руководителей, деятелей культуры. Она очень

* «Звезда» (Ленинград), 1925, № 2. Публикация эта зарегистрирована Владиславлевым в его библиографическом труде «Литература великого десятилетия» (М., 1928).

многое дала Гайдару — сформировала его, и всю жизнь Гайдар сохранял к ней чувство сыновней благодарности, всю жизнь оставался бойцом.

Но служба в армии, действующей армии, служба на командирском посту для подростка и юноши, каким бы он стойким ни был, все же тяжелое дело. На еще не вполне окрепшие плечи лег огромный груз ответственности военного командира, часто обязанного самостоятельно принимать решения, от которых зависят человеческие жизни. Война всегда несет тяжелую жатву смерти. Не легко смотреть смерти в глаза. Не только и не столько своей смерти. Гайдару пришлось пережить много тяжелого в борьбе с контрреволюционными бандами: гибель друзей, расстрелы врагов. А ему было 16—18 лет. И он — командир, отвечающий за все. Мудрено ли, что после службы в армии ему надо было в некоторых отношениях выпрямляться. Из кочевой военной жизни он вынес и некоторые дурные привычки. Легкое, хотя бы минутное забвение, любая ласка — были иногда совершенно необходимы ему. Он был художнической, эмоционально восприимчивой натурой. А ведь у таких людей нервы обнажены. Незащищенность души — это, можно сказать, профессиональная особенность поэтов и художников. А сколько раз этой незащищенной душе приходилось испытывать тяжелые удары!

Он остался одиноким. Он скитался по стране. И не находил постоянного дела.

Вспомним: были доблестные командиры, и партизанских и регулярных частей, которые, закончив славный боевой путь, не смогли в мирной обстановке, обстановке первых лет нэпа, обуздать клокочущие в них страсти, войти в новый ритм жизни, ощутить не так еще заметный пафос созидания, которым начинала жить страна. Они срывались. Вспомним хотя бы Дмитрия Векшина. Леонид Леонов писал своего «Вора» по наблюдениям и размышлениям именно тех лет. Были люди, совсем сходявшие с круга, были и такие, кто после тяжелых срывов находил свое место.

Аркадий Голиков удержался. Но ему пришлось бороться за се-

бя, за сохранение своей личности, как нужной для родины боевой единицы. Жилось тяжело. А кругом раздражающие картины легкой жизни нэпачей, растратчиков, умеющих ко всему приспособиться администраторов. Так просто соскользнуть, даже для себя незаметно, на легкий путь забот только о себе, только о своем благополучии.

Замечательная закалка была у Аркадия Гайдара и изумительная сила воли!

Во всем творчестве Гайдара — много, очень много личного. Он шел от себя, от того, что он видел, испытал, пережил, переживал. Автобиографические мотивы сильны в его первых произведениях, и не только в поэзиях, которые выросли в «Школу». Конкретный автобиографический материал включался им в более поздние произведения. А в некоторых из них несомненен психологический автобиографизм. Разве не автобиографичен «Горячий камень»? Разве это не личная декларация Гайдара? У него всюду и сильно проявляется авторское я. И ему не надо было себя переламывать, менять себя в чем-либо основном, чтобы полногласно говорить от имени революции.

Но для этого надо было сохранить и развить свою личность, отстоять ее в борьбе с нелегкими подчас житейскими обстоятельствами.

Он выступал в газете как Гайдар — со своим словом, своим взглядом, своими наблюдениями и мыслями. В его фельетонах всегда ощущалась живая, работающая личность фельетониста. И вместе с тем это был голос общественного мнения, и фельетонист отстаивал не что-то личное, а общие позиции, позиции Коммунистической партии и рабочего класса.

Гайдар был солдатом. Это много раз говорилось, и это, несомненно, так. Но солдатом не в смысле «винтика», покорно выполняющего предназначенную ему функцию и способного служить в любом механизме. Он был солдатом в том высоком смысле, который придавали этому слову действительно крупные полководцы. Михаил Васильевич Фрунзе говорил о солдате: «Боец хорош, когда

Здесь был коллектив. И здесь было литературное оружие, наиболее близкое по характеру клинку,— фельетон.

Газета, в которой Аркадий Голиков выступил как Гайдар, лирический герой своих рассказов и фельетонов, помогла формированию писателя Гайдара. Происходило взаимодействие бытового «я» Аркадия Петровича Голикова и авторского «я» Гайдара. Это взаимодействие не вполне совпадающих «я» обогащало и очищало Аркадия Гайдара. Работа в газете заставляла развивать в себе то, что помогает быть рупором общественного мнения.

Широкие контакты с людьми, познание жизни с иных, чем прежде, позиций, жизни на новом этапе развития страны, помогли и другому — более глубокому осмыслению своего личного жизненного опыта, помогли, иначе говоря, созданию «Школы». Они укрепили и развили гуманистический пафос гайдаровского творчества

Ниже печатается библиография произведений А. П. Гайдара, опубликованных в уральских газетах.

В первой части произведения расположены по четырем разделам (газеты «Звезда», «Вечерняя Звезда», «Уральский рабочий», «Смычка»), внутри разделов — по жанрам, а в пределах жанров — в хронологическом порядке. Даются: сведения о том, как подписано произведение (обычная подпись «Гайдар» не указывается), дата опубликования, номер газеты и особенности публикации.

Вторая часть — алфавитный указатель — носит вспомогательный характер. Он дает возможность читателю, заинтересовавшемуся тем или иным произведением, найти его.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ А. П. ГАЙДАРА,
ОПУБЛИКОВАННЫЕ В УРАЛЬСКИХ ГАЗЕТАХ
В 1925—1927 ГОДАХ

«Звезда»

Фельетон:

Адмоделу Пермского исполкома. 1925, 25 ноября, № 270.

История о неуловимом билете. 1925, 27 ноября. № 272

Надгробное слово. 1925, 3 дек., № 277

Волшебный дом. 1925, 4 дек., № 278.

- Темной ночью. 1925, 5 дек., № 279.
Бумажная стихия. 1925, 8 дек., № 281.
«Верите ли вы нам, как государственной организации?» 1925, 11 дек., № 284.
Секретные сведения. 1925, 12 дек., № 285. В заголовке рисунок: Гайдар с трубкой на фоне пятиконечной звезды.
- О жадном Местхозе, богатом Промбанке и бедном Ребе. Сказка. 1925, 16 дек., № 288. В заголовке рисунок: Гайдар с трубкой на фоне пятиконечной звезды.
- Кизеловская щедрость. 1925, 17 дек., № 289.
Записки домовладельца. 1925, 20 дек., № 292.
Логика денег. 1925, 20 дек., № 292.
О «новой жизни». 1926, 1 янв., № 1.
Будьте предусмотрительны. 1926, 6 янв., № 4.
Рассуждение на библейские темы. 1926, 9 янв., № 7.
Осиновые дела. 1926, 14 янв., № 11.
Политграмма Уралторга. 1926, 16 янв., № 13.
Человек, который «не любит коммунистов». 1926, 19 янв., № 15.
Тысячу первый раз о том же. 1926, 20 янв., № 16.
Спец от Центроспирта. 1926, 28 янв., № 22.
К перевыборам горсовета. 1926, 30 янв., № 24.
Заграничное письмо. 1926, 9 февр., № 32.
Ураза Байрам, или Еще об одном зав. 1926, 12 февр., № 35.
Альбомные стихи. 1926, 13 февр., № 36.
Теоретическое обоснование. 1926, 14 февр., № 37.
Поддельное письмо. 1926, 17 февр., № 39.
«Да здравствует буржуазия». 1926, 21 февр., № 43.
От поезда до повзда. 1926, 25 марта, № 68.
Загиб мозгов. 1926, 13 июня, № 134.
Наследие старой династии. 1926, 15 июня, № 135.
Осколки разбитого. 1926, 20 июня, № 140.
Экономьте здравый смысл. 1926, 24 июня, № 142.
Неофициальное письмо. 1926, 25 июня, № 143.
Госторговские яйца. 1926, 26 июня, № 144.
Сто процентов благотворительности. 1926, 27 июня, № 145.
Оборотная сторона. 1926, 29 июня, № 146.
Чудеса в решете. 1926, 30 июня, № 147.
«Крейсер» «Овсянники». 1926, 1 июля, № 148.
История одной смерти. 1926, 1 июля, № 148.
Ночное приключение. 1926, 2 июля, № 149.
Кругом деньги. 1926, 7 июля, № 153.
Первомайский бал. 1926, 8 июля, № 154.
Конспиративное собрание, или Кто из наших читателей догадливей?
Подпись: Г. 1926, 11 июля, № 157.

- Азартный уклон. 1926, 13 июля, № 158. В тексте — рисунки.
- Неуместная наивность. 1926, 14 июля, № 159.
- Остров вакханалии. 1926, 18 июля, № 162.
- Три пуговицы. 1926, 21 июля, № 164.
- Скоропортящиеся продукты. 1926, 22 июля, № 165.
- «Не возражайте!». Подпись: Г-р. 1926, 22 июля, № 165.
- А если вблизи? Подсмотрено в окошко. Подпись: Г-р. 1926, 22 июля, № 165.
- Рассказ о св. человеке. 1926, 23 июля, № 166.
- Записки финагента. 1926, 24 июля, № 167.
- Мысли о бюрократизме. 1926, 25 июля, № 168.
- «Шумит ночной Марсель». (Кино-эскиз). 1926, 27 июля, № 169.
- Магазин готового платья. 1926, 28 июля, № 170.
- Спокойный край. 1926, 29 июля, № 171.
- Фельетон без визы. 1926, 29 июля, № 171.
- Притча о блудном сыне. 1926, 18 авг., № 187.
- Расчеты инспектора Балабанова. 1926, 18 авг., № 187.
- Дочь ревизора. 1926, 19 авг., № 188.
- Неуместная «расчетливость». Под рубрикой: «Дорогу рабочей смекалке!». 1926, 20 авг., № 189.
- Ночные «барабанщики». Подпись: Г-р. 1926, 20 авг., № 189.
- Дельное предложение. 1926, 22 авг., № 191.
- Благое начинание. 1926, 24 авг., № 192.
- «Маленькая» ошибка. 1926, 25 авг., № 193.
- «Святая невинность». 1926, 27 авг., № 195.
- Растаявшее мороженое. 1926, 28 авг., № 196.
- Позорный документ. 1926, 3 сент., № 201.
- Холостые залпы. 1926, 4 сент., № 202.
- Фельетон по поводу. Подпись: Г-р. 1926, 4 сент., № 202.
- Буква закона. 1926, 7 сент., № 204.
- По бригаде особого назначения П.М.Х.— приказ. 1926, 10 сент., № 207.
- Вместо фельетона. 1926, 14 сент., № 210.
- Хорошо сшитый фрак. 1926, 17 сент., № 213.
- Торжественная передача. 1926, 30 окт., № 250.
- Сказание о св. Душе. 1926, 2 ноября, № 252.
- Неблаговоспитанный инспектор. 1926, 4 ноября, № 254.
- Дело бухгалтера Клопина. 1926, 5 ноября, № 255.
- Насчет любви. 1926, 10 ноября, № 258.
- Очередная повестка. 1926, 11 ноября, № 259.
- Размышления рабочего человека. Подпись: Г-р. 1926, 12 ноября, № 260.
- Талантливый укротитель. 1926, 13 ноября, № 261.
- Дипломатический подход. 1926, 17 ноября, № 264.
- Письмо с намеками. 1926, 18 ноября, № 265.

- «Туртунеф ди жамбой». 1926, 20 ноября, № 267.
Сказка о бедном старике и гордом бухгалтере. 1926, 21 ноября, № 268.
Кругом целого света за полтинник. 1926, 23 ноября, № 269.
Разбитое стекло. 1926, 25 ноября, № 271.
В защиту окрфо. 1926, 28 ноября, № 274.
Экстренный вызов. 1926, 1 дек., № 276.
Церковные дела. 1926, 2 дек., № 277.
Рассуждения о смерти. 1926, 3 дек., № 278.
Цена жизни. 1926, 4 дек., № 279.
Простя истина. 1926, 5 дек., № 280.
Верх рассеянности. 1926, 14 дек., № 287.
Игра на нервах. 1926, 16 дек., № 289.
Договор. 1926, 21 дек., № 293.
«Точные» коэффициенты. 1926, 24 дек., № 296.
Отрывок из летописи. 1926, 30 дек., № 300. Заголовок рисованный.
О высоком искусстве и маленьком человеке. 1927, 4 янв., № 2.
Купленный человек. 1927, 5 янв., № 3.
Ответ на письмо. 1927, 6 янв., № 4.
Дела давно минувших дней. 1927, 7 янв., № 5.
Суд строгий и правый. 1927, 8 янв., № 6.
Энергичная атака. 1927, 13 янв., № 10.
Тихая обитель. 1927, 16 янв., № 13.
Случай массового гипноза. 1927, 18 янв., № 14.

Очерки, статьи, корреспонденции

- О Шлагинских мастерских и вообще. 1925, 17 ноября, № 263.
Кама. Подпись: Арк. Г. 1925, 22 ноября, № 268.
О человеке, который думал. (К выставке стенных газет). На полосе: «Рабочор и стенгазета». 1926, 16 янв., № 13.
У ворот Средней Азии. Письмо с дороги. 1926, 15 апр., № 86.
О корзинке, шляпе и нравственности. Письмо с дороги. 1926, 18 апр., № 89.
Ниже подписи: «Ташкент, апрель 1926 года».
О городе Самарканде, дороге по крышам и женщинах без лица. Письмо с дороги. 1926, 20 апр., № 90. Ниже подписи: «Самарканд, апрель * 1926 г.».
Из тысячи и одной ночи. Кино-эюд. 1926, 25 апр., № 95. Выше подписи: «Самарканд, апрель 1926».
Дело Лабинского, 1926, 4 июля, № 151; 6 июля, № 152.
Газеты Колчака. 1926, 15 июля, № 160.

* В тексте «март» — явная опечатка.

Встречи в бурю. (Из воспоминаний тов. Окулова о тов. Дзержинском). 1926, 23 июля, № 16б.

Проклятая дочь. Очерк. 1926, 26 ноября, № 272. Заголовок рисованный. В тексте рисунок.

Предвыборные заметки. Подписи: Г-р. 1927, 8 янв., № 6.

Наши собрания и наши докладчики. (Перевыборный очерк). Подпись: Г-р, 1927, 16 янв., № 13.

Стихи

Перед выборами. Орывок из инсценировки Гайдара. 1926, 31 янв., № 25.

Баллада о перевыборном плакате. 1926, 3 февр., № 27.

Орывок из поэмы «Пулеметная пурга». 1926, 23 февр., № 44.

После измены. 1926, 19 июня, № 139.

В новой петле. 1926, 24 июня, № 142.

Рассказы

У-ловой дом. 1925, 7 ноября, № 256.

О том, как хоронили Левку. 1925, 11 ноября, № 258.

Две телеграммы. 1925, 18 ноября, № 264.

Вверх и вниз. 1925, 22 ноября, № 268.

Провокатор. Рассказ из эпохи 1905 г. 1925, 29 ноября, № 274.

Когда ЭТОГО не будет. 1925, 6 дек., № 280.

Начальник уголовного розыска. 1925, 16 дек., № 288.

Первый пожар. 1925, 24 дек., № 295.

Пути-дороги. Рассказ Гайдара. 1926, 9 июля, № 155; 11 июля, № 157; 13 июля, № 158; 14 июля, № 159. Заголовок рисованный. В тексте рисунки.

Четыре рапорта. 1926, 19 сент., № 215. Заголовок рисованный.

Первая смерть. 1926, 26 сент., № 221. Заголовок рисованный.

Денщик генерала Дергач-Оглопероза. (Рассказ). 1926, 7 ноября, № 257.

Патроны. 1926, 21 ноября, № 268.

Повести

Жизнь ни во что. Лбовщина. 1926, 10 янв., № 8; 13 янв., № 10; 15 янв., № 12; 17 янв., № 14; 20 янв., № 16; 22 янв., № 18; 24 янв., № 19; 27 янв., № 21; 29 янв., № 23; 31 янв., № 25; 3 февр., № 27; 5 февр., № 29; 7 февр., № 31; 10 февр., № 33; 11 февр., № 34; 12 февр., № 35; 13 февр., № 36; 14 февр., № 37; 16 февр., № 38; 17 февр., № 39; 19 февр., № 41; 23 февр., № 44; 24 февр., № 45; 25 февр., № 46; 26 февр., № 47; 27 февр., № 48; 28 февр., № 49; 2 марта, № 50; 3 марта, № 51. Заголовок рисованный. Начиная с № 12 рисунок его изменен. Последний подвал с рисованным портретом Гайдара.

Р.В.С. 1926, 11 апр., № 83; 13 апр., № 84; 14 апр., № 85; 15 апр., № 86; 16 апр., № 87; 17 апр., № 88; 18 апр., № 89; 20 апр., № 90; 21 апр., № 91; 22 апр., № 92; 23 апр., № 93; 24 апр., № 94; 25 апр., № 95; 27 апр., № 96; 28 апр., № 97.

Тайна горы. Фантастический роман Гайдара. [Повесть]. 1926, 8 сент., № 205; 9 сент., № 206; 10 сент., № 207; 12 сент., № 209; 14 сент., № 210; 15 сент., № 211; 16 сент., № 212; 17 сент., № 213; 19 сент., № 215; 21 сент., № 216; 22 сент., № 217; 23 сент., № 218; 24 сент., № 219; 26 сент., № 221; 28 сент., № 222; 29 сент., № 223; 30 сент., № 224. Заголовок рисованный. В тексте рисунки Г. Л. (Г. Ляхина).

Рыцари неприступных гор. Повесть Гайдара. Рисунки Г. Ляхина. [Отрывок из повести]. 1926, 5 дек., № 280; 7 дек., № 281; 8 дек., № 282; 9 дек., № 283; 10 дек., № 284; 12 дек., № 286; 14 дек., № 287; 15 дек., № 288; 16 дек., № 289; 17 дек., № 290; 18 дек., № 291. Заголовок рисованный.

«Вечерняя Звезда»

Фельетоны

Электропроекты П. М. Х. 1926, 11 янв., № 1.
Музыкально-алкогольные исследования. Фельетон. 1926, 18 янв., № 2.
Горячее время. Фельетон. 1926, 25 янв., № 3.
Отнюдь не фантазия. Фельетон. 1926, 1 февр., № 4.
Обыватель. (Из инсценир. Гайдара). [Фельетон в стихах]. 1926, 1 февр., № 4.
В поисках невесты. Маленький фельетон. [Фельетон в стихах]. 1926, 8 февр., № 5.
Скорая помощь. Фельетонная быль. 1926, 15 февр., № 6.
Веселый доктор. Фельетон Гайдара. 1926, 28 июня, № 23.

«Уральский рабочий»

Фельетоны

Шел солдат с похода, зашел солдат в РИК. 1927, 10 февр., № 33.
Краткое описание жанра № 196 с некоторыми отвлечениями в область мировой истории. 1927, 13 февр., № 36.
Смерть примиряющая. 1927, 15 февр., № 37.
«На почве национальной ненависти». 1927, 16 февр., № 38.
«Р-романтика». 1927, 17 февр., № 39. В газете напечатано «Р-романтики», но это явная опечатка.
Человек на веревке. 1927, 18 февр., № 40.
«Авторитетные слова». 1927, 19 февр., № 41.

Отрезанный ус. 1927, 24 февр., № 45.
Хватит гвоздей. 1927, 25 февр., № 46.
Ярлык. 1927, 17 апр., № 88.
Таинственный незнакомец. 1927, 22 апр., № 92.
Пасхальный фельетон. 1927, 23 апр., № 93.

Очерк

3000 вольт. 1927, 11 февр., № 34.

Повесть

Лесные братья (Давыдовщина). Повесть Гайдада. 1927, 10 мая, № 105; 11 мая, № 106; 12 мая, № 107; 13 мая, № 108; 14 мая, № 109; 15 мая, № 110; 17 мая, № 111; 18 мая, № 112; 19 мая, № 113; 20 мая, № 114; 21 мая, № 115; 22 мая, № 116; 24 мая, № 117; 25 мая, № 118; 26 мая, № 119; 27 мая, № 120; 28 мая, № 121; 29 мая, № 122; 31 мая, № 123; 1 июня, № 124; 2 июня, № 125; 4 июня, № 126; 5 июня, № 127; 7 июня, № 128; 8 июня, № 129; 9 июня, № 130; 10 июня, № 131; 11 июня, № 132; 12 июня, № 133. Заголовок рисованный. В тексте рисунки.

«Смычка» (Усолье)

Повесть

Лесные братья (Давыдовщина). Повесть Гайдара. 1927, 15 мая, № 110; 17 мая, № 111; 18 мая, № 112; 19 мая, № 113; 20 мая, № 114; 21 мая, № 115; 22 мая, № 116; 24 мая, № 117; 25 мая, № 118; 26 мая, № 119; 27 мая, № 120; 28 мая, № 121; 29 мая, № 122; 31 мая, № 123; 1 июня, № 124; 2 июня, № 125; 4 июня, № 126; 5 июня, № 127. (пропуск в комплекте газеты); 15 июня, № 134; 16 июня, № 135; 17 июня, № 136; 18 июня, № 137; 19 июня, № 138 (печатание повести на этом не заканчивается, дальше — пропуск в комплекте газеты. Полного комплекта «Смычки» разыскать не удалось).

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. П. ГАЙДАРА, ОПУБЛИКОВАННЫХ В УРАЛЬСКИХ ГАЗЕТАХ В 1925—1927 ГОДАХ

А если вблизи? Подсмотрено в окошко. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 22 июля, № 165.

«Авторитетные слова». [Фельетон].— «Уральский рабочий», 1927, 19 февр., № 41.

Адмотделу Пермского исполкома. [Фельетон].— «Звезда», 1925, 25 ноября, № 270.

- Азартный уклон. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 13 июля, № 153.
- Альбомные стихи. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 13 февр., № 36.
- Баллада о перевыборном плакате. [Стихи].— «Звезда», 1926, 3 февр., № 27.
- Благое начинание. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 24 авг., № 192.
- Будьте предусмотрительны. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 6 янв., № 4.
- Буква закона. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 7 сент., № 204.
- Бумажная стихия. [Фельетон].— «Звезда», 1925, 8 дек., № 281.
- В защиту окрфо. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 28 ноября, № 274.
- В новой патле. [Стихи].— «Звезда», 1926, 24 июня, № 142.
- В поисках невесты. [Фельетон в стихах].— «Вечерняя Звезда», 1926, 8 февр., № 5.
- Вверх и вниз. [Рассказ].— «Звезда», 1925, 22 ноября, № 268.
- «Верите ли вы нам, как государственной организации?» [Фельетон].— «Звезда», 1925, 11 дек., № 284.
- Верх рассеянности. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 14 дек., № 287.
- Веселый доктор. [Фельетон].— «Вечерняя Звезда», 1926, 28 июня, № 23.
- Вместо фельетона. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 14 сент., № 210.
- Волшебный дом. [Фельетон].— «Звезда», 1925, 4 дек., № 278.
- Встречи в бурю. (Из воспоминаний тов. Окулова о тов. Дзержинском). [Очерк].— «Звезда», 1926, 23 июля, № 166.
- Газеты Колчака. [Очерк].— «Звезда», 1926, 15 июля, № 160.
- Горчее время. [Фельетон].— «Вечерняя Звезда», 1926, 25 янв., № 3.
- Госторговские яйца. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 26 июня, № 144.
- «Да здравствует буржуазия». [Фельетон].— «Звезда», 1926, 21 февр., № 43.
- Две телеграммы. [Рассказ].— «Звезда», 1925, 18 ноября, № 264.
- Дела давно минувших дней. [Фельетон].— «Звезда», 1927, 7 янв., № 5.
- Дело бухгалтеря Клопина. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 5 ноября, № 255.
- Дело Лабинского. [Статья].— «Звезда», 1926, 4 июля, № 151; 6 июля, № 152.
- Дельное предложение. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 22 авг., № 191.
- Денщик генерала Дергач-Оглоперова. (Рассказ).— «Звезда», 1926, 7 ноября, № 257.
- Дипломатический подход. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 17 ноября, № 264.
- Договор. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 21 дек., № 293.
- Дочь ревизора. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 19 авг., № 188.
- Жизнь ни во что. Лбовщина. [Повести].— «Звезда», 1926, 10 янв., № 8; 13 янв., № 10; 15 янв., № 12; 17 янв., № 14; 20 янв., № 16; 22 янв., № 18; 24 янв., № 19; 27 янв., № 21; 29 янв., № 23; 31 янв., № 25; 3 февр., № 27; 5 февр., № 29; 7 февр., № 31; 10 февр., № 33; 11 февр., № 34; 12 февр., № 35; 13 февр., № 36; 14 февр., № 37; 14 февр., № 38; 17 февр., № 39; 19 февр., № 41; 23 февр., № 44; 24 февр., № 45; 25 февр., № 46; 26 февр., № 47; 27 февр., № 48; 28 февр., № 49; 2 марта, № 50; 3 марта, № 51.
- Загиб мозгов. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 13 июня, № 134.

- Заграничное письмо. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 9 февр., № 32.
- Записки домовладельца. [Фельетон].— «Звезда», 1925, 20 дек., № 292.
- Записки финаганта. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 24 июля, № 167.
- Игра на веревках. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 16 дек., № 289.
- Из тысячи в одной ночи. Киноэюд. [Очерк].— «Звезда», 1926, 25 апр., № 95.
- История о неуловимом билете. [Фельетон].— «Звезда», 1925, 27 ноября, № 272.
- История одной смерти. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 1 июля, № 148.
- К перевыборам горсовета. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 30 янв., № 24.
- Кама. [Очерк].— «Звезда», 1925, 22 ноября, № 268.
- Кизловская щедрость. [Фельетон].— «Звезда», 1925, 17 дек., № 289.
- Когда ЭТОГО не будет. [Рассказ].— «Звезда», 1925, 6 дек., № 280.
- Конспиративное собрание, или Кто из наших читателей догадливей? [Фельетон].— «Звезда», 1926, 11 июля, № 157.
- Краткое описание жакта № 196 с некоторыми отвлечениями в область мировой истории. [Фельетон].— «Уральский рабочий», 1927, 13 февр., № 36.
- «Крейсер» «Овсянники». [Фельетон].— «Звезда», 1926, 1 июля, № 148.
- Кругом деньги. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 7 июля, № 153.
- Кругом целого света за полтинник. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 23 ноября, № 269.
- Купленный человек. [Фельетон].— «Звезда», 1927, 5 янв. № 3.
- Лесные братья (Давыдовщина). Повесть Гайдара.— «Уральский рабочий», 1927, 10 мая, № 105; 11 мая, № 106; 12 мая, № 107; 13 мая, № 108; 14 мая, № 109; 15 мая, № 110; 17 мая, № 111; 18 мая, № 112; 19 мая, № 113; 20 мая, № 114; 21 мая, № 115; 22 мая, № 116; 24 мая, № 117; 25 мая, № 118; 26 мая, № 119; 27 мая, № 120; 28 мая, № 121; 29 мая, № 122; 31 мая, № 123; 1 июня, № 124; 2 июня, № 125; 4 июня, № 126; 5 июня, № 127; 7 июня, № 128; 8 июня, № 129; 9 июня, № 130; 10 июня, № 131; 11 июня, № 132; 12 июня, № 133.
- Также в газете «Смычка» (Усолье, орган Верхнекамского окружкома ВКП(б) и окрисполкома), начиная с 15 мая 1927 года, № 110. Печаталась в мае и июне (полный комплект газеты не разыскан).
- Логика денег. [Фельетон].— «Звезда», 1925, 20 дек., № 292.
- Магазин готового платья. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 28 июля, № 170.
- «Маленькая» ошибка. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 25 авг., № 193.
- Музыкально-алкогольные исследования. [Фельетон].— «Вечерняя Звезда», 1926, 18 янв., № 2.
- Мысли о бюрократизме. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 25 июля, № 168.
- Надгробное слово. [Фельетон].— «Звезда», 1925, 3 дек., № 277.
- «На почве национальной ненависти». [Фельетон].— «Уральский рабочий», 1927, 16 февр., № 38.
- Наследие старой династии. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 15 июня, № 135.
- Насчет любви. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 10 ноября, № 258.
- Начальник уголовного розыска. [Рассказ].— «Звезда», 1925, 16 дек., № 288.

- Наши собрания и наши докладчики. (Перевыборный очерк).— «Звезда», 1927, 16 янв., № 13.
- Наблагословитанный инспектор. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 4 ноября, № 254.
- «Не возражайте!». [Фельетон].— «Звезда», 1926, 22 июля, № 165.
- Неофициальное письмо. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 25 июня, № 143.
- Неуместная наивность. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 14 июля, № 159.
- Неуместная «расчетливость». Под рубрикой: «Дорогу рабочей смекалке!» [Фельетон].— «Звезда», 1926, 20 авг., № 189.
- Ночное приключение. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 2 июля, № 149.
- Ночные «барабанички». [Фельетон].— «Звезда», 1926, 20 авг., № 189.
- О высоком искусстве и маленьком человеке. [Фельетон].— «Звезда», 1927, 4 янв., № 2.
- О городе Самарканде, дороге по крышам и женщинах без лица. Письмо с дороги. [Очерк].— «Звезда», 1926, 20 апр., № 90.
- О жадном Местхозе, богатом Промбанке и бедном Ребе. Сказка. [Фельетон].— «Звезда», 1925, 16 дек., № 288.
- О корзинке, шляпе и нравственности. Письмо с дороги. [Очерк].— «Звезда», 1926, 18 апр., № 89.
- О «новой жизни». [Фельетон].— «Звезда», 1926, 1 янв., № 1.
- О том, как хоронили Левку. [Рассказ].— «Звезда», 1925, 11 ноября, № 258.
- О человеке, который думал. (К выставке стенных газет). [Очерк].— «Звезда», 1926, 16 янв., № 13.
- О Шлагинских мастерских и вообще. [Очерк].— «Звезда», 1925, 17 ноября, № 263.
- Оборотная сторона. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 29 июня, № 146.
- Обыватель. (Из инсценир. Гайдара). [Фельетон в стихах].— «Вечерняя Звезда», 1926, 1 февр., № 4.
- Осиновые дела. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 14 янв., № 11.
- Осколки разбитого. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 20 июня, № 140.
- Остров вакханалии. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 18 июля, № 162.
- Ответ на письмо. [Фельетон].— «Звезда», 1927, 6 янв., № 4.
- Отнюдь не фантазия. [Фельетон].— «Вечерняя Звезда», 1926, 1 февр., № 4.
- От поезда до поезда. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 25 марта, № 68.
- Отрезанный ус. [Фельетон].— «Уральский рабочий», 1927, 24 февр., № 45.
- Отрывок из летописи. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 30 дек., № 300.
- Отрывок из поэмы «Пулеметная пурга».— «Звезда», 1926, 23 февр., № 44.
- Очередная повестка. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 11 ноября, № 259.
- Пасхальный фальетон.— «Уральский рабочий», 1927, 23 апр., № 93.
- Патроны. [Рассказ].— «Звезда», 1926, 21 ноября, № 268.
- Первая смерть. [Рассказ].— «Звезда», 1926, 26 сент., № 221.
- Первомайский бал. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 8 июля, № 154.
- Первый пожар. [Рассказ].— «Звезда», 1925, 24 дек., № 295.

- Перед выборами. Отрывок из инсценировки Гайдара. [Стихи].— «Звезда», 1926, 31 янв., № 25.
- Письмо с намерениями. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 18 ноября, № 265.
- По бригаде особого назначения П.М.Х.— приказ. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 10 сент., № 207.
- Поддельное письмо. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 17 февр., № 39.
- Позорный документ. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 3 сент., № 201.
- Политграмма Уралторга. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 16 янв., № 13.
- После измены. [Стихи].— «Звезда», 1926, 19 июня, № 139.
- Предвыборные заметки. [Очерк].— «Звезда», 1927, 8 янв., № 6.
- Притча о блудном сыне. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 18 авг., № 187.
- Провокатор. Рассказ из эпохи 1905 г.— «Звезда», 1925, 29 ноября, № 274.
- Проклятая дочь. [Очерк].— «Звезда», 1926, 26 ноября, № 272.
- Простая истина. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 5 дек., № 280.
- Пути-дороги. Рассказ Гайдара.— «Звезда», 1926, 9 июля, № 155; 11 июля, № 157; 13 июля, № 158, 14 июля, № 159.
- Разбитое стекло. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 25 ноября, № 271.
- Размышления рабочего человека. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 12 ноября, № 260.
- Рассказ о св. человеке. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 23 июля, № 166.
- Рассуждение на библейские темы. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 9 янв., № 7.
- Рассуждения о смерти. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 3 дек., № 278.
- Растаявшее мороженое. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 28 авг., № 196.
- Расчеты инспектора Балабанова. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 18 авг., № 187.
- Р.В.С. [Повесть].— «Звезда», 1926, 11 апр., № 83; 13 апр., № 84, 14 апр., № 85; 15 апр., № 86; 16 апр., № 87; 17 апр., № 88; 18 апр., № 89; 20 апр., № 90; 21 апр., № 91; 22 апр., № 92; 23 апр., № 93; 24 апр., № 94; 25 апр., № 95; 27 апр., № 96; 28 апр., № 97.
- «Р-романтика». [Фельетон].— «Уральский рабочий», 1927, 17 февр., № 39.
- Рыцари неприступных гор. [Отрывок из повести].— «Звезда», 1926, 5 дек., № 280; 7 дек., № 281; 8 дек., № 282, 9 дек., № 283; 10 дек., № 284; 12 дек., № 286; 14 дек., № 287; 15 дек., № 288; 16 дек., № 289; 17 дек., № 290; 18 дек., № 291.
- «Святая невинность». [Фельетон].— «Звезда», 1926, 27 авг., № 195.
- Секретные следения. [Фельетон].— «Звезда», 1925, 12 дек., № 285.
- Сказание о св. Душе. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 2 ноября, № 252.
- Сказка о бедном старике и гордом бухгалтере. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 21 ноября, № 268.
- Скорая помощь. [Фельетон].— «Вечерняя Звезда», 1926, 15 февр., № 6.
- Скоропортящиеся продукты. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 22 июля, № 165.
- Случай массового гипноза. [Фельетон].— «Звезда», 1927, 18 янв., № 14.

Смерть примиряющая. [Фельетон].— «Уральский рабочий», 1927, 15 февр., № 37.

Спец от Центроспирта. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 28 янв., № 22.

Спокойный край. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 29 июля, № 171.

Сто процентов благотворительности. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 27 июня, № 145.

Суд строгий и правый. [Фельетон].— «Звезда», 1927, 8 янв., № 6.

Таинственный незнакомец. [Фельетон].— «Уральский рабочий», 1927, 22 апр., № 92.

Тайна горы. Фантастический роман Гайдара. [Повесть].— «Звезда», 1926, 8 сент., № 205; 9 сент., № 206; 10 сент., № 207; 12 сент., № 209; 14 сент., № 210; 15 сент., № 211; 16 сент., № 212; 17 сент., № 213; 19 сент., № 215; 21 сент., № 216; 22 сент., № 217; 23 сент., № 218; 24 сент., № 219; 26 сент., № 221; 28 сент., № 222; 29 сент., № 223; 30 сент., № 224.

Талантливый укротитель. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 13 ноября, № 261.

Темной ночью. [Фельетон].— «Звезда», 1925, 5 дек., № 279.

Теоретическое обоснование. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 14 февр., № 37.

Тихая избыть. [Фельетон].— «Звезда», 1927, 16 янв., № 13.

Торжественная передача. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 30 октября, № 250.

«Точные» коэффициенты. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 24 дек., № 296.

Три пуговицы. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 21 июля, № 164.

3000 вольт. [Очерк].— «Уральский рабочий», 1927, 11 февр., № 34.

«Туртунеф ди жамбой». [Фельетон].— «Звезда», 1926, 20 ноября, № 267.

Тысячу первый раз о том же. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 20 янв., № 16.

У ворот Средней Азии. Письмо с дороги. [Очерк].— «Звезда», 1926, 15 апр., № 86.

Угловой дом. [Рассказ].— «Звезда», 1925, 7 ноября, № 256.

Ураза Байрам, или Еще об одном зиве. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 12 февр., № 35.

Фельетон без визы.— «Звезда», 1926, 29 июля, № 171.

Фельетон по поводу.— «Звезда», 1926, 4 сент., № 202.

Хватит гвоздей. [Фельетон].— «Уральский рабочий», 1927, 25 февр., № 46.

Холостые залпы. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 4 сент., № 202.

Хорошо сшитый фрак. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 17 сент., № 213.

Цена жизни. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 4 дек., № 279.

Церковные дела. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 2 дек., № 277.

Человек, который «не любит коммунистов». [Фельетон].— «Звезда», 1926, 19 янв., № 15.

Человек на веревке. [Фельетон].— «Уральский рабочий», 1927, 18 февр., № 40.

Четыре рапорта. [Рассказ].— «Звезда», 1926, 19 сент., № 215.

Чудеса в решете. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 30 июня, № 147.

Шел солдат с похода, зашел солдат в РИК. [Фельетон].— «Уральский рабочий», 1927, 10 февр., № 33.

«Шумит ночной Марсель». (Кино-эскиз). [Фельетон].— «Звезда», 1926, 27 июля, № 169.

Экономьте здоровый смысл. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 24 июня, № 142.

Экстренный вызов. [Фельетон].— «Звезда», 1926, 1 дек., № 276.

Электропроекты П.М.Х. [Фельетон].— «Вечерняя Звезда», 1926, 11 янв., № 1.

Энергичная атака. [Фельетон].— «Звезда», 1927, 13 янв., № 10.

Ярлык. [Фельетон].— «Уральский рабочий», 1927, 17 апр., № 88.

ОГЛАВЛЕНИЕ

НЕСКОЛЬКО ВСТУПИТЕЛЬНЫХ СЛОВ	3
НА НОВОМ МЕСТЕ	
Первые шаги	7
Редакция и редакционные ребята	12
К новому оружию	19
ЦВЕТ ВРЕМЕНИ	
Радости тех лет	21
Старые и новые ритмы	24
Тревоги газеты	32
ФЕЛЬЕТОНИСТ ГАЙДАР	
Время фельетона	37
Поле боя	42
Поиски формы	48
Личные мотивы	65
Начинаются неприятности	72
Декларация фельетониста	77
Фельетонист и писатель	82
ДАЛЕКОЕ И БЛИЗКОЕ	
Опыт очерка	90
Голос горячего сердца	94
Когда все шло от жизни	96
Надуманые темы	107
О детях	111
Пути-дороги	119
ГАЙДАР И ЛБОВ	
Повести об уральских партизанах	125
Александр Лбов и его товарищи	134
Ради занимательности	143
Алексей Давыдов — преемник Лбова	149
Можно ли просто забыть?	153
Правота и ошибки молодого писателя	159
ПРОТЕСТ ГАЙДАРА	
Рождение «Р.В.С.»	163
Взрослым или детям!	166

Письмо в «Правду»	169
Хорошее начало	175
В ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОМ ЖАНРЕ	
Проба сил	177
«Тайна горы»	179
Две повести в одной	185
Издержки поисков	196
КАК ЖИЛОСЬ?	
Работа, работа, работа...	198
Слово к работам	200
С литературной молодежью	202
Южное турне	206
Каким он был	212
«Схимник раб Аркадий»	216
Новые неприятности	220
Суд над фельетонистом	224
После суда	227
Что оставалось делать?	231
Память о Перми	234
НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ЗАКЛЮЧЕНИЕ	240
БИБЛИОГРАФИЯ	
Произведения А. П. Гайдара, опубликованные в уральских газетах в 1925—1927 годах	248
Вспомогательный алфавитный указатель произведений А. П. Гайдара, опубликованных в уральских газетах в 1925—1927 годах	254

**Савватий Михайлович ГИНЦ,
Борис Никандрович НАЗАРОВСКИЙ**

АРКАДИЙ ГАЙДАР НА УРАЛЕ

Страницы биографии
Второе издание

Редактор А. М. Граевский
Художник В. В. Вагин
Художественный редактор М. В. Тарасова
Технический редактор В. Н. Филиппов
Корректоры И. Л. Пархомовская,
Е. П. Божанова

Сдано в набор 5/III-1968 г. Подписано
в печать 19/VIII 1968 г. Формат бумаги
тип. № 2 70×108¹/₃₂. Печ. л. 8,25×0,875,
вклейки (усл.-прив. л. 12,775) бум. л. 4,5625;
уч.-изд. л. 14,511 л. ЛБ02358. Тираж 10 000 экз.
Цена 78 коп. Зак. 2615.

Пермское книжное издательство,
г. Пермь, ул. Карла Маркса, 30.

г. Пермь, тип. изд. «Звезда», ул. Дружбы, 34.